СЕРБСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Фонетика и морфологія сербскаго языка.

ПОСОБІЕ КЪ ЛЕКЦІЯМЪ

проф. С. М. Кульбакина.

Съ картой нарѣчій сербскаго языка.

Изданіе 2-е, съ измѣненіями и дополненіями.

ПОЛТАВА.
Электрич. Типо-Литографія И. Л. Фришберга
1917.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Въ числѣ словянскихъ языковъ, изучаемыхъ на историко-филологическомъ факультетѣ нашихъ университетовъ, сербскій языкъ издавна пользуется особымъ вниманіемъ какъ потому, что его данныя очень цѣнны для сравнительной грамматики словянскихъ языковъ, такъ и потому, что онъ является органомъ интересной литературы и богатѣйшей народной поэзіи.

Тѣмъ не менѣе число научныхъ пособій къ изученію его на русскомъ языкѣ—невелико; притомъ же нѣкоторыя изъ этихъ пособій со времени своего выхода въ свѣтъ успѣли устарѣть, а другія представляютъ слишкомъ краткое изложеніе предмета.

Испытывая затрудненіе въ выборѣ учебника при занятіяхъ сербскимъ языкомъ въ университетѣ и на высшихъ женскихъ курсахъ, авторъ рѣшился выпустить собственный опытъ научной характеристики сербскаго языка.

Назначеніе этого опыта—исключительно служить пособіемъ къ лекціямъ и практическимъ занятіямъ по сербскому языку.

Въ основѣ приложенной къ книгѣ карты нарѣчій сербскаго языка лежатъ карты Белича въ его работѣ „Діалектологическая карта сербскаго языка“ (1905 г.) и въ журналѣ „Rocznik Slawistyczny“ (III т.).

Предисловіе ко 2-му изданію.

Настоящее 2-е изданіе книги (1-е вышло въ 1915 году) сохраняетъ въ общемъ тотъ же характеръ и отвѣчаетъ той же задачѣ, что и первое, но представляетъ переработку этого перваго изданія въ частностяхъ. При этомъ составитель книги съ признательностью воспользовался нѣкоторыми указаніями своихъ критиковъ,—проф. Мейе (A. Meillet въ Парижѣ), проф. Ванъ-Вейка (van Vijk—въ Лейденѣ) и пр.-доц. М. Г. Долобко (въ Петроградѣ).

Благодарностью обязанъ авторъ за помощь въ чтеніи корректуръ пр.-доц. Л. А. Булаховскому.

Въ заключеніе долженъ извиниться передъ читателями въ нѣкоторыхъ дефектахъ внѣшней стороны изданія. Типографія не имѣла знаковъ йотованныхъ юсовъ и йотованнаго є, и вмѣсто этихъ знаковъ въ книгѣ встрѣчаются нѣсколько неточные знаки: ıѧ, ıѫ, ıє. Въ силу такихъ же затрудненій типографскаго характера (отсутствіе спеціальныхъ знаковъ ѕ, ž и др. въ мелкомъ шрифтѣ) пришлось нѣкоторыя слова въ примѣчаніяхъ набирать не петитомъ, а болѣе крупнымъ шрифтомъ, а иногда начинать заглавіе съ маленькой буквы. Тѣмъ же объясняется отсутствіе удареній на буквѣ *и* въ сербскихъ примѣрахъ; въ такихъ случаяхъ въ скобкахъ даются формы съ удареніемъ въ латинской транскрипціи.

26 февраля 1917 г. Харьковъ.

СОКРАЩЕНІЯ.

ASlPh. (Arch.) = Archiv für slaviche Philologie.

Дијалекти (Белић'а) = Дијалекти источне и јужне Србије. 1905 г.

Die Dialekte d. südl. Serb. = Olaf Broch „Die Dialekte des südlichsten Serbiens".

D. štok. Dial.=Rešetar „Der štokavische Dialekt". 1907 г.

Etymol. W. = Etymologisches Wörterbuch.

Глас = Глас Српске Краљевске Академије. Београд.

Gramm. Будмани = Budmani Pietro. Grammatika della lingua serbo-croata (illirica).

Gram. i stilist. hrv. jez. = Maretić. Grammatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. 1899 г.

„Замѣтки" (Белича) = Замѣтки по чакавскимъ говорамъ—въ Изв. Отд. р. яз. и сл. XIV, 2 кн.

Изв. (Отд. р. яз. и сл.) = Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

Ист. обл. = Даничић. Историја облика српскога или хрватскога језика до свршетка XVII вијека. 1874 г.

K. Z. = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung.

Monum. serb. = Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii, ed. Fr. Miklosich.

R. Cr. = Revue critique.

Roczn. slaw. = Rocznik slawistyczny.

Р. Ф. В. = Русскій Филологическій Вѣстникъ.

Српск. дијал. Зб. = Српски дијалекатски Зборник.

Serb. Gr. Лескина = Leskien, Grammatik der serbo-kroatischen Sprache.

Соболевскій = А. И. Соболевскій. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изд. 3-е, 1917 г.

Энц. слав. фил. = Энциклопедія славянской филологіи. Изданіе Отдѣленія русскаго языка и словесности Императ. Академіи Наукъ.

I. Сербо-хорватскій языкъ и его границы.

§ 1. Сербскимъ или сербо-хорватскимъ языкомъ говоритъ словянское племя, живущее, главнымъ образомъ, въ западной части Балканскаго полуострова: въ королевствѣ Сербіи, въ королевствѣ Черногоріи и въ областяхъ Австро-Венгерской имперіи,—Босніи и Герцеговинѣ, Истріи, Далмаціи, Хорватіи, Славоніи, Срѣмѣ, Бачкѣ, Банатѣ и Приморьи, а также на островахъ Адріатическаго моря: Рабъ, Керкъ (Велья), Цресъ, Лошинь, Брачъ, Хваръ, Млѣтъ, Корчула и др. Флоринскій (Славянское племя) исчисляетъ сербо-хорватъ въ 9.135.000, Нидерле (Обозрѣніе современнаго славянства)—въ 8.550.000.

Раздѣленный въ политическомъ отношеніи, сербо-хорватскій народъ не представляетъ единаго цѣлаго въ строгомъ смыслѣ и въ отношеніи историко-культурномъ. Уже въ глубокой древности сербо-хорватскій народъ состоялъ изъ ряда мелкихъ племенъ, подобно тому, какъ дробилось на рядъ мелкихъ племенныхъ единицъ и русское племя. Таковы были: сербы и хорваты въ собственномъ смыслѣ, захлумляне (захолмляне), требиняне, конавляне, дукляне, неретляне. Съ теченіемъ времени племена эти сгруппировались вокругъ двухъ политическихъ центровъ и образовали двѣ крупныя части сербо-хорватскаго племени: восточную—сербовъ и западную—хорватъ. Различныя условія политической и религіозной жизни способствовали въ нѣкоторой степени племенному разъединенію сербовъ и хорватъ: хорваты съ 1102 года вошли въ составъ венгерскаго королевства и, принявъ организацію церковной жизни отъ Рима, вошли въ сферу вліянія западной, латинской культуры; между тѣмъ сербы жили своей особенной политической жизнью и находились въ бо́льшей мѣрѣ подъ культурнымъ вліяніемъ Византіи, откуда и получили христіанство.

Внѣшнимъ образомъ это различіе историко-культурныхъ условій жизни сербовъ и хорватъ сказывается въ ихъ алфавитѣ: сербы въ настоящее время употребляютъ ту же въ основѣ азбуку, что и русскіе,—по происхожденію греческую, тогда какъ хорваты пользуются латинскимъ письмомъ, вытѣснившимъ когда-то употреблявшуюся у нихъ глаголицу.

Въ отношеніи языка сербы и хорваты представляютъ, однако, единый народъ.

На сѣверѣ область сербо-хорватскаго языка граничитъ съ областью ближайше родственнаго словинскаго языка, причемъ та и другая область связываются полосой смѣшанныхъ сербо-словинскихъ говоровъ, извѣстныхъ въ наукѣ подъ именемъ кайкавскаго нарѣчія: въ своей основѣ эти говоры являются словинскими.

Примѣчаніе. Словинцы или словенцы (около $1^{1}/_{2}$ милліона) живутъ въ австрійскихъ провинціяхъ—Крайнѣ, Штиріи и Хорутаніи, отчасти же въ Венгріи (въ саладскомъ, желѣзномъ и веспримскомъ комитатахъ) и въ Италіи (въ Резьянской долинѣ).

Съ запада границей сербо-хорватскаго языка является Адріатическое море. На югѣ область сербо-хорватскаго языка граничитъ съ албанской, идя приблизительно отъ Скадра къ Печи (Ipek), оттуда подъ Дьяковицей и Призреномъ къ Скоплю.

На юго-востокѣ сербскій языкъ связанъ полосой говоровъ, которые могутъ быть названы смѣшанными сербо-болгарскими,—съ областью болгарскаго языка; въ своей основѣ эти смѣшанные говоры являются сербскими (ср. ниже, § 5).

На сѣверо-востокѣ сосѣдями сербо-хорватъ являются румыны и венгры (мадьяре). Румыны, отграниченные, вообще говоря, отъ южныхъ словянъ Дунаемъ, между Тимокомъ и Млавой проникаютъ на правую сторону Дуная, въ область сербскаго языка. Съ другой стороны, сербы, переходя на лѣвый берегъ Дуная, не только образуютъ сплошную прибрежную полосу отъ Млавы и до впаденія въ Дунай Дравы, но и живутъ то бóльшими, то меньшими островами дальше къ сѣверу въ цѣломъ рядѣ венгерскихъ комитатовъ (см. карту).

Отдѣльныя сербскія колоніи находимъ въ нижней Австріи, въ Моравіи и южной Италіи.

Примѣчаніе. Ср. Нидерле, Обозрѣніе современнаго славянства (2-й вып. Энц. слав. фил.) 1909 г., 106 и сл. О сербо-хорватскихъ колоніяхъ въ южной Италіи ср. Rešetar, Die serbokroatischen Kolonien Süditaliens (Schriften der Balkankommission, ling. Abth. IX, 1911 г. Wien).

2. Положеніе сербскаго языка среди другихъ словянскихъ языковъ.

§ 2. Сербскій (сербо-хорватскій) языкъ въ своихъ основныхъ звуковыхъ чертахъ (и въ своемъ словарномъ матеріалѣ) ближе всего примыкаетъ къ болгарскому и словинскому языкамъ.

1. Въ соотвѣтствіи русскимъ полногласнымъ формамъ (*оро, оло, ере, еле*) между согласными, въ сербскомъ находимъ сочетанія *ра, ла, рѣ, лѣ,* какъ и въ болгарскомъ и словинскомъ языкахъ: ср. русск. *городъ*—др.-ц.-сл. градъ, болг. градъ, серб. град (grâd), словинск. grâd; русск. *голодъ*—др.-ц.-сл. гладъ, болг. гладъ, серб. глад (glâd), словинск. glâd; русск. *берегъ*—др.-ц.-сл. брѣгъ, болг. брѣгъ, серб. брег (brêg: е получилось изъ ě, т. е. ѣ), словин. brêg.

Можно думать, что въ праславянскомъ языкѣ, т. е. въ эпоху единства славянскихъ языковъ, такія формы имѣли or, ol, er, el между согласными: *gordъ, *goldъ, *bergъ, *želza (др.-ц. сл. жлѣза, русск. *железá*, серб. жлезда—žlézda) и т. п. Слѣдовательно, въ сербскомъ, болгарскомъ и словинскомъ находимъ сочетанія ra, la, rě, lě (=*рѣ, лѣ*) между согласными въ соотвѣтствіи праславянскимъ сочетаніямъ or, ol, er, el между согласными. Должно замѣтить, что въ этомъ пунктѣ къ южно-славянскимъ языкамъ,—болгарскому, сербскому и словинскому,—примыкаетъ одинъ изъ западныхъ славянскихъ языковъ: чешскій; въ чешскомъ также находимъ въ соотвѣтствіи русскимъ полногласнымъ формамъ сочетанія ra, la, rě, lě.

Въ началѣ слова изъ праслов. or, ol находимъ въ сербскомъ всегда почти *ра, ла,* какъ и въ болгарскомъ и словинскомъ; между тѣмъ въ русскомъ—въ однихъ случаяхъ *ра, ла,* въ другихъ—*ро, ло*; польскій и чешскій сходятся въ этомъ отношеніи съ русскимъ: ср. серб. лакат (lȃkat), др.-ц.-сл. лакъть, болг. лакъть, словин. lakât и русск. *локоть*, пол. łokieć, чеш. loket; серб. раван (rávan), др.-ц.-сл. равьнъ, болг. равенъ, слов. ráven—русск. *ровный*, пол. równy, чешск. rovný; сербск. rȃst—русск. *ростъ* и т. п.; съ другой стороны—серб. лаком (lȁkom)—русск. *лакомый*, серб. ратай (ràtaj)—русск. *ратай* и т. п. Отступленіемъ отъ обычныхъ ra, la въ сербскомъ являются: роб (rȍb—рабъ), розга (rȍzga—розга).

2. Первоначальныя праслов. группы согласныхъ kv, gv предъ ě (ѣ—изъ oi) измѣнились въ сербскомъ такъ же, какъ и въ болгарскомъ и словинскомъ, въ cv, dzv, причемъ dzv въ сербскомъ и словинскомъ языкахъ и въ большинствѣ болгарскихъ говоровъ перешло въ zv въ силу того, что dz вообще упростилось въ z. Измѣненіе группъ kv, gv въ cv, dzv и затѣмъ въ zv находимъ также въ русскомъ языкѣ. Въ западнославянскихъ языкахъ, наоборотъ, группы kv, gv сохранились безъ измѣненія. Польскимъ kwiat, gwiazda (а изъ ě), чешскимъ květ, hvězda соотвѣтствуютъ др.-ц.-сл. цвѣтъ, звѣзда, болг. цвѣтъ, звѣзда, серб. цвет (cvêt: е—изъ ě), звезда (zvézda), словинск. cvêt, zvězda, русск. *цвѣтъ, звѣзда.*

3. Первоначальныя группы dl, tl измѣнились въ сербскомъ языкѣ въ l; то же находимъ въ болгарскомъ и словинскомъ языкахъ, а также въ русскомъ: ср. пол. modlić, чеш. modliti—др.-ц.-сл. молити, болг. моля се, серб. молити (mòliti), словин. moliti, русск. *молить*; пол. plótł, чеш. pletl—др.-ц.-сл. плелъ—плела (ж. р.), серб. плѐла (ж. р.), русск. *плела*.

Впрочемъ, въ словинскомъ языкѣ—въ нѣкоторыхъ его нарѣчіяхъ—находимъ примѣры сохраненія группъ dl и tl: šidlo, pletla и т. п.

Примѣчаніе. Въ русскомъ *метла—т*, вѣроятно, вторично возстановлено подъ вліяніемъ родственныхъ образованій съ *-т-* (мету, метелка и т. п.).

Въ частности можно отмѣтить бóльшую близость къ сербскому со стороны словинскаго языка, чѣмъ со стороны болгарскаго. Эта бóльшая близость сербскаго и словинскаго языковъ между собою можетъ быть отмѣчена въ судьбѣ звуковъ ъ и ь, унаслѣдованныхъ словянскими языками изъ эпохи ихъ языкового единства, и въ отношеніяхъ количества и ударенія (ср. §§ 58 и сл.).

Примѣчаніе. Ср. по вопросу о положеніи сербскаго языка среди другихъ словянскихъ у Ягича: Ein Kapitel aus der Geschichte der südslavischen Sprachen,—въ ASlPh. XVII, 47 с.

3. Главныя нарѣчія сербскаго языка.

§ 3. Среди говоровъ сербо-хорватскаго языка издавна принято различать три крупныхъ группы или три нарѣчія: *кайкавское, чакавское* и *штокавское*, причемъ названія свои эти три группы получили по одному, сравнительно малозначительному, признаку: въ первомъ въ значеніи вопросительнаго мѣстоименія *что* употребляется *кај*, во второмъ въ томъ же значеніи—*ча*, въ третьемъ—*што* (ср. ниже, § 96).

Однако, выше (§ 1) уже было отмѣчено, что такъ называемое *кайкавское* нарѣчіе представляетъ не чисто-сербское нарѣчіе, а смѣшанное сербо-словинское съ основой скорѣе словинской, чѣмъ сербской, какъ то признаютъ сами сербскіе ученые.

Примѣчаніе. Ср. Белић въ Гласѣ Српске Краљевске Академије, LXXVIII (1908 г.), 62 стр. Такъ, въ кайкавскомъ нарѣчіи въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. ѫ, т. е. прасловянскому ǫ, является *o*: moka, roka и т. д = мѫка, рѫка, русск. *мука, рука*; то же имѣется въ словинскомъ. Между тѣмъ въ сербскомъ, какъ и въ русскомъ, въ такихъ случаяхъ является *u* (mûka, rûka). Въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскимъ жд и шт, русскимъ *ж, ч* (праслов. dj, tj или kt), въ кайкавскомъ нарѣчіи, какъ въ словинскомъ языкѣ,

имѣется j, č: rojen, noč = др.-ц.-слов. рожденъ, нощь; въ сербскомъ чакавскомъ нарѣчіи является j, ć (см. ниже § 37),—rojen, noć, а въ штокавскомъ — ђ, ћ (ср. ниже, § 13): рђен, нођ. Въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. шт изъ праславян. sk предъ j или мягкими гласными въ кайкавскомъ нарѣчіи является, какъ и въ словинскомъ языкѣ, šč: iščēm = др.-ц.-сл. ищѫ, русск. *ищу*; въ сербскомъ въ такихъ случаяхъ имѣется šć, št: išćēm (чак.) - иштем (ȉštēm—штокав.).

Такимъ образомъ, въ крупнѣйшихъ чертахъ своей фонетики кайкавское нарѣчіе сближается со словинскимъ языкомъ.

Остаются, слѣдовательно, два главныхъ нарѣчія сербскаго языка—*чакавское* и *штокавское*. Оба эти нарѣчія развились изъ одного *прасербскаго* языка и представляютъ въ нѣкоторыхъ чертахъ своихъ двѣ хронологическихъ ступени развитія этого сербскаго праязыка,—болѣе древнюю и болѣе новую.

§ 4. Главныя различія между чакавскимъ и штокавскимъ нарѣчіями заключаются въ слѣдующемъ: 1) въ соотвѣтствіи др.-ц.-слов. сочетанію жд изъ праслов. dj (русск. *ж*) въ чакавскомъ нарѣчіи является j, между тѣмъ какъ въ штокавскомъ въ такихъ случаяхъ имѣется особый смягченный слитный, обозначаемый буквой ђ (ср. § 13): чак. mejȁ—шток. мѐђа (*межа*, др.-ц.-сл. междa), чак. rȍjen—шток. рȍђен (др.-ц.-сл. рожденъ).

2) Въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскому ѧ изъ прасл. ę (*е* носового), русск. *а*, въ чакавскомъ обычно является *е*, но послѣ j, č, ž (т. е. й, ч, ж) въ чакавскихъ говорахъ находимъ *а*, какъ и въ русскомъ языкѣ; между тѣмъ въ штокавскомъ нарѣчіи всегда является *е*: чак. jazȉk—шток. jѐзик (русск. *языкъ*, др.-ц. сл. ѩзыкъ), чак. žȁtva—шток. жѐтва (русск. *жатва*, др.-ц.-сл. жѧтва), чак. počati—шток. пȍчети (русск. *почать*, др.-ц.-сл. почѧти).

Примѣчаніе. Въ штокавскихъ говорахъ встрѣчаемъ *а* вм. *е* изъ ę въ словахъ жȁлац (жало—др.-ц.-слов. жѧло) и jȁчмен (ячмень); вѣроятно, это—очень старыя заимствованія изъ чакавскихъ говоровъ.

3) Въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскому шт изъ праслов. skj (stj) или sk въ положеніи передъ мягкимъ гласнымъ въ чакавскомъ нарѣчіи находимъ šć (*шч* смягченное), между тѣмъ какъ въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ имѣется *шт*: чак. išćēm, zašćititi—шток. иштēм, заштитити (*ищу*, *защитить*; др.-ц.-сл. ищѫ—искати, защитити) (ср. ниже въ § 49). Въ соотвѣтствіи прасл. zg въ сочетаніи съ j или передъ мягкимъ гласнымъ въ штокавскомъ находимъ žd, а въ чакавскомъ žj: шток. mȍždani, чак. mȍžjani,—ср. ниже, § 49.

4) Оба нарѣчія, чакавское и штокавское, различаютъ долгіе и краткіе слоги и, кромѣ того, качество долготы подъ удареніемъ.

Въ чакавскомъ нарѣчіи наблюдаются три вида ударенія: два долгихъ (˜ и ´) и одно краткое (̏). Въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ различіе между ˜ и ´ утрачено, причемъ во многихъ говорахъ произошло передвиженіе ударенія на одинъ слогъ ближе къ началу слова, и въ связи съ этимъ передвиженіемъ возникли новыя ударенія: ´ и ` (долгое ´ и краткое `): чак. trāvȁ—шток. новое tráva, чак. ženȁ—шток. новое žȅna (старое краткое, соотвѣтствующее чакавскому ̏, обозначается, въ отличіе отъ новаго, знакомъ ̏). Подробнѣе объ этихъ удареніяхъ, ихъ происхожденіи и историческомъ отношеніи ср. ниже, въ § 56 и сл.

5) Конечное l, послѣ котораго отпало ъ (ь), сохраняется въ чакавскихъ говорахъ и измѣнилось въ *о* въ штокавскихъ: чак. dal, bil = шток. dȁo, bȉo (ср. § 26).

6) Чакавскіе говоры сохранили старое различіе между формами дат., твор. и мѣстн. мн. ч., въ штокавскихъ говорахъ находимъ одну форму для всѣхъ трехъ падежей (ср. § 89).

Чакавское нарѣчіе въ настоящее время занимаетъ сравнительно небольшую часть области сербо-хорватскаго языка: небольшую часть Хорватіи, берега Далмаціи, острова и значительную часть Истріи; кромѣ того, чакавскія колоніи попадаются въ Зап. Венгріи, въ нижней Австріи и Моравіи; границу чакавскаго и штокавскаго нарѣчій см. на картѣ.

§ 5. Особое положеніе занимаетъ группа говоровъ, о которой было упомянуто выше (въ § 1): это—говоры, образующіе такъ называемое *призрено-тимочское* нарѣчіе (см. карту). Въ своихъ звуковыхъ чертахъ нарѣчіе это примыкаетъ къ области сербо-хорватскаго языка: 1) въ южно-моравскихъ (призренскихъ) говорахъ его находимъ особые звуки ђ и ћ въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскимъ жд, шт и русскимъ *ж, ч* (междa—*межа*, свѣштa—*свѣча*,—ср. ниже, § 37), какъ и въ сербскомъ (штокавскомъ нарѣчіи; въ тимочскихъ говорахъ—*ч* и дж); 2) въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскимъ ъ и ь (= праслов. ъ и ь), какъ и въ сербскомъ языкѣ, имѣемъ одинъ и тотъ же гласный; только въ нарѣчіи призрено-тимочскомъ этотъ гласный является глухимъ (ъ), тогда какъ въ большинствѣ другихъ сербскихъ нарѣчій онъ измѣнился въ *а*: сȁн—др.-ц.-сл. сънъ, русск. *сонъ*, дȃн—др.-ц.-сл. дьнь, русск. *день*; 3) въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. ѫ (праслов. ǫ), какъ и въ сербскомъ,—у, т. е. мӯка = мѫка и т. п. Но рядомъ съ чертами, которыя отличаютъ призрено-тимочское нарѣчіе отъ болгарскаго языка и связываютъ его съ сербскимъ, въ немъ находимъ и такія черты, которыя роднятъ это нарѣчіе съ болгарскимъ. Черты эти относятся къ области мор-

фологіи: 1) какъ въ болгарскомъ, въ этомъ нарѣчіи потеряно склоненіе и 2) употребляется постпозитивный членъ (*млада-та*, *друго-то* и т. п.); 3) формы сравн. степени образуются помощью прибавленія предлога *по* къ формѣ положит. степени (по-великъ, по-благо и т. п.); 4) инфинитивъ потерянъ.

Призрено-тимочское нарѣчіе представляетъ, повидимому, смѣшанное сербо-болгарское нарѣчіе, основа котораго скорѣе сербская, чѣмъ болгарская.

§ 6. Кромѣ указанныхъ главныхъ нарѣчій, въ сербскомъ языкѣ можно различить и менѣе значительныя группы говоровъ или поднарѣчія. Такъ, въ области чакавской можно различить говоры, которые имѣютъ въ соотвѣтствіи др.-ц.-словянскому ѣ (= праслов. ě,—ср. § 16) i, и говоры, имѣющіе въ такихъ случаяхъ *e* (rika и reka). Въ болѣе западныхъ частяхъ чакавской области господствуетъ выговоръ *e*, въ болѣе восточныхъ—*i*; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ находимъ смѣшанное произношеніе,—въ однихъ словахъ *e*, въ другихъ—*i* (ср. ниже, § 16).

Въ штокавскомъ нарѣчіи можно различить нѣсколько группъ говоровъ. Принимая во вниманіе тотъ же признакъ, что и при дѣленіи чакавскаго нарѣчія, т. е. соотвѣтствія звуку ѣ (ě),—въ штокавской области находимъ: 1) восточную группу говоровъ, въ которыхъ на мѣстѣ этого ѣ (ě) произносится *e*, 2) южную,—съ произношеніемъ въ соотвѣтствующихъ случаяхъ je или ije, и 3) западную, въ которой на мѣстѣ стараго ě имѣется *i*.

Выговоръ стараго ě, какъ *e*, наблюдается въ косовско-ресавскихъ говорахъ и въ говорахъ шумадійско-срѣмскихъ; южное произношеніе *je*, *ije* имѣется въ говорахъ зетскихъ и герцеговинскихъ; штокавское нарѣчіе съ выговоромъ ě, какъ i, географически примыкаетъ къ чакавскому нарѣчію съ такимъ же выговоромъ (см. карту). При этомъ въ штокавскихъ говорахъ съ этимъ послѣднимъ произношеніемъ ě (какъ i) наблюдаются и нѣкоторыя другія черты, сходныя съ чакавскими, напр., šć вмѣсто št, иногда j вм. ђ (= др.-ц.-слов. жд, русск. *ж*),—ср. выше, § 4.

Группа говоровъ шумадійско-срѣмскихъ отличается отъ косовско-ресавской группы нѣкоторыми морфологическими особенностями и въ отношеніи ударенія, а именно—послѣдніе говоры (косовско-ресавскіе) имѣютъ болѣе древнюю систему удареній.

Аналогичное отношеніе наблюдается между говорами зетскими и герцеговинскими: болѣе древнюю систему удареній находимъ въ первыхъ (ср. § 56).

Болѣе подробныя свѣдѣнія по сербской діалектологіи можно найти въ слѣдующихъ работахъ: Беличъ „Діалектологическая карта сербскаго языка“, Петербургъ, 1906 г., въ Сборникѣ „Статьи по славяновѣдѣнію“, II т., 1—59 стр.; Решетаръ „Der Štokavische Dialekt“, Вѣна, 1907 г., ср. рецензію Белича въ „Roczn. Slaw.“, I т., 184 и слѣд.; Беличъ „О српским или хрватским дијалектима“, 1908 г. (Глас LXXVIII Српске Краљевске Академије); Решетаръ „Zur Frage über die Gruppierung der serbokroatischen Dialekte“ въ ASlPh. XXX, 597—625; Белича разборъ послѣдней статьи въ Rocznik Slawistyczny, III т. 283—306 с. и его-же „Zum heutigen Stande der serbokroatischen Dialektologie“ въ Roczn. Slaw., III т., 82—103 сс. Работы, посвященныя отдѣльнымъ нарѣчіямъ

и говорамъ, указаны въ отмѣченной выше статьѣ Белича въ Глас српске Кр. Акад. (LXXVIII) и въ его-же статьѣ „Zum heutigen Stande...“ Важнѣйшія изъ нихъ, кромѣ указанной уже, „Der Štokavische Dialekt“ Решетара,—его-же „Die Čakavština und deren einstige und jetzige Grenzen“—въ ASlPh. XIII, 93, 161, 361. Olaf Broch „Die Dialekte des südlichsten Serbiens“, Вѣна, 1903 г. (Schriften der Balkankommission, ling. Abth. III,—ср. Белиħ „О дијалекатском материјалу О. Броха“ въ Српск. дијал. Зборн., II); Белиħ „Дијалекти ист. и јужне Србије“, Београд, 1905 г.; Решетаръ „Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten“. Wien, 1900 (Schriften der Balkankommission, I). Ср. также Белича „Замѣтки о чакавскихъ говорахъ“ въ Изв. XIV, 2 кн., 181—266 сс.

По вопросу о призрено-тимочскомъ нарѣчіи ср. также Младенова въ Roczn. Slaw., V т., 178 с. и въ Р. Ф. В. 1914 г., № 3-4, 383 с.

4. Изученіе сербскаго языка.

§ 7. *Источниками* при историческомъ изученіи сербскаго языка являются съ одной стороны народные говоры во всей ихъ совокупности (ср. выше, §§ 3—6), а съ другой—памятники письменности и, шире,—произведенія сербо-хорватской литературы вообще.

Памятники сербо-хорватской письменности по характеру письма распадаются на три группы: 1) кирилловскіе, 2) глаголическіе и 3) латинскіе.

Обѣ словянскія азбуки, кириллица и глаголица, представлены въ сербской письменности съ конца XII вѣка.

Примѣчаніе. О кириллицѣ и глаголицѣ ср. въ Энциклопедіи слав. филол. III и IV выпуски (о глаголицѣ—Ягича въ III вып., о кириллицѣ—Лаврова въ IV вып.).

Глаголица жила въ западныхъ частяхъ территоріи, заселенной сербскимъ народомъ на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ; съ XV вѣка она претворилась изъ уставнаго письма въ скоропись и проникла въ сферу не только церковной, но и общественной жизни: ею писаны многія грамоты, постановленія общинъ, завѣщанія и договоры въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ; она перешла въ печать и нынѣ еще находится въ употребленіи въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ у хорватъ, сохранившихъ богослуженіе на словянскомъ языкѣ по католическому обряду. Однако, уже съ XV вѣка, наряду съ глаголицей, въ хорватской письменности появляется латинская азбука, которая постепенно вытѣсняетъ глаголицу. Въ настоящее время у хорватъ въ общественной жизни и въ литературѣ употребляется исключительно латинскій алфавитъ, приспособленный къ нуждамъ выраженія сербскихъ звуковъ (ср. ниже, §§ 12, 13).

Кириллица была издавна въ употребленіи въ восточныхъ частяхъ сербо-хорватской территоріи, въ XVIII вѣкѣ—въ формѣ русской „гражданской" азбуки; въ началѣ XIX вѣка она была реформирована сербскимъ писателемъ Вукомъ Караджичемъ, съ научной дѣятельности котораго и началось изученіе сербскаго языка. Онъ упразднилъ буквы, ненужныя для обозначенія звуковъ сербской рѣчи: ъ, ь, ы, ѣ, щ, ввелъ j; благодаря чему сдѣлались лишними буквы *я* и *ю* (вмѣсто нихъ ја и ју), љ и њ для смягченныхъ *л* и *н*, ђ и ћ для рефлексовъ праслов. dj и tj (ср. ниже, §§ 12—13), џ; букву щ онъ замѣнилъ сочетаніемъ *шт*; въ соотвѣтствіи нашему *е* въ началѣ слова или послѣ гласнаго въ этой реформированной азбукѣ употребляется сочетаніе *је*, тогда какъ *е* соотвѣтствуетъ по звуковому значенію нашей буквѣ э.

Въ основу сербскаго правописанія Вукъ положилъ *фонетическій* принципъ.

Примѣчаніе. Объ отступленіяхъ ср. ниже, §§ 36 прим., 51 прим.

§ 8. По характеру языка и содержанію памятники сербо-хорватской письменности раздѣляются на двѣ большихъ группы: 1) памятники церковнаго характера, языкъ которыхъ,—въ основѣ церковнославянскій, но подвергшійся вліянію народнаго сербскаго,—въ гораздо меньшей мѣрѣ отражаетъ явленія живого говора своего времени, и 2) памятники свѣтскаго характера—грамоты, договоры, законодательные акты, въ которыхъ свободнѣе сказываются черты народной рѣчи.

Изъ памятниковъ церковной письменности древнѣйшими являются: 1) Мирославово Ев., писанное (кириллицей) въ послѣдней четверти XII вѣка для князя Мирослава, сына Завидина (племянника Стефана Немани); 2) Вуканово Ев., писанное между 1201 и 1208 годами (также кириллицей) для сербскаго князя Влькана (Вукана), сына Немани; 3) Вѣнскіе глаголическіе листки (по содержанію—отрывокъ Миссала) XII вѣка; 4) отрывокъ апостола такъ называемый Гршковичевъ,—конца XII или начала XIII вѣка (также глаголическій); 5) отрывокъ апостола Михановичевъ (глаголическій) конца XII или нач. XIII вѣка; 6) Типикъ Хиландарскій (кирилловскій) XIII вѣка; 7) Сверлижскіе отрывки Евангелія конца XIII вѣка (кирилловскіе); 8) отрывки Мостарскаго, иначе Манойлова Ев. (кирилловскіе); 9) отрывокъ апостола Ѳеодорова 1277 г. и друг. Изъ памятниковъ XIV вѣка извѣстны—10) боснійское Никольское Ев. (кириллица); 11) отрывокъ Евангелія 1393 г. (кирилловскій); 12) Апостолъ Шишатовацкій 1324 г. (кирилловскій); 13) Псалтырь Бранка Младеновича 1346 г. и друг.

Примѣчаніе. 1) Издано Стояновичемъ (на средства короля Александра): Мирославово Јеванђеље 1897 (рец. Кондакова въ ASIPh. XXI, 1—2, 302—308, Ягича, ibid. 308—309, Белић'а въ ж. Дело, XV, 300—310 сс. Памятникъ, предполагаютъ, писанъ для построенной Мирославомъ церкви св. Петра „въ Бѣломъ полѣ на Лиму". 2) Писецъ Вуканова Евангелія, дьякъ Симеонъ, жилъ „у Пеки у градѣ Расѣ": Пекь = Пеђ (Ипекъ); Раса—нынѣшній Новый Пазаръ,—политическій центръ сербской державы Немани (откуда названіе—Рашская земля); памятникъ хранится въ Импер. Публ. Библ; ср. Кульбакина „Замѣтки о языкѣ и правописаніи Волканова Ев." въ Изв. 1898 г., кн. 4. 1140—1172 сс. 3) Изданъ Ягичемъ въ Denkschr. Wien. Ak. XXXVIII, 1890 г. 4) Изданы имъ-же въ Starine, XXVI. 5) Изданъ имъ-же въ Rad II. 6) Изданъ въ XXIV т. Гласника српског ученог друштва (171 и сл.),—ср. поправки Стојановић'а въ Споменик, III, 158—162 с.с. 7) Изданы Ильинскимъ во II т. „Статей по славяновѣдѣнію" (1906 г.). 8) Изданы Сперанскимъ (М. Н.) въ Р. Ф. В. за 1906 г. Издатель, по нашему мнѣнію, неосновательно относитъ памятникъ къ нач. XIV в 9) Изданъ Ягичемъ въ IX кн. Starine, 117 с. 10) Издано Даничић'емъ: Никољско Јеванђеље, у Биограду, 1864 г. 11) Изданъ въ Starine XVIII, 231 с. 12) Изданъ Миклошичемъ: Apostolus e codice monasterii Šišatovac palaeoslovenice. Vindobonae, 1853. Болѣе подробный обзоръ памятниковъ глаголическихъ—у Ягича въ III вып. Энцикл. слов. фил., 137 и сл., кирилловскихъ—у Лаврова въ IV вып. этой энциклопедіи (179 и сл.); ср. также Лекціи Флоринскаго, I т., 221 и сл. с.с.

§ 9. Изъ грамотъ писанныя кириллицей относятся къ восточнымъ и южнымъ областямъ сербской рѣчи: къ собственной Сербіи, Босніи, Зетѣ. Древнѣйшая изъ кирилловскихъ грамотъ—грамота бана боснійскаго Кулина—1189 года. Сюда же относятся дубровницкія грамоты, адресованныя сербскимъ правителямъ.

Глаголическія грамоты, относящіяся къ западно-сербскимъ областямъ, не древнѣе XIV вѣка, хорватскія грамоты латинскаго письма—XVI вѣка.

Къ числу памятниковъ законодательнаго характера относятся: Законникъ Стефана Душана (1325—1355 г.г.), дошедшій въ нѣсколькихъ (кирилловскихъ) спискахъ, изъ коихъ болѣе полный—призренскій,—относится къ началу XV вѣка; Статутъ Полицкій (Полица—городъ въ Далмаціи) въ спискѣ (кирилловскомъ) XVI вѣка; Законъ Винодольскій, сохранившійся въ глаголическомъ спискѣ конца XV или нач. XVI вѣка и др.

Примѣчаніе. Изданіе грамотъ можно найти у Миклошича: Monumenta serbica spectantia historiam Serbiae, Bosnae, Ragusii, ed. Fr. Miklosich, Viennae, 1858; у Медо Пучић'а: Споменици српски од 1395 до 1423, то јест писма, писана од републике Дубровачке.... Београд, 1858 г.; у Новаковича: Законски споменици српских држава средњега века, прикупио и уредио

Ст. Новаковић I Београд, 1912; у Кукулевича-Сакцинскаго: Kukuljević Sakcinski Acta croatica. Listine chrvatske (Monumenta historica slavorum meridionalium I Agram, 1863); у Шурмина: Hrvatski spomenici, sw. I (od godine 1100 – 1499) = Monumenta historico-juridica Slav. merid. VI, Agram 1898 (изданіе не вполнѣ удовлетворительно). Изданія отдѣльныхъ грамотъ сверхъ того можно найти въ журналахъ: Starine, Гласник друштва српске словесности, Гласник српског ученог друштва, Споменик српске Краљев. Акад., Гласник Земаљског Музеjа у Босни и Херцеговини, Vjesnik Kr. Hrvatsko-Slavonsko-Dalmatinskoga Zemaljskoga Arkiva и друг. Законникъ Стефана Душана изданъ Новаковичемъ (Ст. Новаковић: Законик Стефана Душана цара српског 1349 и 1354, у Београду, 1898 г., Полицкій статутъ изданъ Ягичемъ въ 1890 г.: Статутъ Пољички. Уредио Проф. В. Јагић. У Загребу. 1890. Законъ Винодольскій изданъ также Ягичемъ въ 1880 г. (изданіе Общества любителей древней письменности LIV, а также въ Statuta lingua croatica conscripta (uredili Dr. Fr. Rački, Dr. V. Jagić i Dr. I. Črnčić. U Zagrebu, 1890); ср. Iv. Strohal, Statuti primorskih gradova i općina, bibliogr. nacrt, Agram, 1911.

§ 10. Къ разряду памятниковъ, въ которыхъ болѣе или менѣе свободно сказываются черты живого языка соотвѣтствующей эпохи, кромѣ грамотъ, договоровъ, законниковъ, относятся и другія произведенія литературнаго характера, какъ романъ объ Александрѣ (Александреида), „Колуничевъ Сборникъ“ (глаголическій) 1486 г., лекціонаріи (латинскаго письма) XV и XVI в., переводъ текста Пророковъ изъ Библіи Лютера, сдѣланный въ XVI в. въ Истріи, легенды и др.

Съ XV в. начинается развитіе далматинской литературы, преимущественно поэтической по характеру, народной по языку, въ то время, какъ въ восточныхъ областяхъ сербскихъ продолжается литературное развитіе на церковномъ сербско-словянскомъ языкѣ, вплоть до начала XIX вѣка, когда извѣстный сербскій писатель Вукъ Стефановичъ Караджичъ положилъ начало развитію новой сербской литературы и современнаго сербскаго литературнаго языка.

Примѣчаніе. Сербская Александреида издана Ягичемъ въ Starine III: „Ogledi stare hrvatske proze“....; Колуничевъ Сб. изданъ Вальявцемъ (Agram, 1892); Лекціонарій Бернардина Сплѣтчанина 1495 г. изданъ въ 1885 г. Маретичемъ (Agram); Лекціонарій Задрскій (Zadarski) средины XV вѣка и Ранины (Raňinin) начала XVI в. изданы Решетаромъ (Agram, 1894): ср. о нихъ его же работу „Primorski lekcionari XI vijeka“ въ ж. Rad, CXXXIV, CXXXVI. Истрійскій переводъ Пророковъ изданъ Ягичемъ: Veteris Testamenti prophetarum interpretatio istro-croatica saec. XVI (1897 г.). О далматинской литературѣ см. Milorad Medini, Povjest hrvatske književnosti u Dalmaciji i Dubrovniku, I, Agram, 1902; Branko Vodnik, Povijest hrvatske književnosti, I; изданіе далматинскихъ писателей юго-словянской академіи (въ Загребѣ)—Stari pisci hrvatski (1869—1913, въ 22 томахъ). О Вукѣ

Караджичѣ, собирателѣ сербскихъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ и реформаторѣ сербскаго языка и правописанія ср. у Ягича: Zasluga Vuka Stef. Karadžić'a za naš narodni jezik (Književnik, IV, 1864), Стојановић, Вук Стеф. Караџић, његов рад на српском језику и правопису (Глас LV). О сербо-хорватской литературѣ вообще см. Поповић'а Преглед српске књижевности, Београд, 1909 (русск. переводъ: Поповичъ. Обзоръ исторіи сербской литературы. 1912 г. Спб).

§ 11. Пособіями при изученіи сербо-хорватскаго языка являются грамматики, словари и монографіи, посвященныя отдѣльнымъ грамматическимъ вопросамъ или же отдѣльнымъ памятникамъ.

Изъ грамматикъ и грамматическихъ трудовъ общаго характера, имѣвшихъ въ свое время научное значеніе или имѣющихъ его въ настоящее время, должны быть отмѣчены: грамматика Вука Караджича 1814 года (1), грамматическіе труды общаго характера Даничича (2), грамматики Будмани (3), Ягича (4), Мажуранича (5), Новаковича (6), сербскіе отдѣлы сравнительной грамматики словянскихъ языковъ Миклошича (7), сербскій отдѣлъ „Лекцій по славянскому языкознанію" Флоринскаго (8), грамматика Маретича (9) и новѣйшій грамматическій трудъ по сербскому языку Лескина (10).

Изъ словарей научное значеніе имѣютъ: Вука Караджича (11), словарь, издаваемый юго-словянской Академіей Наукъ (12), словарь Ивековича и Броза (13). Весьма полезенъ также для учебныхъ цѣлей сербо-русскій словарь Мичатека (14).

Отдѣльныя монографіи и статьи по частнымъ вопросамъ будутъ указаны при изложеніи этихъ вопросовъ, отчасти же указаны были выше.

Примѣчаніе (1) Вукъ Стефановић Караџић. Писменица Сербскога језика по говору простога народа у Виенни, 1814. Wuk's Stephanovitsch Kleine Serbische Grammatik verdeutscht und mit einer Vorrede von Jacob Grimm. Leipzig und Berlin, 1824. (2) Даничић. Мала српска граматика. У Бечу, 1850 г. Его-же. Српска граматика. Дио III. Облици српскога језика. У Београду, 1863 г. Его-же. Српска синтакса. У Београду, 1858 г. (3) Budmani Pietro. Grammatika della lingua serbo-croata (illirica). Vienna, 1867. (4) Jagić. Grammatika jezika hèrvatskoga. Osno ana na staro ugarskoj slovenštini. Dio pèrvi. Glasovi. U Zagrebu, 1864. (5) Mažuranić Antun. Slovnica hèrvatska. Dio I. Rěčoslovje. 1859 г. (4-е изд. 1869 г.). (6) Новаковић Ст. Српска граматика за ниже гимназије и реалке. У Београду, 1879 г. Русскій переводъ Григорьева: Грамматика сербскаго языка. Спб., 1890 г. (7) Miklosich. Vergleichende Grammatik der Slavischen Sprachen. Wien, 1852—1874. (Сербскіе отдѣлы). (8) Тим. Флоринскій. Лекціи по славянскому языкознанію. I т., 190—389 с. (Сербо-хорватскій языкъ). Кіевъ, 1895 г. (9) Maretić. Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899. (10) Grammatik der serbo-kroatischen Sprache

von A. Leskien. I Teil: Lautlehre, Stammbildung, Formenlehre. Heidelberg, 1914. (11) Караџић В. С. Српски рјечник истолкован њемачким и латинским ријечма. Lexicon Serbico-Germano-Latinum. 1-е изд. въ Вѣнѣ (у Бечу) 1818 г., 3-е изд.—у Биограду 1892 г. (12) Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika na svijet izdaje Jugoslavenska Akademija znanosti i umjetnosti. Съ 1880 до 1913 г. дошелъ до буквы N. (13) Iveković i Broz: Rječnik hrvatskoga jezika. U Zagrebu, 1901. (14) Мичáтекъ Л. А. Дифференціальный сербо-русскій словарь, съ краткой сербской грамматикой, составленной П. А. Лавровымъ. Спб., 1903 г. Матеріалы для историческаго словаря сербскаго языка представляетъ Даничича—Рјечник из књижевних старина српских. 1863—1864. У Београду. Старый Сербско-русскій словарь Лавровскаго (1870 г., его-же Русско-сербскій словарь 1880 г.) въ настоящее время мало доступенъ. Изъ грамматикъ на русскомъ языкѣ существуетъ еще Брандтъ Р. Θ. Краткая фонетика и морфологія сербскаго языка. 2-е изд. 1912 г.

5. Звуки сербскаго языка.

§ 12. Литературный сербскій языкъ въ своей основѣ является штокавскимъ нарѣчіемъ и характеризуется произношеніемъ ѣ, какъ je—ije (ср. § 6), новой системой ударенія,—удареніе перенесено на одинъ слогъ ближе къ началу слога (vȍda—русск. *водá*, vȍdē род. п. ед. ч.—русск. *воды́*, rúka—русск. *рукá* и т. д.) и нѣкоторыми морфологическими чертами (род. п., мн. ч. на -ā, дат.-твор.-мѣстн. на -ama и др.).

Примѣчаніе. Отецъ новой сербской литературы, Вукъ Стефановичъ Караджичъ положилъ въ основу новаго сербскаго литературнаго языка свое южное, герцеговинское нарѣчіе (ѣ = je — ije). Въ областяхъ экавскихъ (королевство Сербія, Банатъ) литературный языкъ восприняль новую черту: е (э) на мѣстѣ ѣ.

Звуковая система литературнаго сербскаго языка имѣетъ слѣдующій видъ:

I. Гласные: а) *Передняго ряда: i* (высокій), *e* (средній, оттѣнокъ открытый, образованіе ненапряженное).

б) *Задняго ряда: a* (средній, ненапряженный), *o* (средній съ губнымъ округленіемъ, оттѣнокъ открытый, ненапряженный), *u* (высокій, съ губнымъ округленіемъ, ненапряженный).

Соотвѣтствующія буквы сербскаго кирилловскаго алфавита: е, и, а, о, у.

Примѣчаніе. Ср. Брокъ „Очеркъ физіологіи славянской рѣчи", 79 с. По наблюденію Лескина (Serb. Gr., 2 c.) долгіе ā, ō произносятся болѣе закрыто, чѣмъ a, o краткіе, діалектически даже, какъ ō (= ā), ū (= ō).

II. Согласные: 1) Плавные r, l (среднее), l' мягкое (lj), причемъ r можетъ быть слоговымъ.
2) Губные p, b, m, v, f (твердые).
3) Зубные t, d, n, s, z (твердые); ń—мягкое (nj).
4) Язычно-небные k, g твердые, j, š, ž.
5) слитные c, č, g' (=ǧ, т. е. дж)—твердые; ć, đ (d') мягкiе.

Соотвѣтствующiя буквы сербскаго кирилловскаго алфавита: 1) р, л, љ; 2) п, б, м, в, ф; 3) т, д, н, с, з, њ; 4) к, г, ј, ш, ж; 5) ц, ч, џ, ћ, ђ.

Примѣчанiе. Буква *р* можетъ обозначать какъ *р* неслоговое, такъ и слоговое; если слоговое *р* находится рядомъ съ гласнымъ, то пишутъ р̈: гр̈оце (уменьшительное отъ грло = горло) = gr̥oce.

§ 13. По поводу отдѣльныхъ согласныхъ необходимо сдѣлать примѣчанія.

Сербское „среднее" l, по опредѣленію Белича, гораздо тверже нѣмецкаго l или польскаго ł; наоборотъ, сербское l' (љ) очень мягко,—по мнѣнію Белича,—мягче русскаго л въ слогахъ *лю, ля*. Согласный v—губно-зубной. Зубные t, d, по опредѣленію Белича, если и не могутъ быть названы междузубными, то близко подходятъ къ таковымъ: конецъ языка очень часто охватываетъ нижнія края верхнихъ зубовъ. Рядомъ съ носовымъ зубнымъ n наблюдается носовой небный—ŋ: въ положенiи предъ небнымъ же согласнымъ (напр., въ словахъ *Паланка*—названіе города, *опанка*—род. п. отъ *опанак*—сапогъ).

Фрикативный j трудно разграничить отъ i̯. Согласные š, ž—твердые, однако, по замѣчанію Брока, имѣютъ образованіе довольно переднее, сравнительно съ русскими *ш, ж* являются болѣе передними.

Соотвѣтствующіе простымъ, по образованію корональнымъ, š, ž слитные—č (ч), ǧ (џ); Беличъ слышитъ въ ихъ первой составной части церебральные ṭ, ḍ.

Смягченные слитные ć, d', (ћ, ђ) параллельны польскимъ ć, dź, насколько и въ послѣднихъ оканчивающiй образованіе фрикативный элементъ подходитъ подъ рядъ шипящихъ, т. е. обыкновенно представляютъ смягченный слитный t'š', d'ž'; однако иногда слышится скорѣе t'ś, d'ź, т. е. со свистящимъ элементомъ въ концѣ образованія. Брокъ опредѣляетъ эти слитные, какъ краепалатальные; по Беличу они—„средне-палатальные, съ болѣе или менѣе энергичнымъ прижиманiемъ правой или лѣвой стороны соотвѣтствующей части языка".

Примѣчанiе. Ср. рецензію Белича на „Очеркъ физiологiи славянской рѣчи" Брока въ Roczn. Slaw., IV, 1911 г., 189 и слѣд.

§ 14. Если имѣть въ виду данныя различныхъ сербо-хорватскихъ говоровъ, то звуковая система сербскаго языка, разумѣется, явится болѣе сложной.

Такъ, въ юго-восточныхъ говорахъ Сербіи имѣется особый гласный ъ (ср. ниже, § 20), въ опредѣленіи котораго изслѣдователи нѣсколько расходятся.

Примѣчаніе. По Броку—„неокругленный гласный задняго ряда, образованія ненапряженнаго", по положенію языка соотвѣтствующій гласнымъ *о* или *и* („округленнымъ", т. е. съ губнымъ округленіемъ); по Беличу,—внѣ вліянія сосѣдняго согласнаго это—гласный оттѣнка *а*, съ артикуляціей напряженной и нѣсколько бо́льшимъ подъемомъ, чѣмъ *а*; главная же черта этого звука, по Беличу,—болѣе короткая вибрація голосовыхъ связокъ, чѣмъ при краткихъ гласныхъ, и въ то же время энергичная. Подробнѣе—въ Roczn. Sl., IV, 194 с.

Особый „полугласный" ъ наблюдается въ черногорскихъ говорахъ; о немъ см. у Решетара: Der štokavische Dialekt, 90 и слѣд.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ слышится твердое l, очень близкое къ польскому ł, особенно передъ *о* и *и*.

Въ извѣстной части сербскихъ говоровъ существуетъ звукъ ch (х) (ср. ниже, § 43).

Въ нарѣчіи, имѣющемъ je изъ стараго ě (ѣ,—ср. выше, § 6), слышатся смягченные согласные: p′, b′, v′, m′, s′, z′ передъ этимъ рефлексомъ ě (пjѐвам, бjѐжим, одсjекох, зjѐница и т. п.).

Примѣчаніе. По вопросу о природѣ звуковъ сербо-хорватскаго языка, кромѣ книги Брока, уже цитированной (§§ 78—94), и рец. на нее Белича въ R. Sl., IV (189 с.), ср. Новаковић, Физиологија гласа и гласови српскога језика (Гласник XXXVII, 1872 г.), Богородицкій „Изъ наблюденій надъ сербо-хорватскимъ литературнымъ произношеніемъ". (Р. Ф. В. 1912 г., LXVII, 201 с.с.).

Гласные сербскаго языка въ ихъ отношеніи къ гласнымъ другихъ словянскихъ языковъ.

Чтобы освѣтить исторически звуки сербскаго языка, необходимо выяснить ихъ отношеніе къ звукамъ другихъ словянскихъ языковъ. Говоря о гласныхъ, мы оставляемъ пока въ сторонѣ ихъ количественную сторону, т. е. долготу или краткость, такъ какъ о количествѣ рѣчь будетъ ниже (въ § 56 и сл.), и будемъ имѣть въ виду лишь качественную сторону.

§ 15. Въ соотвѣтствіи др.-церк.-словянскому а и русскому *а* въ сербскомъ языкѣ находимъ также гласный *а* (какъ и въ другихъ

словянскихъ языкахъ: чешскомъ, польскомъ и т. д.); иными словами, мы можемъ предполагать, что изъ *праславянскаго а* въ сербскомъ языкѣ получилось *а*: ср. др.-ц.-сл. трава, братъ и т. п., русск. *трава*. *братъ* и т. п. и серб. тра́ва, бра̏т и т. п.

Точно такъ-же др.-ц.-словянскимъ о, оу, и, е и русскимъ о, у, и, е, т. е. праславянскимъ о, u, i, е соотвѣтствуютъ сербскія о, у, и, е: ср. др.-ц.-сл. нога, коса, вода, русск. *нога, коса, вода* и серб. но̀га, ко̀са, во̀да; др.-ц.-сл. коупити, поустъ, русск. *купить, пустъ* и серб. купити, пуст (kȕpiti, pȕst); др.-ц.-сл. пити, липа, бити, лице, русск. *пить, липа, бить, лицо* и серб. пити, липа, бити, лице (pȉti, lȉpa, bȉti, lice); др.-ц.-слов. нести, небо, ледъ, русск. *нести, небо, ледъ* и серб. нѐсти, нёбо, лёд. О сербскихъ *о* и *у* (u) новаго происхожденія ср. въ §§ 15, 16 и 17.

Кромѣ этихъ гласныхъ, которые получены отдѣльными словянскими языками, въ томъ числѣ и сербскимъ, изъ праславянскаго безъ измѣненій, въ этомъ послѣднемъ имѣлись еще гласные: ě, у, ǫ и ę, ъ и ь. О рефлексахъ этихъ праславянскихъ гласныхъ въ сербскомъ языкѣ слѣдуетъ сказать особо.

§ 16. Гласный ě (ѣ) праславянскаго языка предполагается въ соотвѣтствіи др.-церк.-словянскому гласному, который обозначался особой буквой ѣ; ни тотъ, ни другой, не можетъ быть въ точности опредѣленъ по характеру, но по происхожденію этотъ звукъ отличается отъ всѣхъ иныхъ гласныхъ (ему соотвѣтствуетъ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ въ однихъ случаяхъ ē, въ другихъ—дифтонгъ *oi* или *ai*). Въ русскомъ языкѣ, какъ извѣстно, находимъ въ соотвѣтствіи др.-церк.-словянскому ѣ въ однихъ нарѣчіяхъ *е* (какъ и въ литературной рѣчи), въ другихъ *і* (малорусск., сѣв.-великорусск.). Въ соотвѣтствіи др.-ц.-сл. ѣ (праслов. ě) въ сербскомъ языкѣ находимъ разнообразные рефлексы съ различіемъ по говорамъ.

Въ восточномъ штокавскомъ нарѣчіи слышится *е*, краткое или долгое (не смягчающее предыдущаго согласнаго), въ западно-штокавскомъ—*і* (краткое или долгое), въ южно-штокавскомъ -je и -ije,—первое въ краткихъ слогахъ, второе—въ долгихъ; въ чакавскомъ нарѣчіи въ западныхъ говорахъ слышится *е*, въ болѣе восточныхъ—*і* (ср. выше, § 6), въ говорѣ Lastowo—je или jē.

Примѣры: др.-ц.-сл. цвѣтъ—серб. цвѐтъ, южн. цвиjет (cvȉjet), вост.-чакавск. cvȋt, зап.-шток. цвит (cvȋt); др.-ц.-сл. сѣно—серб. сёно, южн. сиjено (sȉjeno), зап. сино (sȋno); др.-ц.-сл. вѣра—серб. вёра, южн. вjёра, зап. вира (vȋra); др.-ц. сл. мѣра—серб. мёра, южн. мjёра, зап. мира (mȋra).

Примѣчаніе. Решетаръ слышитъ въ экавскомъ *е* на мѣстѣ ě, по крайней мѣрѣ въ выговорѣ образованнаго общества, звукъ болѣе широкій сравнительно съ *е* изъ праслов. *е* или ę, особенно въ долгихъ ударяемыхъ слогахъ (ср. его „Der štokav. Dial.", 68 с.). Что касается южнаго ije на мѣстѣ ě въ долгихъ слогахъ, то, по Решетару, оно можетъ произноситься двояко: или какъ двухсложный звуковой комплексъ съ краткимъ *е*, или какъ дифтонгъ iē (съ долгимъ *е*), причемъ подъ восходящимъ удареніемъ всегда, какъ iē (дифтонгъ: rijèka = riē'ka), а подъ нисходящимъ удареніемъ или безъ ударенія первымъ или вторымъ способомъ: vȉjek, kȍlijevka или viêk, kȍliēvka („Der štokav. Dial.", 87 с.). Ср. по этому вопросу у Белича,—Roczn. Slaw., I, 191 и III, 296 с.

Устанавливая различіе рефлексовъ праславянскаго ě въ сербскомъ по нарѣчіямъ, должно оговориться, что въ нѣкоторыхъ говорахъ находимъ на мѣстѣ ě въ однихъ словахъ *е*, въ другихъ *i*, что должно разсматривать, какъ результатъ болѣе ранняго смѣшенія діалектовъ. Такъ, напримѣръ, въ говорѣ Красицы (хорватское Приморье) Mikuličić въ 1876 году записалъ: žene дат. п. ед. ч., dve, beseda, bel, delo, deva, cel, delat, greh, koleno, leto, levo, medvěd, seno, sedet, slep и т. д., а съ другой стороны—bižat, čovik (человѣкъ), divica, jist (ѣсть), lip (др.-ц.-слов. лѣпъ), lipota, svit, tišit (тѣшить), zvirje и др. (ср. Arch. V, 182—183 с.с.). Такую же двойственность отмѣтилъ въ 1910 г. Беличъ въ говорѣ Novi (Изв. XIV, Замѣтки по чакавскимъ говорамъ, 4 с.).

Въ южныхъ говорахъ находимъ i на мѣстѣ ě передъ j и передъ o вмѣсто ожидаемаго -je: sȉjati—sȉjem (сѣять—сѣю), видио (vȉdio—видѣлъ), диоба (dìoba изъ *dělьba), био (bȉo—бѣлъ), цио (cȉo—цѣлъ) и т. п., что является, повидимому, результатомъ фонетическаго процесса.

Далѣе, также въ южныхъ говорахъ находимъ сиђети вмѣсто сјеђети (сидѣть—др.-ц.-сл. сѣдѣти; слогъ -ђе изъ dje = dě). Решетаръ объясняетъ эту форму диссимиляціей двухъ слоговъ, содержащихъ ě.

Въ положеніи послѣ *р* въ большинствѣ южныхъ говоровъ въ краткихъ слогахъ находимъ не -je, а *е* на мѣстѣ ě опять-таки фонетически, такъ какъ *р* (r) смягченное (изъ pj), получившееся въ такихъ случаяхъ, отвердѣло (ср. § 20).

Примѣчаніе: На о. Млетѣ возлѣ Рагузы произносятъ srjěća (счастье), mrjěža (мрѣжа) и т. п.,—ср. Rešetar op. cit., 70 с.

Наконецъ, не только въ южныхъ, јекавскихъ, но и въ нѣкоторыхъ экавскихъ говорахъ находимъ послѣдовательно *i* на мѣстѣ стараго ě въ формахъ сравнит. степени (богатији) и имперфекта (плетијах),—ср. о нихъ §§ 100, 112.

Иного характера отступленіе представляетъ въ говорахъ, гдѣ ě, вообще говоря, не является въ видѣ *i*, форма *жèни* дат. п. ед. ч. (женѣ) и т. п.: форма эта явилась по аналогіи формы дат. п. ед. ч. зѐмљи и т. п. (ср. др.-ц.-сл. женѣ—земли). Также нефонетическими являются въ такихъ говорахъ формы: мѐни, тѐби, сѐби (ср. § 91).

Прасербскій рефлексъ праславянскаго ě не можетъ быть съ увѣренностью опредѣленъ: Лескинъ исходитъ изъ закрытаго *e* (ẹ и ě), откуда—восточное *e*, западное *i* и южное je—ije (или i͡e,—ср. выше примѣчаніе). Но съ такимъ же правомъ можно исходить и изъ дифтонга i͡e.

§ 17. Діалектическое разнообразіе въ рефлексахъ праслов. ě (ѣ) сказывается уже въ древнихъ памятникахъ, причемъ должно предполагать, что первоначальное распредѣленіе этихъ рефлексовъ значительно измѣнилось впослѣдствіи въ силу передвиженій населенія и смѣшенія говоровъ. Въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ находимъ въ общемъ правильное употребленіе ѣ. Въ Миросл., Вук., Гршков. находимъ лишь формы глагола—вѣщати (съ предлогами) съ е вм. ѣ, а съ другой стороны формы сѣи, каѣи, нѣи съ ѣ вм. е (быть можетъ подъ вліяніемъ добрѣи и т. п.,—ср. Долобко въ Изв., XX, 1 кн. 354 с.). Въ боснійскихъ текстахъ XIV в.—Никольскомъ Ев., отрывкѣ Ев. 1393 г. находимъ и вм. ѣ часто, такъ же въ нѣкоторыхъ боснійскихъ грамотахъ XIV в.: ср. Долобко „О языкѣ нѣкоторыхъ боснійскихъ грамотъ" (Изв., XIX, кн. 3—4), 22—23 с.с. Въ другихъ боснійскихъ грамотахъ звукъ ě выражается знакомъ ѣ (быть можетъ = дифтонгъ i͡e,—ср. Долобко op. cit., 27 с.). То же і на мѣстѣ ě находимъ въ глаголическихъ (хорватскихъ) грамотахъ. Въ дубровницкихъ грамотахъ XIII вѣка часто встрѣчается *е* на мѣстѣ ѣ и наоборотъ; въ тѣхъ же грамотахъ XIV в. вмѣсто ѣ пишется іе, что, быть можетъ, отражаетъ произношеніе ѣ, какъ je. Въ собственно-сербскихъ грамотахъ—е вм. ѣ (экавское произношеніе). Въ грамотѣ 1332 г., напечатанной Миклошичемъ въ Monum. serb., 101—102 (дубровницкая копія боснійской), находимъ ije = ѣ (лиеть = лѣтъ, виере = вѣры).

Ср. по вопросу объ ě въ сербскомъ Ягича Umlautserscheinungen въ ASlPh., VI, 80 и сл.; Решетара—Die ragusan. Urkunden въ ASlPh, XVI—XVII; его-же—Zur Aussprache und Schreibung des ě im serbo-kroatischen въ ASlPh., XIII; Лескина—Gramm. d. serb.-kr. Spr., §§ 37, 38, 202.

§ 18. Праславянскій гласный y (др.-ц.-сл. ꙑ, русск. *ы*) въ сербскомъ языкѣ совпалъ съ гласнымъ передненебнымъ *i*: ср. бити (bȉti)—др.-ц.-сл. бꙑти, миш (mȋš)—мꙑшь, мисао (mȉsao)—мꙑсль, рибар (rȉbār)—рꙑбарь.

Это совпаденіе датируется древнѣйшими памятниками сербскаго языка.

Примѣчаніе. Въ Миросл. Ев. и вм. ꙑ, какъ правило,—только послѣ к, г, х, въ иныхъ случаяхъ—очень рѣдко. Въ отр. Гршков. изъ 6 случаевъ—5 послѣ к, г, х.

Въ грамотѣ бана Кулина (1189 г.) находимъ: дьвадесети, восьньски; въ Вукановомъ Ев. (1201—1208 гг.) взаимная мѣна буквъ ꙑ и и, указывающая на совпаденіе *ы* съ *и*, уже—нерѣдкое явленіе: ки = кꙑ (Марк., XVI, 7), благообразьни (Марк., XV, 43) и т. п.

Что въ болѣе древнія времена гласный *ы* въ сербскомъ языкѣ отличался отъ *и*, показываетъ передача его въ латинскихъ грамотахъ IX вѣка, сохранившихъ намъ сербскія имена, буквой u: Zatimustlo, Nedamuslo въ грамотѣ 837 года, Cresamuslo въ грамотѣ 892 года (въ основѣ этихъ именъ—корень -mysl-).

§ 19. Праславянскіе носовые гласные ǫ и ę (др.-ц.-сл. ѫ, ѧ, русск. *у*, *я* = 'а, польск. носовые гласные ǫ, ę) въ сербскомъ языкѣ дали чистые гласные: ǫ—во всѣхъ собственно сербскихъ говорахъ—у (u), а ę—е, причемъ въ чакавскомъ нарѣчіи послѣ j, č, ž на мѣстѣ ę является *а*;—ср. выше; § 4.

Потеря носовыхъ гласныхъ, т. е. измѣненіе ихъ въ чистые въ сербскомъ языкѣ относится къ очень древней эпохѣ. Въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ это измѣненіе уже на лицо. Мирославово Ев., какъ памятникъ, переписанный съ болгарскаго оригинала, еще употребляетъ знаки ѫ, ѧ (также ѧ), но употребляетъ ихъ неправильно: осоуждениѧ = осѫждение; жѧ = же; домѫ = домоу; ѧмѫ = ѥмоу и т. п. Изъ этихъ примѣровъ ясно, что на мѣстѣ церк.-словянскихъ ѫ, ѧ, т. е. праслов. ǫ, ę, во второй половинѣ XII в. сербы произносили *у*, *е*.

Въ Вукановомъ Ев. находимъ: име = имѧ, осоуждень = осѫждень, тьмоу = тьмѫ вин. п. ед. ч., творещıа = творѧщıа и т. п.

Въ грамотѣ 1189 г.: име, присезаю = присѧꙁаѭ, вѣрꙋ = вѣрѫ вин. п. ед. ч. и т. п. И въ отдѣльныхъ сербскихъ словахъ, попадающихся въ латинскихъ грамотахъ XI вѣка, отражается уже потеря носовыхъ гласныхъ: Luca въ грам. 1059 г. (др.-ц.-сл. лѫка), Dubrave въ грам. 1078 г. (др.-ц.-сл. дѫбрава), Svetoslauus въ грамотѣ 1067 г. (въ первой части *svęto-,—ср. др.-ц.-сл. свѧтъ). Но въ грамотѣ 892 г. встрѣчаемъ Muncimirus (*mǫtimirъ); слѣдовательно, въ концѣ IX вѣка сербскій языкъ еще имѣлъ носовые гласные.

Примѣчаніе. Примѣры изъ латинскихъ грамотъ, характеризующіе звуковую систему сербскаго языка до появленія письменности, были собраны въ 1833 году Шафарикомъ въ его „Serbische Lesekörner".

Чакавское а вм. е послѣ j, č, ž, š находимъ въ дубровницкихъ грамотахъ (Rešetar, ASlPh., XVI) и въ приморскихъ лекціонарахъ, описанныхъ Решетаромъ (Rad, CXXXIV, CXXXVI).

Носовой гласный, передававшій сочетаніе *гласный + носовой* въ старыхъ заимствованіяхъ эпохи, предшествовавшей утратѣ носовыхъ, далъ тотъ же рефлексъ, что и праслов. носовой гласный: ср. серб. Su-Petar = San-Pietro, Sut-ivan = Sant-ioan и т. п. (мѣстныя названія на хорватско-далматинскомъ побережьи). Иную форму имѣютъ заимствованія той же эпохи, когда носовые гласные были утрачены: ср. kȁndilo = греч. κανδήλα.

§ 20. Прасловянскіе ъ и ь (др.-ц.-сл. ъ и ь, русскіе бѣглые *о, е*) совпали въ сербскомъ языкѣ въ очень древнюю эпоху въ одномъ звукѣ. Это совпаденіе во всякомъ случаѣ произошло въ эпоху, предшествующую древнѣйшимъ, дошедшимъ до насъ, письменнымъ памятникамъ; поэтому въ памятникахъ этихъ не видно никакого слѣда различія ъ и ь, и употребляется обычно одинъ знакъ ь въ соотвѣтствіи др.-церк.-словянскимъ ъ и ь.

Примѣчаніе. Такъ, въ Мирославовомъ Ев. находимъ зачетькь (= зачѧтъкъ,—ср. соврем. сербское зачѐтак) Іоанна, II, 11 ст., дьски (= дъскы,—совр. да̏ске), ibid., 15 ст., стоуденьць (= церк.-сл. стоуденьць,—совр. серб. студѐнац), Іоанна, IV, 6 ст. и т. п., т. е. ь стоитъ какъ на мѣстѣ прасловянскаго ь (стоуденьць), такъ и на мѣстѣ прасл. ъ (зачетькь, дьски). Въ латинскихъ грамотахъ XI–XII в. находимъ то же: sitnicus = др.-ц.-сл. сътьникъ, т. е. *i* на мѣстѣ стараго ъ, какъ и на мѣстѣ стараго ь въ lusiz = lužьc (суффиксъ -ьсь).

Звукъ, въ которомъ совпали въ сербскомъ языкѣ праслов. ъ и ь, въ извѣстныхъ условіяхъ исчезъ вовсе, въ другихъ сохранился, измѣнившись въ большинствѣ сербскихъ говоровъ въ гласный *а*: ср. др.-ц.-сл. сънъ—съна = серб. sа̏n—snä, др.-ц.-сл. дьнь—дьне = серб. да̑н—да̑на, др.-ц.-сл. лъжь (ложь)—серб. ла̑ж, др.-ц.-сл. чьсть—серб. ча̑ст, серб. ка̑сно (поздно)—др.-ц.-сл. късьно, серб. ма̑ч (мечъ)—др.-ц.-слов. мьчь и т. д.

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, однако, на мѣстѣ прасловянскихъ ъ и ь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это ъ или ь не исчезло вовсе, слышится особый гласный глухой, а именно—въ южныхъ говорахъ Черногоріи и юго-восточныхъ говорахъ Сербіи—призрено-тимочскихъ.

Въ черногорскихъ говорахъ этотъ глухой гласный колеблется между глухимъ *е* и узкимъ *а* (подробнѣе см. Решетара Der štokav. Dial., 90 и сл.).

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ экавскихъ говорахъ чакавскаго нарѣчія на мѣстѣ прасл. ъ и ь имѣется *е* и *о*: ср. Roczn. slaw., III, 88 с. При этомъ наблюдается правило, по которому е и о являются на мѣстѣ ъ, ь въ краткихъ слогахъ, тогда какъ въ долгихъ—*а*.

О характерѣ этого звука въ призрено-тимочскихъ говорахъ ср. выше, § 14.

Повидимому, этотъ именно глухой звукъ, въ которомъ писцы слышали оттѣнокъ *е*, и скрывается подъ буквою *е* латинскихъ, глаголическихъ и кирилловскихъ, памятниковъ XIII—XIV вѣка (ср. Решетаръ—Der štokav. Dial., 96 с.): ср., напр., восеньски bis = совр. босански (bȍsanskī), добитекь = совр. добитак (dobìtak) въ грам. 1240 с.,

любекь—любкхкь,—совр. љубав (ljúbaṿ) въ грам. 1247 года, добитекь и богеньски въ грам. 1249 г. и т. п. (см. Monum. serb. 28, 31, 32 сс.).

Современное *а* на мѣстѣ прасловянскихъ ъ и ь впервые появляется въ памятникахъ XIV в.: начетакь (др.-ц.-сл. начатъкъ), рожастка (др.-ц.-сл. рождьстка), добитакь, дȣбровачька (изъ *dubrovьčьska) въ грам. 1333 г. (Mon. serb., 105—106 сс.), нѣсколько позже—въ литургическихъ памятникахъ, напр. въ Никольскомъ Ев.: тамно (= тьмьно) Матѳ. VI, 23 ст., любакь (= любъкь) Лук. XI, 42 ст. и т. п.

Исчезновенiе ъ = ь въ извѣстныхъ условiяхъ предшествуетъ древнѣйшимъ дошедшимъ до насъ памятникамъ

Примѣчанiе. Ср. въ грамотѣ 1189 г. кнеже, зледи, въ латинскихъ грамотахъ XI—XII в. sitnicus (= сътьникъ).

§ 21. Въ какихъ же условiяхъ прасл. ъ и ь въ сербскомъ языкѣ исчезли и въ какихъ сохранились въ видѣ *а* или въ видѣ глухого звука?—Въ общемъ эти условiя совпадаютъ съ условiями исчезновенiя или сохраненiя въ томъ или другомъ видѣ прасл. ъ, ь въ другихъ словянскихъ языкахъ, въ томъ числѣ въ русскомъ.

Главное значенiе имѣли въ судьбѣ звуковъ ъ и ь ударенiе и открытый или закрытый характеръ слога (слогъ, оканчивающiйся на гласный,—открытый, а на согласный—закрытый); при этомъ подъ закрытымъ слогомъ разумѣется ставшiй закрытымъ въ силу исчезновенiя въ послѣдующемъ слогѣ ъ или ь, или же редуцированныхъ у и i (ы, и).

Въ слогѣ закрытомъ или же открытомъ, но ударяемомъ, ъ и ь исчезнуть не могли и, слѣдовательно, являются въ сербскомъ языкѣ въ видѣ *а* (или глухого гласнаго), исчезли ъ и ь только въ открытомъ неударяемомъ слогѣ.

Большею частью, закрытый слогъ является въ то же время и ударяемымъ.

Конечный слогъ съ ъ и ь всегда былъ открытымъ и неударяемымъ.

Такимъ образомъ, изъ *sъ-nà, *pь-sà, *dъ-nò, *dъ-và, *sъ-láti получились: серб. сна̏, пса̏, дно̏, два̏, сла̏ти (ср. др.-ц.-сл. съна, пьса, дъно, дъва, сълати). Наоборотъ, изъ *sъnъ, *pьsъ, *lъžь, *čьstь (др.-ц.-слов. сънъ, пьсъ, лъжь, чьсть) получились серб. са̏н, па̏с, ла̏ж, ча̏ст; въ этихъ примѣрахъ закрытый слогъ съ ъ или ь былъ въ то же время и ударяемымъ. Примѣромъ, когда ъ или ь были въ закрытомъ, но неударяемомъ слогѣ, могутъ служить серб. та̀мница, ша̏птати изъ *tьmьnica, *šьpьtáti (ср. русск. темница, шептать): ударенiе въ сербскихъ формахъ новое, перенесенное на одинъ слогъ ближе къ началу слова.

Съ другой стороны, ъ и ь въ формахъ *dъsky им. мн. ч., *mьglǫ вин. ед. (др.-ц.-сл. дъскы, мьглѫ) не могли выпасть въ сербскомъ уже въ силу того, что находились подъ удареніемъ: въ сербскихъ формахъ да̏ске им. мн. ч., ма̏глу вин. ед. удареніе ̏ указываетъ на исконную ударяемость перваго слога (ср. § 56 и сл.). Конечное ъ предлоговъ должно разсматриваться, какъ находящееся внутри слова, такъ какъ предлоги находились въ тѣсномъ сочетаніи съ послѣдующей падежной формой; поэтому имѣемъ са̏-мно̑м изъ *sъ-mъnojǫ и т. п.: ср. русск. со-, во- и т. д.

Примѣчаніе. Возможно, что первоначально вообще открытый слогъ съ ъ, ь въ словянскомъ былъ въ то же время и неударяемымъ, т. е. что удареніе съ такихъ слоговъ переносилось очень рано на сосѣдній слогъ: *dъ̀skǫ вин. ед. > *dъskǫ̀, однако аналогія отношеній *vodà: vȍdǫ создавала вновь отношенія: *dъskà—dъ̀skǫ вм. *dъskà—*dъskǫ̀.

Такимъ же образомъ подъ вліяніемъ отношеній *mogǫ̀—*mȍžešь и т. п. являлось, быть можетъ, *tь̀rešь, *žь̀ńešь, *sъ̀l'ešь (ср. серб. жа̏њем—жну, та̏ре̑м—тру, ша̏љем—шлю: *о* ю вм. *е* въ послѣдней формѣ ср. въ § 45).

Кромѣ указанныхъ условій ударяемости и открытаго и закрытаго характера слога, въ появленіи гласнаго *а* на мѣстѣ праслов. ъ или ь имѣлъ значеніе психологическій факторъ,—аналогія: подъ вліяніемъ родственныхъ формъ съ *а* въ закрытомъ или ударяемомъ слогѣ, являлось *а* и въ слогѣ неударяемомъ открытомъ: такъ, подъ вліяніемъ формы имен. ед. да̑н явилась форма род. п. да̑на (изъ *dьne,—существуетъ и старая форма dnȇ); форма *šьvьcь должна была дать švac, форма же род. пад. *šьvьcà--šavca; подъ вліяніемъ род. šavca, дат. šavcu и т. п. явилась форма имен. ед. ша́вац (šávac) вмѣсто швац (švac); такъ же вмѣсто *tman изъ *tьmьnъ явилось та́ман (táman) подъ вліяніемъ tȃmnī (изъ *tьmьnyjь = др.-ц.-сл. тьмьныи); отсюда затѣмъ *а* проникло и въ форму та́ма (др.-ц.-сл. тьма,—ср. уменьшительныя тмина и тмуша:—tmȋna, tmȗša).

Психологическій факторъ,—аналогія, особенно дѣйствовалъ въ тѣхъ случаяхъ, когда выпаденіе ъ или ь имѣло своимъ содѣйствіемъ возникновеніе трудно произносимой группы согласныхъ, какъ, напр., въ формахъ да̀ска изъ *dъskà, ма̀гла изъ *mьgla, сна̀ха изъ *snъcha (ср. вин. да̏ску, ма̏глу, зват. сна̏хо): сербское удареніе ̀—перенесенное съ конечнаго слога.

Вѣроятно, такимъ же образомъ объясняется узда̀хнути (вздохнуть) и да̀хнути изъ *dъchnǫti (ср. уздах—вздохъ, гдѣ ъ было въ закрытомъ слогѣ), затѣмъ—ста̀кло изъ *stьklò (ср. уменьшительное ста̀лце изъ *stьklьce) и т. д. Въ этомъ отношеніи интересно сопоставить съ литературнымъ да̀ска и ста̀кло діалектическія сербскія

формы скло̏, цкло̏ и цка̏ съ выпаденіемъ ь, ъ и упрощеніемъ группъ согласныхъ.

§ 22. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда ъ и ь получены были въ сербскомъ изъ праславянскаго и затѣмъ, совпавъ въ одномъ звукѣ, давали въ извѣстныхъ условіяхъ *a*, находимъ и такіе случаи, когда новый гласный неполнаго образованія, позже переходившій въ *a*, возникалъ впервые на сербской почвѣ. А именно, если старое ъ или ь стояло послѣ группы „согласный + сонорный", то по исчезновеніи ъ или ь эти сонорные становились слоговыми и затѣмъ развивали передъ собой новый неполнаго образованія гласный; такъ, изъ *jesmь черезъ посредство *jesm̥ получилось jesьm,—въ древнихъ памятникахъ ıєсьмь,—а затѣмъ јесам, изъ *bosnьskyjь получилось *bosn̥ski, а затѣмъ *bosьnski,—въ древнихъ памятникахъ босьньски,—откуда современное бо̏сански (второе ь въ др.-сербскихъ ıєсьмь и босьньски имѣло лишь графическое значеніе) Такимъ же образомъ получились изъ *větrъ—вѐтар, изъ *dobrъ—до̏бар, изъ *myslь—mȉsal и затѣмъ мисао (mȉsao,—съ измѣненіемъ конечнаго *l* въ *o*); изъ *ognь—о̏гањ, изъ *sedmь—sêdam. Въ концѣ слова, повидимому, развивалось новое ъ, давшее затѣмъ *a*, и въ иныхъ сочетаніяхъ согласныхъ: въ концѣ слова допустимы были лишь сочетанія st, zd и št, žd, а потому имѣемъ во̏сак при формѣ род. п. во̏ска.

То же явленіе—въ группѣ „согласный + сонорный v + ъ или ь" можно наблюдать внутри слова: такого происхожденія серб. ца̏втити (цвѣсти) изъ *cvьtiti черезъ посредство *cv̥titi со слоговымъ v.

Примѣчаніе. Гласные ъ, ь являлись въ сербскомъ не только на мѣстѣ праслов. ъ, ь, но и на мѣстѣ ĭ, ŭ въ заимствованныхъ словахъ; позже на мѣстѣ этихъ ъ и ь являлось также *a*: Ca̍ptat (изъ болѣе древняго cьvьtat = лат. civitatem)—Дубровникъ, та̑мјан—греч. θυμίαμα, па̏пар (перецъ)—лат. piper и др.

По вопросу о судьбѣ ъ и ь въ сербскомъ языкѣ ср. Jagić въ Arch., IV „Woher das secundäre a?", его-же „Podmladjena vokalizacija", Rad IX; Oblak „Die Halbvocale und ihre Schicksale in südslav. Sprachen" въ Arch., XVI.

§ 23. Праславянскіе ъ и ь въ положеніи передъ j измѣнились въ сербскомъ, какъ и въ большинствѣ славянскихъ языковъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда они не исчезли, т. е. когда были сильными (въ *закрытомъ слогѣ* или *подъ удареніемъ въ открытомъ*)—въ *ы* и *и* (у и і); при этомъ и въ судьбѣ ъ и ь въ положеніи передъ j играетъ большую роль аналогія.

Примѣры: мијеш, крије̌ш, ријеш, (mȉješ, krȉješ, rȉješ), съ і изъ болѣе стараго у (*ы*), а это *у* получилось изъ праслов. ъ въ поло-

женіи передъ j, т. е. *myješь получилось изъ праслов. *mъješь,— ср. русское *móешь*. Въ формахъ бијēш, лијēш, вијēш, змије им. мн., змија им. ед. ч., чиј—чиjā—чиjē (bȉjēš, lȉjēš, vȉjēš, zmȉje, zmȉja ,čȉj, čijā, čijē) имѣемъ і изъ прасл. ь въ положеніи передъ j: bȉješ изъ прасл. *bьješь,—ср. русск. *бьешь*. Въ примѣрахъ свиња, свиње им. мн. ч. (svȉnja, svȋnje им. мн. ч.), въ формахъ твор. ед. ч. ствâрjу отъ ствâр, нōћу отъ нōћ (ср. др.-ц.-сл. нощтиѭ изъ прасл. *noktьjǫ) имѣетъ мѣсто исчезновеніе редуцированнаго і, получившагося изъ ь въ положеніи передъ j.

Примѣчаніе. Въ ф.ф. мијēш, бијēш и т. п. редуцированный звукъ не могъ исчезнуть въ силу ударяемости: серб. mȉješ, bȉješ. Если принимать передвиженіе ударенія въ праславянскомъ со слоговъ съ ъ, ь, то должно предположить, что формы *myjéši, *bijéši, получившіяся въ силу такого передвиженія, замѣнились формами *mýješi, *bíješi подъ вліяніемъ аналогіи: ср. *mogǫ́—*mòžeši и т. п. (объяснять ф. bȉjēš, mȉjēš вліяніемъ аналогіи инфинитива biti, miti вмѣстѣ съ Долобко,—Изв. XX, кн. 1, 359 с.,—было бы неправильно: ср. русск. *móешь* при *мыть*, а русск. мóешь параллельно серб. mȉjēš). Въ ф. čȉj изъ *čьjь—ь было сильнымъ въ силу положенія въ закрытомъ слогѣ.

Что касается сербскихъ формъ змâj—род. змâја, бōрāјā род. мн., тâј, то формы эти врядъ ли противорѣчатъ положенію, что ъ, ь передъ j въ сильномъ положеніи давало у, і: серб. змâј—врядъ ли изъ *zmьjь (ср. болг. *змѣй*, Миклошичъ въ Etymol. W. приводитъ чешское zmak); форма gen. pl. бōрāјā и т. п. (отъ бȏрје и т. п.) возникла подъ вліяніемъ бóрā gen. pl. и т. п. Въ формѣ tâj (тотъ) j прибавлено позже къ ta (изъ *tъ).

По вопросу о судьбѣ ъ, ь передъ j въ словянскихъ языкахъ ср. Шахматова Die gespannten (engen) Vocale ъ̂ und ь̂ im Urslavischen въ ASlPh. XXXI, 481 и сл. и въ Энциклоп. сл. ф., вып 11, I, § 32 и сл.

§ 24. Исчезновеніе въ извѣстныхъ условіяхъ старыхъ ъ и ь праславянскаго происхожденія повлекло за собою въ сербскомъ языкѣ рядъ новыхъ звуковыхъ измѣненій, какъ-то: образованіе слоговыхъ *р* и *л* (см. §§ 25, 26), различныя измѣненія группъ согласныхъ (см. § 51). Къ числу этихъ звуковыхъ измѣненій относится возникновеніе сербскаго *у* (u) изъ группы vъ- или vь-.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ *первомъ слогѣ* слова, начинающагося съ vъ-, ъ находилось въ открытомъ слогѣ, изъ v, которое, повидимому, было билабіальнымъ, послѣ исчезновенія ъ получалось u: предлогъ vъ- получалъ форму u,—изъ *vьdovica получалось udovica и т. п.,— ср. штокавскія у, удовица (udòvica), ȕнук (изъ *vъnukъ), ȕпити (изъ *vъpiti), ȕтōрнӣк (изъ *vъtorьnikъ), јучер (jučer) = вчера (vьčera) съ отпаденіемъ конечнаго *а* и новымъ j въ началѣ (подъ вліяніемъ јутро).

Нѣкоторые факты указываютъ на то, что билабіальное v измѣнялось первоначально въ неслоговое u (u̯), которое давало затѣмъ слоговое u не во всѣхъ говорахъ сербскаго языка: ср. чакавскія формы čega изъ *vьčega, z изъ *vъz- (предлогъ), dovàc изъ *vьdovьcь, segȃ род. п. ед. ч. изъ *vьsego (объ окончаніи -а ср. § 93 и сл.); эти чакавскія формы получились непосредственно изъ *u̯čega, *u̯z-, *u̯dovac, *u̯sega съ неслоговымъ u.

Примѣчаніе. Ср. Arch. V, 181 и сл. и Белича „Замѣтки" 16 стр.

Въ штокавскихъ говорахъ форма *u̯sega измѣнилась въ *su̯ega (съ перестановкой u̯s- въ su̯-) и затѣмъ въ *свега*; этого не могло случиться, если бы vь- прямо давало u, а не u̯; формы же *u̯z-, *u̯nuk и т. п. въ штокавскомъ дали затѣмъ уз-, унук.

Сочетаніе vъ или vь въ начальномъ слогѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ъ, ь находились въ закрытомъ слогѣ, правильно давало va-, въ силу обычнаго измѣненія ь въ *а* въ такомъ положеніи.

Однако, аналогія переносила иногда у- изъ vъ въ положеніе, гдѣ фонетически должно было получиться va-, и наоборотъ: въ штокавскихъ говорахъ—не только *у-име* (во-имя), но и *у-два сахата* (= въ 2 часа), гдѣ у-два... изъ *vъ-dъva..., что должно было дать *va-dva... Наоборотъ, въ чакавскихъ говорахъ имѣемъ va dvorì, va rȍdi. Изъ *vъšь—*vъši (род. п.) должно было получиться vȃš—ȗši, но подъ вліяніемъ формъ косвенныхъ падежей явилась рядомъ съ vȃš форма ȗš (ȗш) и, наоборотъ, по образцу им. п. vȃš явилась форма род. п. vȃši (вȃши).

Указанное измѣненіе начальнаго слога слова vъ—въ u датируется уже древнѣйшими сербскими памятниками: ср. въ грамотѣ 1189 г.—ѹ име, ѹ дькадесети и деветы дінь, въ Вукановомъ Ев.—оуста 11 а, оупрашахоу 21 а, оузьгласите 21 а, оупросите 21 б, оукоусить 111 а, оудовица 124 л. и т. п. и, наоборотъ,—вь вм. оу: вьжасошесе 11 а, вьжасантесе ibid, вьмрѣти 11 б и т. п.

Примѣчаніе. Что касается положенія слога vъ внутри слова, то выпаденіе ъ или ь въ открытомъ слогѣ вызывало удлиненіе гласнаго въ предыдущемъ слогѣ: ȍвца (ʹ—перенесенное удареніе на долгомъ гласномъ) изъ *овьца и т. п.

Слоговые плавные и ихъ происхожденіе.

§ 25. Сонорные *r* и *l* могутъ быть, какъ извѣстно, слоговыми. Сопоставленіе данныхъ др.-ц.-словянскаго языка и живыхъ словянскихъ языковъ позволяетъ предполагать слоговые *r*, *l* въ праслo

вянскомъ языкѣ въ такихъ случаяхъ, когда др.-церк. словянскимъ написаніямъ ркъ, лъ, рь, ль между согласными соотвѣтствуютъ въ русскомъ звуковыя сочетанія *ор, ер, ол* (*ел*): др-ц. сл. скръбь русск. *скорбь*, др.-ц.-сл. чрьвь—русск. *червь*, др.-ц.-сл. вльвъ (влъкъ)—русск. *волкъ* и т. п. (въ др.-русск. скърбь, чьрвь, вълкъ и т. п.).

Примѣчаніе. На слоговые r, l въ такихъ словахъ указываютъ болгарскій, сербскій, словинскій, чешскій, польскій языки. Эти слоговые r, l развились въ болѣе поздній періодъ жизни праславянскаго языка изъ болѣе древнихъ сочетаній ъr, ьr, ъl, ьl передъ согласными.

Эти слоговые *r*, *l* въ праслов. языкѣ были твердыми и полумягкими и, какъ полагаетъ Фортунатовъ, имѣли передъ собою неслоговые ъ или ь: др.-ц.-сл. скръбь, чрьвь, вльвъ и русск. *скорбь, червь, волкъ* Фортунатовъ возводитъ къ праслов. *skъr̥bь, *čьr̥vь, *vьl̥kъ со слоговыми *r*, *l* и неслоговыми ъ, ь передъ ними.

Въ соотвѣтствіи съ праславянскими слоговыми r, l въ сербскомъ языкѣ находимъ *также слоговые* r, l; при этомъ: 1) сербскій языкъ потерялъ издревле различіе между твердыми и полумягкими слоговыми r, l или, иначе,—между сочетаніями ъr̥, ъl̥ и ьr̥, ьl̥; 2) въ сербскихъ слоговыхъ r, l различается долгота и краткость (см. ниже, § 30) и 3) сербскіе слоговые r, l впослѣдствіи подверглись на почвѣ отдѣльныхъ говоровъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ.

Кромѣ того, въ сербскомъ языкѣ имѣются новые слоговые *r* и *l*—въ соотвѣтствіи праславянскимъ сочетаніямъ rъ, rь, lъ, lь съ неслоговыми r, l и слоговыми ъ, ь: этимъ праслов. сочетаніямъ соотвѣтствуютъ въ русскомъ сочетанія *ро, ло, ре, ле*; такъ, изъ праслов. *krъvь—*krъvi въ русскомъ имѣемъ *кровь—крови* (др.-ц.-сл. кръвь—кръви), изъ праслов. *blъcha—русск. *блоха* (др.-ц.-сл. блъха), изъ прасл. *grьměti—русск. *гремѣть* (др.-ц.-сл. грьмѣти) и т. п. Эти новаго происхожденія слоговые *r*, *l* образовались въ сербскомъ послѣ того, какъ въ открытомъ слогѣ безъ ударенія исчезъ слѣдовавшій за ними гласный ъ или ь, причемъ новые r̥, l̥ подверглись затѣмъ такимъ же измѣненіямъ на сербской почвѣ, что и слоговые r, l старые изъ праславянскихъ слоговыхъ *r*, *l*.

Примѣчаніе. Иначе—Шахматовъ въ Изв. VIII, 1 кн., 330—333 с.с.

§ 26. Въ *литературномъ* сербскомъ языкѣ какъ на мѣстѣ стараго (праславянскаго) *r* слогового, такъ и на мѣстѣ новаго, получившагося изъ сочетаній *rъ, rь*,—имѣется въ настоящее время *r* слоговое.

Такъ: I прасл. *gъr̥dlo, *sъmьr̥tь, *sьr̥dьce,—др.-ц.-слов. гръло, съмрьть, срьдьце, русск. горло, смерть, сердце = серб. грло (gȑlo), смрт

(smr̊t), срце (sr̊ce) со слоговымъ *r*. II праслов. *krъvь, *grьmēti,— др.-ц.-слов. крькь (крькы), грьмѣти, русск. *кровь, греміьть* = крв—крви род. п. (kr̊v—kr̊vi), грмјети (gr̊mjeti),—также со слоговымъ *r*.

Старое *l* какъ старое, праслoвянское, такъ и новое (изъ сочетаній lъ, lь) измѣнилось въ большинствѣ сербскихъ говоровъ въ *у* послѣ согласнаго и въ *о* послѣ гласнаго и въ такомъ видѣ является и въ литературномъ языкѣ. Такъ, I прасл. *vъ̥lkъ, *pъ̥lnъ, др.-ц.-сл. влькъ (влъкъ), пльнъ (плънъ), русск. *волкъ, полнъ* = серб. вук, пун (vȗk, pȗn). II прасл. *blъcha, *zъlъ,—др.-ц.-слов. блъха, зълъ, русск. *блоха, золъ* = серб. буха, зао (bùcha, zȁo).

Слоговые r, l новаго происхожденія, какъ уже было выше замѣчено, явились фонетически изъ сочетаній rъ, rь, lъ, lь тогда, когда въ этихъ сочетаніяхъ выпадалъ *ъ* или *ь*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда эти *ъ* или *ь* были въ закрытомъ слогѣ, слоговые r, l не должны были получаться; однако, аналогія переносила слоговые r, l и въ такое положеніе, гдѣ они фонетически не могли получиться: такъ, изъ *krъvь—*krъvi должно было получиться *krav—kr̥vi, но подъ вліяніемъ kr̥vi явилась уже въ древности форма нефонетическая krv со слоговымъ *r*; такъ же явилось krst подъ вліяніемъ krsta (вм. *krast изъ *krьstъ) и т. п.

Такимъ же образомъ изъ *rъžь—*rъži явилось вмѣсто raž—rži съ одной стороны рж—ржи (r̊ž—r̊ži) со слоговымъ *r*, а съ другой— рâж—рâжи,—въ силу взаимнаго вліянія формъ.

Гласный *о* на мѣстѣ *l* слогового изъ lъ является чаще всего въ конечномъ слогѣ, напримѣръ, въ формахъ причастія: дао, читао, видио и т. п. (далъ, читалъ, видѣлъ), но можно указать и примѣры внутри слова послѣ гласнаго: жȁока (изъ *žalъka—жало), влáдалац—влáдаоца (владѣлецъ—владѣльца), зȁова (изъ *zъlъva—золовка), погòрелац— погòреоца (погорѣлецъ—погорѣльца) и т. п.

Примѣчаніе. Смягченное l' (изъ lj) и по отпаденіи вслѣдъ за нимъ ь не становилось слоговымъ и не претерпѣвало измѣненій: ȕчитељскй.

Въ формѣ род. п. отъ жȁлац ожидали бы жаоца (изъ *žalьca), но подъ вліяніемъ имен. п. žȁlac явилась форма жȁлца. Такъ же подъ вліяніемъ формъ жен. и ср. рода бијѐла, бијѐло возстановлено *l* неслоговое въ формѣ муж. р. бијел (bȉjel), подъ вліяніемъ дијела род. п. (dȉjela)—дијел (= dȉjel—доля, часть); наоборотъ, вм. калан имѣемъ кȁон (грязный,—ср. *калъ*) подъ вліяніемъ ж. и ср. р. каона, каоно изъ *kalьna, *kalьno (м. р.—*kalьnъ).

Въ тѣхъ случаяхъ, когда слоговому *l* новаго происхожденія предшествовалъ гласный *о*, слѣдъ этого *l* потерянъ вовсе, такъ какъ

получившееся изъ него *о* слилось съ предшествующимъ *о* въ одно долгое *о*: во̄ изъ *volъ, до̄ изъ *ďolъ и т. п.

Особаго примѣчанія заслуживаютъ примѣры, когда слоговое *l* новаго происхожденія имѣло передъ собой слоговое *r*: въ такихъ случаяхъ *r* слоговое оказывалось въ положеніи передъ гласнымъ, такъ какъ послѣдующее *l* слоговое переходило въ *о*: такъ, форма *umьr̥lъ давала умр̈о (umr̥o),—слоговой характеръ *r* обозначается двумя точками надъ буквой; такъ же—раздр̈о (-др̈о изъ *-dьr̥lъ).

§ 27. Иные сербскіе говоры, расходящіеся съ литературнымъ сербскимъ языкомъ относительно судьбы слоговыхъ *r*, *l*, отчасти представляютъ болѣе новыя явленія, отчасти же отражаютъ болѣе старыя ступени въ развитіи этихъ звуковъ, помогая вмѣстѣ съ данными письменныхъ памятниковъ возстановить болѣе или менѣе полную исторію этихъ звуковъ.

Слоговое *r* сохраняется въ такомъ видѣ въ большинствѣ сербскихъ говоровъ, причемъ въ нѣкоторыхъ говорахъ (напр., Дубровникѣ, говорѣ Prčan) является всегда краткимъ.

Примѣчаніе. Ср. Rešetar, D. štokav. Dial. 98 стр.

Однако, въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ слоговое r̥ какъ старое, такъ и новое, потеряло свое слоговое качество, выдѣливъ гласный *a* или *e* передъ собой: zärno (зерно), kãr̥v—kärvi (кровь—крови) и т. п., čẽr̥v, vẽr̥t и т. п.

Примѣчаніе. Ср. Milčetić, Čakavština kvarnerskich otokā, Rad 121, 104—105 с.с. На о Ластово на мѣстѣ долгаго *r* слогового -rī: gen. pl. prīst, zrīn=pȓst-a, zȓn-a и т. п. (ср. Облакъ въ ASIPh XVI, 435 с.).

Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ и чакавскихъ говорахъ является *ar*, а также *er* на мѣстѣ *r* слогового *начальнаго:* арђа̏, arjä=рђа̏, арђа̏в, arjäv=рђав (ржа, ржавый), ѐрвати=рвати (цр.-ц.-сл. рьвати, русск. *рвать*), ѐрђа (о. Ластово).

Слоговое *r* передъ гласнымъ *о* (изъ l̥) въ нѣкоторыхъ говорахъ становится неслоговымъ: умро̄, раздро̄ (ȕmrō, rȁzdrō) вм. умр̈о, раздр̈о.

Примѣчаніе. Ср. Решетаръ, D. štok. Dial., 99 с., Kušar, Nastavni Vjesnik, I, 322.

Примѣчаніе. Латинская и греческая графика древнѣйшей эпохи выражала сербское слоговое *r* сочетаніями ir, ri, er, иногда ar: Tirpimirus въ грамотѣ 852 г., Dircislavo въ грам. 994 г., Drizislavus въ грам. 1066 г., berda (соврем. bȓdo—гора) въ грам. 1056 г., Σερβλοι у Константина Багрянороднаго, barda въ грам. 1000 г.

Древнѣйшіе памятники кирилловскаго письма обычно имѣютъ церк.-словянское написаніе рь, но изрѣдка попадается р: напримѣръ, въ Вука-

новомъ Ев. српь 62 л., сврше̑нь 59 л.; не будетъ смѣлостью предположить, что и подъ написаніемъ рь скрывается слоговое *r*.

Въ грамотахъ XIII—XIV в. слоговое *r* выражается одной буквой *р* нерѣдко, особенно въ глаголическихъ грамотахъ XIV в.: въ грам. 1309 г. в'држани, потврди, въ грам. 1323 г. прва, въ грам. 1380 г. тврдо и т. д. Встрѣчаются, однако, и *ер*, *ар*: въ грам. 1410 г. наиперво, смерти, обдержати (рядомъ съ написаніями обычными: држано, тврдили и т. п.); въ грам. 1412 г. сварху, твардо, у царкв. (См. Hrvatski spomenici, изд. югослов. Академіи, I т., 1898 г. = Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium). Написанія er, ar выражаютъ слоговое *r* въ дубровницкихъ грамотахъ XIII в. и позже—у далматинскихъ писателей. Было бы ошибочно всегда понимать эти написанія er, ar буквально, какъ результатъ вторичнаго измѣненія слогового *r* въ живомъ языкѣ.

§ 28. Слоговое l, какъ старое, такъ и новое, сохраняется, какъ таковое, и нынѣ въ чакавскихъ говорахъ—на о. Кркѣ и нѣкоторыхъ другихъ далматинскихъ островахъ, а также въ тимочскомъ нарѣчіи; такъ, на о. Кркѣ произносятъ: vlk, pln, vlna, dlg (= вук, пун, вуна, дуг). Въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ l дало вторичные рефлексы: el, al или o: delg—delga (дуг), pelt (пут = др.-ц.-сл. плъть), paln, dalgo, bohà (буха = др.-ц.-сл. блъха), dog (дуг), sonce и т. п.

Въ южно-моравскомъ нарѣчіи находимъ сочетаніе *lu*: длуго, слузе, слунце.

Въ положеніи послѣ гласнаго изъ слога лъ (ль) въ чакавскихъ говорахъ находимъ l неслоговое: dal, bil, vol, činil и т. п.

Примѣчаніе. Ср. Milčetić „čakavština kvarn. ot." Rad CXXI, Облакъ ASlPh. XVIII, 218; XVI, 426 и сл., Tentor ASlPh. XXX, 157 с., Белић Дијалекти ист. и јужне Србије, 114 и сл. Решетаръ отмѣчаетъ долгое слоговое l въ Княжевцѣ (Кнежевац): Bet. südw. M. 17 c.

Такимъ образомъ, *l* слоговое въ однихъ говорахъ сербскаго языка сохранялось, какъ таковое, позже становясь неслоговымъ и выдѣляя изъ себя новый гласный, въ другихъ переходило въ гласный. Этотъ послѣдній процессъ должно отнести къ XIV вѣку, когда на мѣстѣ l слогового послѣ согласнаго является часто на письмѣ (въ боснійскихъ грамотахъ) *уо*, иногда же *у* и рѣже—*о*; на мѣстѣ же l слогового послѣ гласнаго въ ту же эпоху является *о*. Дубровницкія грамоты XV вѣка колеблются въ обозначеніи l слогового между *у*, *уо* и *о*.

Примѣчаніе. Въ латинскихъ грамотахъ X—XII столѣтій сербское *l* слоговое отражается въ написаніи il: Vilcodrug 1103 г. и т. п.

Древнѣйшіе кирилловскіе памятники употребляютъ для его выраженія церк.-словянское сочетаніе буквъ ль; рядомъ съ этимъ, однако, находимъ въ Мирославовомъ Ев. 3 раза слюнце (солнце), въ Вукановомъ Ев.— къ слоуньци 133 л. bis., слоуньце 41 л., слоуньце 133 л., которое должно сопоставить съ современнымъ *слунце* южно-моравскаго нарѣчія.

Въ глаголическихъ грамотахъ XIV—XV в.в. при обычномъ *ль*, сохраненномъ правописной традиціей, встрѣчаемъ иногда и *л*, отражающее живое произношеніе: въ грам. 1393 г. млчание, въ грам. 1450 г. плну и т. п.

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ находимъ *-ел*: въ грам. 1240 г. вел. бана Босніи Матеея Нинослава кельну, кельнемо (рядомъ съ—тверьди).

Въ грам. 1332 г. (договоръ бана боснійскаго Стефана съ Дубровникомъ) находимъ дȣога, з дȣогомь, дȣожань (и рядомъ—ȣплȣкеніе исȣ христа=воплощеніе), био, владаоца, купио, донемь краіемь (изъ *dolьnemъ дат. мн. ч.) со стяженіемъ *оо* въ ō.

Въ грам. 1333 г. бана боснійскаго Стефана читаемъ: хомьской земли (ср. соврем. хŷм=холмъ). См. Hrvatski spomenici (Monumenta Historica...), Monumenta serbica и Rešetar'a Die ragus. Urk. ASlPh. XVII, 9 с.

Въ написаніяхъ сербскихъ памятниковъ съ *уо* на мѣстѣ *l* слогового нѣкоторые изслѣдователи видѣли дифтонгъ uo, черезъ посредство котораго изъ l слогового получился современный рефлексъ—u.

Примѣчаніе. Ср., напримѣръ, Маретича: Gramm. i stilist. hrv. jezika, 20 стр; ср. по этому вопросу у Ягича „Zur Frage über den Uebergang des silbenbildenden *l* in u" въ Arch. IV и его же „Podmlad'ena vokalizacia" (Rad IX), Облака Zum silbenbildenden l im slavischen. ASlPh XVI, 198.

Съ другой стороны, еще Шафарикъ,—Serbische Lesekörner 53 с.,—видѣлъ переходную ступень отъ *l* слогового къ *u* въ сочетаніи lu, которое встрѣчается въ Мирославовомъ и Вукановомъ Ев. и въ современныхъ южно-моравскихъ говорахъ.

Можно думать, что въ различныхъ говорахъ процессъ измѣненія *l* слогового въ *u* могъ быть различенъ: u могло получаться черезъ посредство *lu* и непосредственно изъ l̥, но и отрицать совершенно переходную ступень uo врядъ ли можно, такъ какъ и нынѣ такой дифтонгъ uo на мѣстѣ l̥ слышится въ Босніи, въ говорѣ Варешъ (ср. Roczn. Slaw. III, 92 с.). Въ говорахъ, гдѣ на мѣстѣ l̥ слышится *о*, такой переходъ могъ быть непосредственнымъ или же черезъ посредство ol (ср. el, al).

§ 29. При заимствованіи словъ изъ другихъ языковъ въ сербскомъ получалось слоговое *r* на мѣстѣ сочетаній „гласный + r" или „r + гласный": tȑpeza = греч. τράπεζα, gȓk (грекъ) = graecus, gȑgur = Γρηγόριος, sȑdelja = итал. sardella и т. п.

§ 30. *Стяженіе гласныхъ* въ сербскомъ языкѣ представляетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ явленія различныхъ эпохъ. Болѣе древнимъ является стяженіе гласныхъ, связанное съ выпаденіемъ между гласными j или i̯, какъ въ питаш (pȋtāš—чак. pítāš), па̏да̑ш, игра̑ш (ȉgrāš) изъ *pytaješь, *padaješь, *igrajешь, или же въ мо̑га, мо̑му (*моего, моему*) изъ *mojego, *mojemŭ (вѣроятно, съ удареніемъ на *о*: ср.

русск. *по мо́ему*), или въ па̑с изъ *pojasъ (ср. ра̀спасати и русск. распоя́сать), или въ зе̑ц (заяцъ) изъ *zajęсь.

Болѣе позднимъ является стяженіе гласныхъ, связанное съ исчезновеніемъ стараго ch (х), о которомъ—ниже, въ § 43, или съ переходомъ слогового *l* въ *о*: ср. гро̑т изъ *grochotъ (*грохотъ*), стра̑ род. п. ед. ч. изъ *stracha (страха); во̑ (*волъ*) изъ *volъ черезъ посредство воо, соко̑ изъ *sokolъ черезъ посредство сокоо.

Примѣчаніе. Въ говорахъ находимъ также пито (pîtô), пеко (pêkô) въ соотвѣтствіи литературнымъ формамъ питао, пекао (pît ıo, pêkao). Внутри слова въ подобныхъ случаяхъ не находимъ стяженія: вла̀даоца род. п. отъ вла̀далац, за̑ова (золовка)—изъ *voldalьca, *zъlъva. Также не находимъ стяженія въ доод изъ do-chod, что объясняется, вѣроятно, вліяніемъ аналогичныхъ образованій съ предлогомъ do- и, съ другой стороны, другихъ сложеній съ chod-.

§ 31. *Отпаденіе конечныхъ гласныхъ* наблюдается въ словахъ второстепеннаго значенія въ предложеніи, какъ нарѣчія, союзы, частицы: jе̑р (ибо, вѣдь) изъ јере, а это изъ јеже, ве̑ћ (но)—изъ веће (*vętje сравн. ст.—больше), ка̏д, та̏д изъ ка̏да, та̏да (*когда, тогда*) и т. п. Объ отпаденіи конечнаго гласнаго въ ф.ф. числительныхъ, неопредѣл. формѣ и дѣепричастіи ср. §§ 101, 104, 121.

Согласные сербскаго языка въ отношеніи къ праславянскимъ.

§ 32. *Праславянскіе сонорные l, r, n* были смягченными—въ тѣхъ случаяхъ, когда получились изъ болѣе древнихъ сочетаній l,r, n+j,—и несмягченными—въ остальныхъ случаяхъ.

Въ сербскомъ языкѣ сонорные эти имѣли неодинаковую судьбу.

Сонорные l и n сохранили различіе двухъ звуковыхъ типовъ: смягченнаго и несмягченнаго: н и њ (n и ń), л и љ (l и l'),—ср. не̑бо, низак (nîzak—низкій) и ко̏њ—ко̀ња, ле̑д—ле̑да, лист (lîst) и по̏ље.

Наоборотъ, различіе между твердымъ и смягченнымъ *r* потеряно сербскимъ языкомъ, такъ какъ смягченное *r* отвердѣло; мо̏ре—мо̏ра—мо̏ру, рибар (rȉbār—рыбакъ) и т. п.

При этомъ въ нѣкоторыхъ чакавскихъ, а также и въ штокавскихъ говорахъ наблюдается измѣненіе смягченнаго l (l') въ j: judi, jubav= људи, љубав и т. п. (Rešetar, D. štok. Dial, 123 c.). Въ нѣкоторыхъ черногорскихъ говорахъ несмягченное l имѣетъ велярный характеръ, сближающій его съ польскимъ ł, особенно въ положеніи передъ *о* и *у* (u),—ср. Roczn. Slaw. IV, 191 стр., D. štok. Dial. 126 c.

§ 33. Рядомъ со смягченными l′ и ń праславянскаго происхожденія въ сербскомъ языкѣ находимъ l′ и ń новаго происхожденія, получившіеся изъ праславянскихъ l, n несмягченныхъ.

Такіе l′ и ń новые получились въ двухъ случаяхъ: 1) въ томъ случаѣ, если послѣ l и n выпало ь, за которымъ слѣдовало j, получились новыя сочетанія lj, nj, коихъ не было въ праславянскомъ, и эти lj, nj давали l′, ń (љ, њ): изъ праслов. *veselьje, *kamenьje получились весѐље, ка̀мēње; 2) въ говорахъ, гдѣ ě (ѣ) является въ видѣ -je, въ слогахъ -lě, -ně получились новыя сочетанія lj, nj, и эти сочетанія также давали l′, ń: љȇб (= хљȇб), љепо̀та (красота), љȇто, њемо̀та, њȇмачкӣ (нѣмецкій) и т. п.

Должно, однако, замѣтить, что въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ (на островахъ) группы lj, nj, получившіяся вслѣдствіе выпаденія между l, n и j редуцированнаго гласнаго ь, сохраняются безъ измѣненія: veselje, kamenje и т. п.

Примѣчаніе. У старыхъ далматинскихъ писателей различіе между новыми и старыми группами nj, lj сохранялось: napugnen, semgla (т. е. gn, gl = n′, l′ старыя), но—pisanye, veselye.

Въ аналогичныхъ случаяхъ, т. е. передъ -ьj и ě въ екавскихъ говорахъ (ě = je) сонорный r имѣлъ иную судьбу, нежели l и n.

Въ положеніи r передъ -ьj- по выпаденіи получилась группа rj: бо̑рје, пе̑рје, звȇрје, примо̑рје (primorje) и т. п. Въ положеніи передъ ě въ екавскихъ говорахъ получилось твердое r, какъ и въ экавскихъ (ср. выше, § 10). Впрочемъ, есть говоры, въ которыхъ на мѣстѣ сочетанія -rě является rje: напримѣръ, на о. Млетѣ возлѣ Рагузы произносятъ—срјȇћа, мрјȇжа и т. п. (D. štok. Dial. 70 c.).

§ 34. *Праславянскіе губные согласные b, p, v, m* были, какъ извѣстно, несмягченными и такими сохраняются въ сербскомъ языкѣ даже передъ мягкими гласными: пити, бити (pȉti, bȉti), бȅдро и т. п.— съ твердыми p, b.

На мѣстѣ праславянскихъ сочетаній губной + j въ сербскомъ языкѣ является, какъ и въ русскомъ, группа „губной + l смягченное“: зѐмља, скупљи (skȗpl′ī)—ср. ст. отъ скуп (skȗp = дорогой), грубљи (grȗbl′ī) отъ груб (grȗb = толстый) ло̀вљȇње (охота) и т. п.

Та же группа „губной + l′“ является въ тѣхъ случаяхъ, когда образовалась новая группа „губной + j“ в силу выпаденія между ними ь: здра̑вље изъ *zdorvьje, ко̀пље изъ *kopьje, сно̀пље изъ *snopьje и т. п. Такъ же въ твор. п. отъ кр̑в (кровь)—кр̑вљу изъ *kгъvьjǫ, отъ љу̑бав—љу̑бављу и т. п.

Однако, этого измѣненія не находимъ въ начальномъ слогѣ слова: бјӗн—причастіе къ глаголу бити—бијӗм (bȉjēm), пјȁн рядомъ съ пијан (pȉjan).

Въ говорахъ находимъ группу „губной +j" и въ срединныхъ слогахъ, напримѣръ, въ чакавскомъ говорѣ Novi—divják, krȁvja и т. п. (Белић, Замѣтки по чакавскимъ говорамъ, 11 стр.).

Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ,—въ Черногоріи и Бокѣ Которской,—послѣ губныхъ согласныхъ исчезаетъ l′ (вторично) какъ въ старыхъ группахъ „губной +l′", такъ и въ новыхъ: дӯбји, улȍвјен, слȍмјен и кȍпје, кр̑вју и т. п. (D. štok. Dial., 124 с.).

Въ нѣкоторыхъ екавскихъ (ě=je) говорахъ (въ Черногоріи) новая группа „губной +l′" получается въ тѣхъ случаяхъ, когда губной находился передъ ě, т. е. -bl′e изъ bě и т. д.: pl′ēna (пѣна), bl′ěše (былъ—бѣше), vl′ēra (вѣра), nevl′ēsta, vl′ētar (вѣтеръ), ml′ēra, ml′ēsto и т. д.—ср. D. štok. Dial., 142 стр.

Въ большинствѣ же екавскихъ говоровъ сохраняется въ такихъ случаяхъ сочетаніе *губной +j*: вјӗверица (бѣлка), вјӗра, вјӗтар, мјӗра, чȍвјек и т. п. Сочетаніе „губной +l" находимъ въ такихъ говорахъ въ формахъ инфинитива тр́пљети (терпѣть), гр́мљети (гремѣть), свр́бљети (свербѣть), жи́вљети (жить): l′ могло здѣсь явиться нефонетически подъ вліяніемъ иныхъ формъ того же глагола,—ср. имперфектъ тр́пљах, живљах (žívl′ach), гр́мљах, свр́бљах.

§ 35. Особыхъ замѣчаній изъ губныхъ согласныхъ требуютъ v и f.

Согласный v, по опредѣленію Белича, является въ сербскомъ языкѣ большею частью губнозубнымъ, однако, въ говорахъ „иногда такъ слабо артикулируется, что зубная артикуляція почти исчезаетъ": ср. Roczn. Slaw. IV, 193 с.

Нѣкоторые факты сербскаго языка, какъ отмѣченное выше (§ 24) измѣненіе vъ въ извѣстныхъ условіяхъ въ u, позволяютъ думать, что первоначальный характеръ сербскаго *v* былъ билабіальный. Можетъ быть, въ связи съ этимъ находится исчезновеніе этого звука, наблюдаемое въ извѣстномъ положеніи въ различныхъ сербскихъ говорахъ (передъ гласными о, у, плавными р, л и спирантами): ср. черногорское одȍваља = водȍваља (водосточная труба), ријѐсло (ушко котла), ӯчац = вӯчац (гангрена), ла́дати = вла́дати и т. п. Въ чакавскихъ говорахъ исчезаетъ обычно передъ свистящими или шипящими (или въ положеніи за ними) то v (u̯), которое получалось изъ vь-: čéra = včéra (вчера), zȇl=vzȇl (взялъ), segȁ—род. п. отъ vȁs изъ vsegȁ и т. п.

Въ силу обобщенія предлогъ v пропускается не только передъ свистящими и шипящими, какъ въ выраженіяхъ šȁl škȏlu, zȗbi = šȁl

v škôlu, v zûbi, но и въ другихъ случаяхъ: kŭću = v-kŭću (въ домъ), Bribir = v-Bribir и т. п.; впрочемъ, отмѣчающій это явленіе по отношенію къ говору Novi Беличъ даетъ также — dovâc = vdovâc (вдовецъ),—ср. его „Замѣтки", 16 стр. Такіе же примѣры отмѣчены въ говорѣ с. Красице (ASlPh. V, 181 и сл.).

Насколько древне исчезновеніе v въ извѣстномъ положеніи, показываютъ примѣры изъ сербскихъ грамотъ вродѣ ꙋсталаль въ грам. 1387 г., ѡтьстали въ грам. 1379 г., састалена въ грам. 1399 г. (см. Monum. Serb. 209, 192, 235 с.с.) и т. п.

§ 36. Звукъ f первоначально не былъ извѣстенъ словянскимъ языкамъ, и потому въ древнѣйшихъ заимствованныхъ словахъ звукъ f передается словянскимъ p (п): ср. праслов. *pъlkъ = др.-в.-нѣм. folk. Та же черта,—отсутствіе въ своихъ словянскихъ словахъ звука f, отражается въ примѣрахъ Вуканова Евангелія—пилипъ, парисѣи, ѡсипови и т. п. (ср. Изв. Отд. р. яз. и сл., III т., 4 кн., 1162 с.).

Въ болѣе позднюю эпоху, однако, въ сербскомъ языкѣ рядомъ съ губными p, b, v, m появляется также f,—во-первыхъ, въ словахъ заимствованныхъ, а во-вторыхъ, въ своихъ—сербскихъ: ср. заимствованныя фѐњер (турец.—фонарь), фѐрмен (турец.—родъ жилета) и т. п., а съ другой стороны—фа̏ла = хвала, фа̏тати = хватать, гдѣ f явилось на мѣстѣ первоначальной группы *chv*, и у̏фати (= надѣяться), гдѣ f получилось изъ группы *pv* (послѣ выпаденія ъ: ср. церк.-сл. оупъвати). Измѣненіе группъ chv и pv въ f представляетъ извѣстный видъ ассимиляціи: звонкій *v* послѣ глухого становится глухимъ, т. е. f, а chf, pf дали затѣмъ f. Въ говорѣ Novi Беличъ отмѣтилъ chfālâ („Замѣтки", 13 стр.); въ Герцеговинѣ въ такихъ случаяхъ наблюдается v: vála, vȁtati = chvála, chvȁtati, т. е. ch просто исчезаетъ.

Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ говорахъ согласный f является на мѣстѣ v въ положеніи передъ глухимъ согласнымъ: напр., изъ штокавскихъ—въ говорѣ Подгорицы (въ Черногоріи): ȍfčē mêso (овечье мясо) и т. п., изъ чакавскихъ—въ говорѣ Novi: popȍfsko, trgȍfka, ȍfcu, lofcâ и т. п. (ср. D. štok. Dial. 144 с., Белић'а „Замѣтки", 16 с.).

Примѣчаніе. По утвержденію Лескина (Serb. Gr. § 179), и въ литературномъ произношеніи *v* послѣ глухого и передъ глухимъ согласнымъ измѣнилось въ f (билабіальное): пишется ȍvca, svȍj, но произносится ȍfca, sfoj. Иначе—Будмани, Gramm. § 14a.

§ 37. *Праcловянскіе зубные согласные* t, d, s,z были, подобно губнымъ, несмягченными и такими являются въ сербскомъ языкѣ, т. е. послѣдующіе палатальные гласные не смягчаютъ ихъ: ср. dȅsêt (десять), диван (dîvan = дивный), зѐмља, зима (zima = зима), сѐло,

сито (sito = сито), тѐбе, тица (tica = птица) съ несмягченными d, s, z, t и т. п.

Въ сочетаніи съ послѣдующимъ j, а также передъ l', ń зубные длительные s, z уже въ прасловянскомъ дали š, ž (о которыхъ ср. ниже, § 44), а зубные мгновенные t, d въ сочетаніи съ j дали, какъ извѣстно, въ различныхъ словянскихъ языкахъ различные рефлексы: въ русскомъ ч, ж, въ др.-церк.-слов. смягченныя группы шт, жд, въ польскомъ c, dz.

Сербскій языкъ, какъ ясно уже изъ § 4, не представляетъ въ этомъ отношеніи строгаго единства. Въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ находимъ аффрикаты ћ, ђ (ћ изъ tj, ђ изъ dj): свѐћа (свѣча), мѐђа (межа) и т. п.,—ср. о нихъ выше, § 13.

Въ чакавскомъ нарѣчіи вмѣсто ђ является j: mejà и т. п. То же, что и изъ прасл. tj, имѣется въ сербскомъ и на мѣстѣ прасл. группы kt (gt): пе̑ћ—пе̑ћи (печь—печи), мо̑ћ—мо̑ћи (мочь—мочи).

Въ тимочскихъ говорахъ находимъ въ соотвѣтствіи прасловянскимъ tj (kt, gt), dj—č, d͡ž (ч, џ), въ различныхъ южно-моравскихъ говорахъ—въ однихъ ћ, ђ, (ć, đ), въ другихъ t', d', а также k', g' (смягченные k, g, т. е. sveḱa, meǵa).

Чакавское ć, соотвѣтствующее штокавскому ћ, по природѣ отличается отъ него тѣмъ, что больше приближается къ мягкому t', т. е. является скорѣе взрывнымъ согласнымъ, чѣмъ аффрикатой (ср. напр. такое t' въ говорѣ Novi,—Беличъ, „Замѣтки", 10 с.). Точно такъ же чакавцы, которые спорадически въ нѣкоторыхъ словахъ произносятъ вмѣсто своего j = *dj литературное ђ, произносятъ его, какъ мягкое d' (ср. D. štok. Dial., 136 с.). Впрочемъ, Решетаръ слышалъ t' вм. ћ у многихъ сербовъ южной Венгріи, а также j вм. ђ (mèja, tùjī = межа, чужой) въ нѣкоторыхъ пунктахъ штокавской области (въ Босніи,—ср. ibid.).

Указанные звуки ђ и ћ въ штокавскихъ говорахъ находимъ также въ иностранныхъ словахъ, въ которыхъ они передаютъ чужіе мягкіе k, g: јеванђе̄ље (евангеліе) Јѐђупак (цыганъ: отъ Αἴγυπτος—Египетъ), ћѐлија (κελλίον—келія) и т. п.

Въ чакавскихъ говорахъ и въ такихъ случаяхъ, т. е. на мѣстѣ иностраннаго смягченнаго g, находимъ j: Júrje = шток. ђу̏рац (Георгій), Brijīta (Бригитта) и т. п.

§ 38. Возникновеніе сербскихъ рефлексовъ прасловянскихъ сочетаній tj (kt, gt), dj теряется въ глубокой древности.

Въ древнѣйшихъ греческихъ и латинскихъ источникахъ, содержащихъ отдѣльныя сербскія слова съ указанными согласными, они

передаются буквами g, k: ср. у Константина Багрянороднаго Μεγυρέτους (μεγυ = među-), въ грамотѣ 1032 г.—Vekenego.

Тотъ же пріемъ находимъ въ древнѣйшей сербской письменности: такъ, въ грамотѣ бана Кулина 1189 г. читаемъ: хоке = хоће, помокь = помоћ, трьгуюке = тргујуће, тисука = тисућа. То же—въ другихъ, болѣе позднихъ, сербскихъ грамотахъ. Въ той же грамотѣ 1189 г. находимъ особый знакъ ⏊ для обозначенія ђ изъ dj въ словѣ гра⏊амь. Тотъ же знакъ употребляется въ Миросл. Ев. для обозначенія γ въ греческихъ словахъ и въ Вук. Ев. въ формѣ имперфекта хо⏊аше и въ греч. словѣ лев⏊ить. Позже этотъ знакъ сталъ употребляться и для обозначенія ћ.

Въ глаголическихъ памятникахъ еще др.-церк.-словянской редакціи находимъ особый знакъ Ⰼ для передачи мягкаго g въ иностранныхъ словахъ; этотъ знакъ, нѣсколько измѣненный по формѣ, находимъ и въ болѣе поздней хорватской глаголицѣ. Въ то же время въ глаголическихъ грамотахъ отражается произношеніе j на мѣстѣ праслов. dj, т. е. пишется глаголическими буквами meja и т. п. (напр., мею въ грамотѣ 1309 г.); такое же произношеніе (j = *dj) отражается и въ кирилловскихъ боснійскихъ грамотахъ: ср. госпоꙗ, госпою въ грамотѣ баницы Елисаветы около 1313 г., ѿ мее до мее въ дарственной грам. бана Степана Котроманича около 1322 г. и т. п. (ср. Долобко въ Изв. XIX, кн. 3—4 „О языкѣ нѣкот. босн. грам.“, 48 с.).

Въ глаголическихъ памятникахъ съ XV в. для обозначенія ћ (ć) употребляется глаголическій знакъ щ въ новой формѣ.

§ 39. *Особые сербскіе звуки* ћ, ђ, которые, какъ мы видѣли, соотвѣтствуютъ праславянскимъ сочетаніямъ tj (kt), dj, находимъ въ сербскомъ также и въ нѣкоторыхъ иныхъ случаяхъ.

Во-первыхъ, ћ, ђ находимъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ выпалъ ь между t, d и j, т. е. гдѣ получились новыя, сербскаго происхожденія, группы tj, dj: пруће (prȕće) изъ *prǫtьje, лȁђа изъ *oldьja, брȁћа изъ *bratьja, пиће (píće) изъ *pitьje и т. п. (точнѣе,—выпало редуцир. i).

Однако, въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ изъ сочетаній -tьj-, -dьj-, получились группы -tj-, -dj-, т. е.—братја, прутје, ладја: ср. у Решетара D. štok. Dial., 140. То же находимъ въ чакавскомъ: ср. Замѣтки Белић'а 10—12 с.с.

Изъ старыхъ сочетаній sьj-, zьj- получаются, вообще говоря, въ сербскомъ группы sj, zj, т. е. новыя группы sj, zj остаются безъ измѣненія: клȁсје изъ *kolsьje (колосье), лȍзје изъ *lozьje (собират. къ *лоза*).

Примѣчаніе. Впрочемъ, въ герцеговинскихъ говорахъ эти новыя группы измѣнились въ s′, z′.

§ 40. Далѣе, въ штокавскихъ нарѣчіяхъ находимъ обыкновенно ћ и ђ на мѣстѣ новыхъ группъ tj, dj, получившихся путемъ перестановки изъ jt, jd: именно въ сложномъ глаголѣ do-iti (na-iti, po-iti) вслѣдствіе измѣненія i *послѣ гласнаго* въ неслоговое получились формы до̏ћи и въ 1 л. наст. вр. до̑ђе̄м (на̏ћи—на̑ђе̄м, по̏ћи—по̑ђе̄м) черезъ посредство *dotji—*dodjem (а это изъ dojti—dojdem). Въ чакавскомъ сохраняются старыя формы dojti—dojdem; впрочемъ, такія формы встрѣчаются и кое-гдѣ въ области штокавскаго нарѣчія: ср. D. štok. Dial, 137 с.

Примѣчаніе. Ср Music „Kako su postali oblici doći, nađem": Nastavni Vjesnik, 1901 г., 10.

§ 41. Наконецъ, новыя группы tj, dj получились еще въ одномъ случаѣ, а именно, если t, d находились передъ южно-сербскимъ рефлексомъ прасловянскаго ě -je: ђе̏ве̄р изъ *děverь, ђе̏д изъ *dědъ, лѐћети изъ *letěti и т. п. Такія сочетанія ће, ђе изъ tě, dě отличаютъ большинство екавскихъ (ě = je) говоровъ; только въ нѣкоторыхъ, немногихъ, говорахъ находимъ формы вродѣ летјет, дјевојка, недјеља и т. д.: см. у Решетара D. štok. Dial., 141 с.

§ 42. *Согласные язычно-небные* k, g, ch получены были изъ прасловянскаго языка только въ положеніи передъ твердыми звуками, такъ какъ въ положеніи передъ мягкими гласными и передъ j они уже въ прасловянскомъ измѣнились въ шипящіе или свистящіе (ср. § 44).

Но такъ какъ гласный у (ы) измѣнился въ сербскомъ языкѣ въ i, то въ немъ стали возможны сочетанія ki, gi, chi: кисео (kȉseo—кислый), гибак (gȉbak—гибкій), хитати (chȉtati—хватать) и т. п. Кромѣ того, сдѣлались возможными сочетанія k, g, ch съ мягкими гласными въ силу перенесенія мягкаго гласнаго въ положеніе послѣ этихъ согласныхъ аналогіей: напр. род. п. ед. ч. ру́ке̄, но̀ге̄ по аналогіи зѐмље̄ (др.-ц.-сл. землѩ). О древности сочетаній ki, gi, chi—ср. выше, § 18.

§ 43. Особыхъ замѣчаній требуетъ изъ указанныхъ согласныхъ длительный ch. Этотъ согласный во многихъ нарѣчіяхъ и говорахъ сербскаго языка исчезъ вовсе: произносятъ ла́дак вм. хла́дак, о̀ћу вм. хо̀ћу, ва́ла вм. хва́ла, ра́на вм. хра́на, ма́нути вм. ма́хнути и т. д.

Сохраненіе звука *х* наблюдается еще въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ,—напр. въ говорѣ Novi,—въ говорахъ Черногоріи, Босніи и Герцеговины.

Въ иныхъ говорахъ вмѣсто ch (х) слышится глухой взрывной k: grȉjek—grijȅka, smȉjek—smȉjeka,—или же звонкій g: gregotȃ (= grechotȃ), strȃg, mȗga, ȕgo и т. п.,—ср. D. štokav. Dial., 121—122 сс.

Въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ ch исчезло, на его мѣстѣ между гласными развились переходные звуки,—послѣ *i*, *e*, (= ě) — ị, т. е. j, послѣ *u* — ụ — v: такъ получились формы tȉjo = tȉcho, ȕvo = ȕcho, súva = súcha, mùva = mùcha, kíjati = kíchati, smȇj — smȅja (смѣхъ) и т. п. Форма smȇj образовалась по образцу косвенныхъ падежей.

Примѣчаніе. Исчезновеніе ch относится къ началу XVII в.

§ 44. *Согласные* š, ž, č, c, какъ извѣстно, явились на праславянской почвѣ въ результатѣ измѣненія язычно-небныхъ k, g, ch передъ мягкимъ гласнымъ или же въ соединеніи съ j.

А именно, k въ такомъ положеніи давало č или c (*vьl̥kъ— *vьl̥če зв. ф.—vьl̥cě мѣстн. п.); изъ g получалось ž или dz (*bogъ—*bože—зват. ф.—*bodzě мѣстн. п.); изъ ch получалось š или s (*duchъ—*duše зват. ф.—*dusě мѣстн. п.). Согласные c, d͡z, s получились, какъ извѣстно, въ положеніи передъ ě и i изъ дифтонга oi (ai), а также послѣ мягкихъ согласныхъ (*ovьca изъ *ovьka, *polьdza изъ *polьga, *vьsь изъ *vьchъ). Согласные š и ž получались также изъ группъ sj, zj и изъ s, z въ положеніи передъ смягченными l′, ń: *pisati—*pišǫ (изъ *pisjǫ), *lizati—*ližǫ (изъ *lizjǫ), *mysliti—*myšl′enъ прич. (изъ *mysljenъ), *blazniti—*blažńenъ прич. (изъ *blaznjenъ); ср. др.-ц.-сл. пишѫ, лижѫ, мꙑшлѥние, блажнѭ (серб. мишљен, блажњење).

Всѣ эти согласные: š, ž, č, c, d͡z уже въ силу своего происхожденія были первоначально смягченными. На сербской почвѣ они перестали быть таковыми, т. е. отвердѣли; при этомъ d͡z упростилось въ z, какъ и въ русскомъ языкѣ: књига (knjȉga)—дат. п. књизи (knjȉzi).

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ встрѣчается звукъ d͡z, но какъ вторичное явленіе—на мѣстѣ стараго z (dzȍra = zȍra, jȅdzēr=jȅzero), -ср. D. štok. Dial., 130 с.

§ 45. Кромѣ š, ž стараго происхожденія находимъ въ сербскомъ š, ž новыя, явившіяся въ результатѣ вліянія послѣдующаго l′, ń въ сравнительно болѣе позднюю эпоху: шљȇм изъ *sъljǫ (1 л. ед. ч. н. вр. съ нефонетическимъ измѣненіемъ окончанія), плијешњу тв. п. ед. ч. отъ плијесан (plȉjesan)—изъ *plěsьnьjǫ, грȍжња (угроза) изъ *grozьnja (потомъ *grozьńa) и т. п. Въ такихъ случаяхъ вліяніе смягченнаго l′, ń наступило по выпаденіи ъ, ь. Въ екавскихъ говорахъ такое же š, ž изъ s, z получается передъ l′ изъ lj въ сочетаніи lje = lě: шљȅме изъ sljȅme, шљѐпица изъ sljѐpica.

Сравнительно съ такими случаями, какъ шљȇм, плијешњу, грȍжња, шљѐпица примѣры, какъ ижљубити, иж-њега являются фактами болѣе древними.

Во многихъ мѣстахъ чакавской области шипящіе согласные š, ž, č замѣняются соотвѣтствующими свистящими—s, z, c,— ср. Roczn. slaw. III, 87 с.

§ 46. Группы š+j, ž+j, č+j, c+j могутъ быть въ сербскомъ лишь вторичнаго происхожденія: въ силу выпаденія между š, ž, č и j гласнаго ь (редуцир. i) или,—въ екавскихъ говорахъ,—cje изъ cѣ; группы эти сохраняются безъ измѣненія: ȍрâшје (собират.—орѣшникъ), бȍжјâ (божья), ȍвчјê (овечье), цјѐлӣв (поцѣлуй).

Примѣчаніе. Въ черногорскихъ говорахъ находимъ ž, č (смягченные) на мѣстѣ такихъ žj, čj: ȍрӯже, на́рӯче; въ герцеговинскихъ говорахъ, въ которыхъ sj переходитъ въ s′ (klâs′e), и cj даетъ ć: ćȅlīv вм. cjȅlīv.

§ 47. По отношенію къ согласному ž должно замѣтить, что въ извѣстныхъ случаяхъ согласный этотъ измѣняется въ сонорный *r*: мȍрêм = мȍжêм, jepe (ибо) получилось изъ формы мѣстоименія ježe (ср. р.), неборе изъ nebože (союзъ: ne-bo-že), jyp изъ již (е), ȍндар изъ onda-ž (е), дȍренēм изъ do-ženēm.

Примѣчаніе. Основное условіе измѣненія—положеніе *ж* между гласными; обычно оно происходитъ въ словахъ вспомогательнаго значенія; въ дȍренēм и т. п.—въ сложеніи глагола съ предлогомъ.

§ 48. Согласный j сербскаго языка, обычно,—старый, праславянскаго происхожденія; мы видѣли, однако, выше (§ 43), что онъ можетъ являться впервые на сербской почвѣ (tȉjo, kíjati). О исчезновеніи стараго j и ассимиляціи и стяженіи гласныхъ, какъ слѣдствіи этого исчезновенія, ср. выше, § 31.

§ 49. *Праславянскія группы* sk, zg+j или же sk, zg въ положеніи передъ палатальными гласными имѣли неодинаковую судьбу въ нарѣчіяхъ сербскаго языка, какъ мы уже отчасти видѣли (§ 4).

Въ большинствѣ штокавскихъ говоровъ мы находимъ на мѣстѣ указанныхъ праславянскихъ сочетаній группы шт (št), жд (žd): иштēм (ȉštêm)—ср. ѝскати, заштитити (zaštítiti), штица изъ *dъskica,—ср. *dъska—да̀ска, мȍждâни (мозгъ), звѝждати (свистѣть) изъ *zvizgēti—ср. звизга (zvȉzga).

Однако, въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ вм. шт и жд произносится въ такихъ случаяхъ шћ (šć) и жђ (žđ),—ср. D. štok. Dial., § 60.

Въ чакавскомъ нарѣчіи штокавскимъ шт, жд соотвѣтствуютъ сочетанія šć и žj: išćem, možjani и т. п. (ср. § 4).

§ 50. Группы st, zd+j въ штокавскихъ говорахъ дали шт (št) или,—въ нѣкоторыхъ,—шћ (šć) и жђ (žđ): прич. отъ крстити (kȑstiti)—

криштен или кришћен, существ. отъ глагола гнијѐздити—гнијѐжђе̂ње. Въ чакавскихъ говорахъ въ такихъ случаяхъ, какъ и на мѣстѣ sk+j, zg+j, —šć и žj.

Группы stj, zdj новаго происхожденія,—изъ stьj-, zdьj-, дали въ сербскомъ, вообще говоря, шћ, жђ (šć, žđ),—и въ тѣхъ говорахъ, гдѣ старая группа stj давала шт: ср. лишће (lȉšće) изъ *listьje, гро̑жђе изъ *grozdьje, гво̑жђе изъ *gvozdьje. Однако, въ нѣкоторыхъ говорахъ находимъ сохраненіе группъ stj, zdj (изъ stьj-, zdьj-), т. е. формы listje, grozdje и т. п.

Въ чакавскомъ—šć и žj: lȉšće, grȏžje.

§ 51. *Комбинаторныя измѣненія согласныхъ.* Значительное большинство такихъ измѣненій согласныхъ, какъ и въ русскомъ языкѣ, связано съ выпаденіемъ внутри словъ редуцированныхъ ъ и ь. Въ результатѣ этого выпаденія произошло уподобленіе предыдущаго согласнаго послѣдующему въ отношеніи звонкости: звонкій передъ глухимъ измѣнился въ глухой, и глухой передъ звонкимъ—въ звонкій. Такъ, изъ *sъṛbьskyjь получилось сȑпски̑, изъ *sladъko (прасл. *soldъko)—сла̏тко, изъ *zubъka (прасл. *zǫbъka)—зу́пка, изъ *chlěbьca—хљѐпца, изъ *bьčela—пчѐла, изъ *otьčьbina—о̀таџбина, изъ *svatьba—сва̏дба, изъ *svědočьba—свѐдоџба и т. д.

Примѣчаніе. Написанія надско̀чити, подслонити и т. п.—нефонетическія: d переходитъ передъ s въ t.

Иногда при этомъ имѣетъ мѣсто упрощеніе группы согласныхъ. Такъ,—группа čt упрощается въ št, группа stb—въ zb-, stn—въ sn, zdn—въ zn, dstv—въ stv, čsk—въ čk, dšt—въ št, zs—въ s, tc—въ c и т. д. Ср. што̏ изъ *čьto, по̀штен изъ *počьtenъ, го̀зба изъ *gostьba, болѐсни̑к изъ *bolestьnikъ, пра́зна изъ *prazdьna, госпо̀ство изъ *gospodьstvo, ју̀на̄чки̑ изъ junačьskyjь, штица (štȉca) изъ *dъštica, ра̀сипати изъ *razsypati и т. п., све́ца—род. п. отъ свѐтац (святой) изъ *svętьca.

Въ отдѣльныхъ народныхъ говорахъ слышится шѐница и пшѐница, а также вшѐница,—всѣ эти формы—изъ основной *pьšenica; въ формѣ шѐница имѣетъ мѣсто полная ассимиляція согласнаго *p* слѣдующему š, въ формѣ вшѐница губной *p* измѣнился въ губной *v*. Также рядомъ съ птица (ptȉca), пчѐла однихъ говоровъ находимъ въ другихъ (съ полной ассимиляціей)—тица (tȉca) и чѐла,—изъ основной *pъtica, *bьčela; въ иныхъ говорахъ произносится včȅla,—съ измѣненіемъ губного *p* въ *v*,—или,—съ перестановкой,—čvela; такъ же—tvica изъ *vtica,—ср. D. štok. Dial., 115 с. Первоначальное *cvьtěti дало *cьvtěti и затѣмъ ца̀птјети или ца̀фтјети.

При формѣ им. п. päs (песъ) въ нѣкоторыхъ говорахъ находимъ форму род. п. vsä вмѣсто psä (изъ *pьsa).—ibid.

Рядомъ съ литературнымъ kö—кто (др.-ц.-сл. кътo) въ нѣкоторыхъ говорахъ имѣется ткö,—съ перестановкой. Перестановку имѣемъ также въ жлица (žlica) изъ lžica, а это изъ *lъžica, кöцка—изъ *kotska, а это—изъ kost-ka (*kost-ъka), цвöлина (cvölina)—изъ *stvolina. О перестановкѣ ųs въ sų—ср. выше, § 24.

Однимъ изъ наиболѣе примѣтныхъ измѣненій группъ согласныхъ является измѣненіе группы mn, которое можно опредѣлить, какъ диссимиляцію двухъ согласныхъ носовыхъ: вмѣсто мнöго произносятъ млöго или же,—въ другихъ говорахъ,—vnögo (напр., въ чакавскомъ говорѣ Novi,—ср. Белић'а Замѣтки, 15 с.).

Съ другой стороны, въ нѣкоторыхъ говорахъ находимъ дамно, рамнина вм. давно, равнина, т. е. измѣненіе *v* въ *m* передъ *n* (въ Черногоріи,—ср. D. štokav. Dial., 115 с.).

Сложная группа согласныхъ stkl-, получившаяся послѣ выпаденія внутри ея ь, измѣняется въ различныхъ сербскихъ говорахъ различно: литературному стàкло въ нѣкоторыхъ говорахъ (въ Дубровникѣ) соотвѣтствуетъ склö, въ иныхъ цклö (въ Черногоріи),—ср. D. štok. Dial., 129 с.

Характерное измѣненіе группы согласныхъ представляетъ слово кћи (kćī)—кћëри (дочь) изъ праслов. *dъkti: послѣ выпаденія ъ должно было въ сербскомъ получиться *dći, затѣмъ *tći и, наконецъ, kći—кћи,—въ силу передвиженія артикуляціи вглубь полости рта, ближе къ мѣсту образованія звука ћ.

§ 52. Характерную для литературнаго сербскаго языка черту въ области согласныхъ представляетъ измѣненіе старой группы čr въ cr: цр̑в вм. чр̑в (червь), цр̑вен (красный), цр̑н (черный).

Въ нѣкоторыхъ говорахъ, напр. чакавскихъ, старая группа čr сохраняется; такъ, въ говорѣ Novi произносится—čr̄n, čr̄vo=литер. црéво (чрево—ц. сл чрѣво). Въ иныхъ (штокавскихъ) говорахъ вмѣсто čr произносятъ čar-:—ча̑рни.

Развитіе новаго согласнаго находимъ въ ждрйјебе (ždrïjebe) изъ *žrěbę (прасл. *žerbę), діалектически -zdraka вм. zraka (лучъ).

Объ измѣненіи группы chv въ f было упомянуто выше (§ 36).

§ 53. Отъ фонетическихъ измѣненій группъ согласныхъ должно отличать явленія, обязанныя своимъ возникновеніемъ психологическому фактору—аналогіи: такъ, предлогъ ot (otъ) получилъ въ сербскомъ форму od подъ вліяніемъ предлоговъ nad, pod и др. (ср. Oblak въ Arch. XIX, 330 с.); форма инфинитива грèпсти при наст. вр.

грѐбе̄м не могла явиться фонетически изъ *greb-ti и, очевидно, образовалась по образцу вѐсти, мѐсти и т. п.

§ 54. *Конечные согласные.* Вопросъ о произношеніи звучныхъ согласныхъ въ абсолютномъ концѣ слова въ сербскомъ языкѣ имѣетъ свою небольшую литературу. Одинъ изъ лучшихъ знатоковъ сербскихъ нарѣчій, Белић пришелъ въ своихъ наблюденіяхъ къ выводу, что сербскіе звучные (по своему происхожденію) согласные въ такомъ положеніи произносятся безъ звучности, однако, не переходятъ въ соотвѣтствующіе глухіе, которые, какъ извѣстно, отличаются отъ звучныхъ бо́льшей силой экспираціи (fortes, тогда какъ звонкіе—lenes). Белић опредѣляетъ сербскіе звучные въ абсолютномъ концѣ слова, какъ „stimmlose Medien“. По отношенію къ чакавскому говору Novi онъ же говоритъ о сохраненіи „звонкой согласной“.

Экспериментально изслѣдовавшій данный вопросъ М. Ивковић констатируетъ въ произношеніи сербовъ изъ различныхъ мѣстностей различное произношеніе конечныхъ звучныхъ согласныхъ, между прочимъ, и произношеніе настоящихъ звучныхъ согласныхъ „съ полугласнымъ послѣ эксплозіи“: градə, вра̀гə, смуђə (выговоръ одного боснійца).

Примѣчаніе. Ср. по данному вопросу у Решетара D. štok. Dial., 147—148 сс., Roczn. Slaw. I, 196—198 сс., Arch. XXX, 623—624 сс., Roczn. Slaw. III, 301—302 сс., Белић Дијалекти 240 с., его-же—О дијалекатском материјалу Броха Die Dialekte d. südl. Serb., 44—46 сс.; Roczn. Slaw. IV т., 192 с.; М. Ивковић „О звучним сугласницима на крају речи у српском језику“ (Јужнословенски филолог, 1913 г., I кн., 66—72 сс.).

Отсутствіе перехода конечныхъ звонкихъ согласныхъ въ глухіе въ полномъ смыслѣ этого слова отражается въ литературномъ правописаніи, фонетическомъ въ своей основѣ: бо̑г, гра̑д, бо̑б и т. п. Въ формѣ mȍzak (мозгъ) имѣемъ дѣло съ вліяніемъ суффикса -ак (=-ъкъ).

Примѣчаніе. Конечныя группы st, zd, št, žd діалектически (въ южныхъ говорахъ) упрощаются въ s, z, š, ž: slȁbos, grȏz, plȃš и т. п. (вм. slȁbost, grȏzd, plȃšt и т. д.).

§ 55. По отношенію къ концу слова должно отмѣтить также являющееся, главнымъ образомъ, особенностью чакавскаго нарѣчія измѣненіе согласнаго губного *m* въ зубной носовой *n*: ja san=ja sam (есмь), znȃn, rȉban, vȉdīn, mȍlīn (вижу, молю) и т. п.

Должно оговориться, что и въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ находимъ то же явленіе (напр., въ Подгорицѣ—въ Черногоріи,—ср. D. štok. Dial., 125 с.); при этомъ измѣненіе *m* въ *n* не ограничивается концомъ слова, но наблюдается также и въ *концѣ слога*

внутри слова: mônče вм. mômče (зват. форма отъ mômak—парень), uzánka въ говорѣ Novi = sâmka и т. п. Если при этомъ произносятъ dîm (дымъ), sâm (мѣстоименіе *самъ*), Rîm и т. п., то это объясняется вліяніемъ формъ dîma род. п., sáma—sámo (жен. и средн. р.), Ríma.

Количество и удареніе.

§ 56. Сопоставленіе данныхъ различныхъ индо-европейскихъ языковъ указываетъ, что языки эти, въ томъ числѣ и словянскіе,—унаслѣдовали изъ эпохи языкового единства разномѣстное словоудареніе, различіе долготы и краткости слога и различіе въ *слогоудареніи*, т. е. различіе интонаціи.

Въ сербскомъ языкѣ не только сохраняется разномѣстное словоудареніе и различіе долготы и краткости, но и отражается извѣстнымъ образомъ старое различіе интонаціи, *имѣвшее мѣсто въ праславянскомъ*.

§ 57. При этомъ между чакавской и штокавской системами удареній наблюдаются нѣкоторыя существенныя различія.

Наиболѣе распространеннымъ типомъ штокавской акцентуаціи является система четырехъ удареній,—двухъ долгихъ и двухъ краткихъ. Долгое ̂—въ тоническомъ отношеніи нисходящее, долгое ́—восходящее, краткое ̀—восходящее, краткое ̏,—съ болѣе энергичной экспираторной силой и сравнительно высокимъ тономъ (нисходящее). Примѣры: rúka, rûku, vòda, vȍdu.

Примѣчаніе. Подробнѣе ср. у Брока „Очеркъ физіологіи славянской рѣчи", 232 и сл.; ср. также замѣчанія Белиħ'а въ Roczn. Slaw. IV, 197—198 сс.

Должно замѣтить, что знакъ ̂ употребляется также для обозначенія простой долготы послѣ ударенія, напр. въ формѣ prȉmôrje удареніе на 1-мъ слогѣ, а ô = ō.

Примѣчаніе. Дѣйствительно, долгота послѣ ударенія имѣетъ нисходящій характеръ.

Эта система 4 удареній свойственна шумадійско-срѣмскому и герцеговинскому нарѣчіямъ. Въ другихъ штокавскихъ говорахъ находимъ болѣе простую и вмѣстѣ болѣе старую систему удареній. Такъ, въ зетскихъ екавскихъ (ĕ = je) говорахъ (Бока Которская, Черногорія, Новый Базаръ) вмѣсто vòda, род. п. vòdē, rúka, имѣется vodȁ, vodê, rūkȁ, т. е. имѣется всего два ударенія: краткое нисходящее и долгое нисходящее.

Что эта система ударенiй—болѣе древняя, показываетъ сравненiе съ русскими формами: *водá, водь́і, рукá.* Это сравненiе показываетъ, что въ штокавскихъ vȍda, vȍdē, rúka ударенiе перенесено съ послѣдняго слога на первый точно такъ же, какъ въ vodènica вмѣсто болѣе древняго vodenȉca.

Такимъ образомъ, *ударенiя ʹ и ̀ въ штокавскихъ говорахъ являются по происхожденiю всегда новыми,*—перенесенными со слѣдующаго слога на предыдущiй въ эпоху, относительно болѣе позднюю. Переносъ этотъ, какъ видимъ, совершился не во всѣхъ штокавскихъ говорахъ.

§ 58. Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ имѣетъ мѣсто только переносъ *краткаго* ударенiя съ послѣдняго открытаго или же вообще съ послѣдняго слога: въ косовско-ресавскихъ и нѣкоторыхъ екавскихъ зетскихъ говорахъ; однако, въ этихъ говорахъ при переносѣ краткаго ударенiя съ послѣдняго на предпослѣднiй слогъ получается восходящее ударенiе лишь на долгомъ слогѣ: rúka, а на краткомъ остается нисходящее: вм. sestrȁ, potȍk – sȅstra, pȍtok (ср. Белиħ, Roczn. Slaw. III, 298 стр.).

§ 59. Въ чакавскомъ нарѣчiи переноса ударенiй на предыдущiй слогъ, какъ въ штокавскихъ говорахъ съ системой 4 ударенiй, не имѣется, и потому чакавскiя формы, обыкновенно, сходятся по мѣсту ударенiя съ русскими: sestrȁ, vodȁ, rūkȁ, vǫ̑du, rȗku и т. д. Однако, въ чакавскомъ нарѣчiи находимъ три различныхъ ударенiя: краткое нисходящее ̏, долгое нисходящее ̑ и долгое восходящее ʹ. Это долгое восходящее чакавское по происхожденiю не соотвѣтствуетъ штокавскому ʹ, такъ какъ не является новымъ перенесеннымъ: ср. králj = король, mlātīš = молóтишь, žén род. мн. = женъ, dūšé род. ед. (шток. dúšē) и т. п.; точно такъ же оно (чакавское ʹ) не тождественно штокавскому ʹ по природѣ (а именно въ экспираторномъ отношенiи).

Примѣчанiе. Ср. замѣчанiя Белиħ'а въ Roczn. Slaw., IV, 197 с. и въ Изв. Отд. р. яз. и слов. XIV, 2 к., 24 стр.

§ 60. Взаимное отношенiе чакавской и штокавской системъ ударенiй и происхожденiе ихъ можетъ быть уяснено лишь при сравненiи съ данными другихъ словянскихъ и шире—индо-европейскихъ языковъ, параллельно съ уясненiемъ системы ударенiй прасловянской.

Сравненiе съ другими индо-европейскими языками показываетъ, что гласные a, ě, i, y, ǫ, ę, u были первоначально въ прасловянскомъ языкѣ долгими: этимъ гласнымъ словянскихъ языковъ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ всегда соотвѣтствуютъ долгiе гласные

или дифтонги (прасл. a=ā и ō; прасл. ě=ē, oi, ai и т. д.). Наоборотъ, гласные *o*, *e* были первоначально краткими, такъ какъ имъ соотвѣтствуютъ въ другихъ индо-европейскихъ языкахъ краткіе гласные (слов. o=праи.-европ. a и o, слов. e=праи.-европ. e). Гласные ъ и ь были по количеству редуцированными, т. е. короче краткихъ. Слоговые *r*, *l* въ прасловянскомъ языкѣ, повидимому, были всегда долгими. Слѣдовательно, если гласный *a* или *i* и т. д. является въ извѣстныхъ случаяхъ въ сербскомъ языкѣ краткимъ, то это—результатъ вторичнаго сокращенія; и если гласный *o* или *e* является долгимъ, то это—результатъ вторичнаго удлиненія.

Сокращеніе же и удлиненіе гласныхъ зависѣло отъ мѣста ударенія въ словѣ, т. е. отъ положенія даннаго долгаго или краткаго слога по отношенію къ ударенію слова и отъ характера слогоударенія.

Примѣчаніе. Старое (прасловянское) мѣсто ударенія въ словѣ опредѣляется сопоставленіемъ показаній чакавскаго нарѣчія и русскаго языка: ср. чакав. rūkȁ, ȉstina, rȉba, nevȍlja и русск. рука, истина, рыба, неволя; совпаденіе между чакав. и русск. данными опредѣляетъ праслов. мѣсто ударенія.

§ 61. Данныя другихъ индо-европейскихъ языковъ (напримѣръ, греческаго, литовскаго) даютъ право предполагать въ индо-европейскихъ языкахъ въ древнѣйшую эпоху ихъ жизни двоякую интонацію въ долгихъ гласныхъ и дифтонгахъ, какъ ударяемыхъ (имѣется въ виду удареніе слова), такъ и неударяемыхъ.

Прасловянскій языкъ также, несомнѣнно, различалъ въ долгихъ слогахъ двоякую интонацію. Первоначальную природу этихъ интонацій въ прасловянскомъ трудно съ увѣренностью опредѣлить, и потому удобно обозначать ихъ условными терминами: акутъ (´) и циркумфлексъ (˜).

Это различіе интонаціи въ ударяемыхъ слогахъ оставило свой слѣдъ, между прочимъ, въ русскихъ полногласныхъ формахъ: какъ извѣстно, русскія сочетанія *оро, оло, ере* между согласными во многихъ случаяхъ получились изъ прасловянскихъ сочетаній or, ol, er, el, которыя представляли дифтонгическое сочетаніе двухъ сонорныхъ элементовъ. Какъ всѣ долгіе слоги, эти сочетанія могли имѣть двоякую интонацію. При одномъ характерѣ долготы (´) въ этихъ сочетаніяхъ въ русскомъ имѣются сочетанія *оро́, ере́, оло́*, а при другомъ (˜)—*о́ро, е́ре, о́ло*: съ одной стороны—го́родъ, бе́регъ, го́лосъ, во́лосъ и т. п., а съ другой—коро́ва, воро́на, бере́за, коло́да и т. п.

По аналогіи можно предполагать въ прасловянскомъ такое же различіе интонаціи и въ другихъ долгихъ слогахъ, т. е. въ гласныхъ a, ě, i, y, u, ǫ, ę и въ слоговыхъ r, l.

Въ сербскомъ языкѣ въ соотвѣтствіи русскимъ *го́родъ, бе́регъ, го́лосъ, во́лосъ* и т. п. имѣемъ гра̑д, бре̑г, вла̑с, гла̑с и т. п., а въ соотвѣтствіи русскимъ коро́ва, бере́за, воро́на и т. п.,—кра̏ва, бре̏за, вра̏на и т. п., т. е. въ первомъ случаѣ слогъ *ра, ла, ре* (изъ прасл. *or, *ol, *er) является съ долгимъ нисходящимъ удареніемъ, а во второмъ—съ краткимъ.

По аналогіи можно заключить, что въ сербскихъ сне̑г (снѣгъ), ве̑к (вѣкъ), ме̑со (мясо) отражается старая долгота типа ˜ подъ удареніемъ, а въ сербскихъ љѐто (лѣто), вјѐра (вѣра)—старая долгота типа ′—гласныхъ ě, ę праславянскаго языка.

Такимъ образомъ, можно сказать, что *въ сербскомъ языкѣ старое долгое словоударенiе типа ˜ праславянскаго языка сохранилось, какъ нисходящее долгое* (̑), а *старое долгое типа ′ сократилось* и является въ видѣ ̏, т. е. нисходящаго краткаго. Въ положеніи *передъ краткимъ ударяемымъ слогомъ долгота въ сербскомъ языкѣ вообще сохранилась:* чак. rūkȁ, trāvȁ и т. п., шток. rúka, tráva съ перенесеннымъ удареніемъ на долгомъ слогѣ. То же наблюдается въ словинскомъ и другихъ словянскихъ языкахъ.

§ 62. Должно оговориться, что нѣкоторыя сокращенія первоначально-долгихъ слоговъ могли произойти уже въ праславянскомъ языкѣ; такъ, 1) въ конечномъ открытомъ слогѣ долгіе по происхожденію гласные (а, ě и т. д.) являются, обычно, краткими во всѣхъ словянскихъ языкахъ, сохранившихъ различіе долготы и краткости, почему возможна мысль, что это сокращеніе произошло уже на почвѣ праславянскаго языка. Только конечные долгіе гласные односложныхъ словъ (*jā, *tȳ и т. п.) сохраняли свою долготу (можетъ быть, первоначально лишь въ *проклитическомъ* положеніи; затѣмъ могло произойти обобщеніе). То же можно сказать о начальномъ ударяемомъ слогѣ трехсложныхъ словъ: и здѣсь гласный долгій, быть можетъ, сократился уже въ праславянскомъ языкѣ, такъ какъ о .ъ является краткимъ въ такомъ положеніи не въ одномъ сербскомъ языкѣ,—то же явленіе отражается и въ данныхъ чешскаго, польскаго и другихъ языковъ: серб. jȁgoda, чеш. jahoda съ краткимъ *а* и т. п.

Такимъ же образомъ можно предполагать сокращеніе долготы въ праславянскую эпоху а) въ слогѣ не непосредственно предъ удареніемъ: серб. vretèno, tetìva изъ болѣе древнихъ vretenȍ, tetivȁ, а это—изъ праслов. *vertenò (сочетаніе er здѣсь составляло долгій слогъ), *tętivà (ę—долгій по происхожденію); b) передъ долгимъ ударяемымъ: серб. màlina изъ болѣе древняго malína, jèzika изъ болѣе древняго jezíka, а это—изъ праслов. *jęzýka (ср. пол. język: ę ука-

зываетъ на сокращеніе носового гласнаго); c) сокращеніе долготы типа ′ подъ удареніемъ въ срединѣ слова: сербск. kòpito изъ болѣе древняго kopîto, чеш. kopyto (y—долгій первоначально гласный) и т. п.

Примѣчаніе. Разумѣется, не исключена возможность независимаго процесса сокращенія въ отдѣльныхъ словянскихъ языкахъ долготъ во всѣхъ или нѣкоторыхъ изъ указанныхъ положеній. Условія сокращенія долготы въ словѣ непосредственно за ударяемымъ остаются неясными. Кромѣ указанныхъ условій сокращенія, должно быть отмѣчено спеціально сербское условіе сокращенія передъ о изъ l̥ и передъ гласнымъ (когда передъ этимъ гласнымъ исчезъ ch): dȅo или dȉo (часть) при dȉjela род. п., smȇ(h)a род. п. при smȇh (смѣхъ).

Съ другой стороны, на почвѣ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ, въ томъ числѣ и на почвѣ сербскаго языка, возникали новыя долготы въ силу *стяженія* гласныхъ (снаха дало снаа и затѣмъ снâ, вол—воо и затѣмъ вô и т. п.), въ силу вторичнаго удлиненія (бог дало бôг и т. п.) или же, наконецъ, долгота могла являться въ силу аналогіи.

§ 63. Имѣя въ виду показанія другихъ индо-европейскихъ языковъ, какъ литовскій, можно предполагать въ праcловянскомъ первоначально три ударенія: два долгихъ, ˜ и ′, и одно краткое.

Мы видѣли выше, что долгое ˜ (циркумфлексъ) сохранялось въ сербскомъ, какъ нисходящее долгое, а ′ (акутъ) сократилось.

Наоборотъ, въ чешскомъ сохранилось, какъ долгое, ′, а сократилось ˜.

Въ польскомъ—сократилась подъ удареніемъ долгота обоихъ видовъ, сохранившись лишь предъ удареніемъ (краткимъ).

Такимъ образомъ, находимъ:

1) русск. зо́лото, серб. zlȃto, чеш. zlato, пол. złoto: праcл. *zõlto;

2) русск. коро́ва, серб. krȁva, чеш. kráva, пол. krowa: праcл. *kor̃va;

3) русск. трава̀, серб. tráva (чак. trāvȁ), чеш. tráva, пол.-народн. tráwa: праcл. *trāvȁ.

Примѣчаніе. Въ чешскомъ ′ означаетъ долготу; въ польскомъ подъ á разумѣется a⁰ или o народныхъ говоровъ, являющееся на мѣстѣ долгаго a: слѣдомъ долготы является качественное измѣненіе.

Слѣдовательно, въ сербскомъ на мѣстѣ трехъ удареній праcловянскихъ: ˜, ′, ̏ должно было бы получиться два: ̑ и ̏. Однако, въ чакавскомъ нарѣчіи, сохранившемъ, вообще говоря, старое праcловянское мѣсто ударенія, находимъ еще третье: ′ (§ 56). Является вопросъ, откуда оно явилось.

§ 64. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ чакавское ′ (восходяще-долгое удареніе), повидимому,—праcловянскаго происхожденія: ср. чак. králj

и русск. *король*, чак. vlás род. мн. и русск. *волосъ*, чак. stráža и русск. *сторожа*, чак. mlátīš, vrátīš и русск. молотишь, воротишь. Совпаденія съ русскимъ языкомъ въ этихъ случаяхъ и подобныхъ заставляютъ предположить, что въ извѣстныхъ условіяхъ въ праславянскомъ языкѣ рядомъ со старыми долгими удареніями ˜ и ʹ возникло новое долгое ударенiе восходящаго характера, которое въ сербскомъ языкѣ не сокращалось, какъ старое ʹ, и оно то является въ чакавскомъ въ видѣ ʹ (долгаго-восходящаго), тогда какъ старое ʹ въ сербскомъ сократилось. Въ штокавскомъ оно измѣнилось въ ˆ (долгое нисходящее: krâlj, strâža, mlâtīš, vrâtīš).

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ случаевъ условія появленія въ праславянскомъ новаго восходящаго ударенія ясны: такъ, въ формахъ králj (русск. *король*), súd, gríh, junák и т. п. это удареніе явилось вслѣдствіе переноса ударенія съ конечнаго слога на предыдущій, интонація котораго въ положеніи передъ удареніемъ носила восходящій характеръ. Въ иныхъ случаяхъ условія эти менѣе ясны; такъ, появленіе новаго восходящаго ударенія въ mlátīš, vrátīš объясняется различно: ср. Шахматова въ Энцикл. слав. фил., вып. 11, 89 с., Rozwadowsk'aго въ Encykl. polska, II т., 319 и сл.; о stráža—*сторожа* ср. у Шахматова ibid., 74 с., у Розвадовскаго ibid. 322 с. Такого же, какъ въ stráža, происхожденія—восходящее долгое удареніе въ чакавскихъ grája, žéja (шток. grâđa, žêđa, русск. *горожа, жажда*) и т. п.

§ 65. Кромѣ указанныхъ выше, восходящее долгое удареніе находимъ въ чакавскомъ въ слѣдующихъ случаяхъ: въ именахъ существительныхъ производныхъ съ суффиксомъ -ьje,—напр., prútje при prȗt (шток. prȗće, словин. prǫ̂tje, ср. русск. *волосья, колосья* при волосъ, колосъ); въ формахъ прилагательныхъ полныхъ,—напр. mládī при mlâd, blágī при blâg, drági при drâg, glúhi при glȗh, pústi при pȗst; въ формахъ им. п. мн. ч. именъ ср. р. типа líca при lȉcē, písma при pȉsmȍ, vína при vȉnȍ; въ формахъ им. п. ед. ч. именъ муж. р.—такихъ, какъ kónj (род. ед. ч. konjȁ); въ формахъ род. п. мн. ч.—такихъ, какъ žén при им. п. ед. ч. ženȁ; въ такихъ случаяхъ, какъ род. п. pálca при им. п. pȁlac (палецъ); въ существительныхъ съ суффиксомъ -ina: starína,—ср. русск. *старина́*, daljína (русск. *далина́*) и т. п.; въ случаяхъ, гдѣ гласный получился изъ стяженія двухъ гласныхъ, изъ коихъ второй былъ ударяемымъ: bát = bojȁt, vátok = va-ȍtok (= *на островъ*) и т. п.; на конечныхъ слогахъ—въ род. ед. жен. р. dušé и т. п., въ твор. ед. ženún и т. п., въ мѣстн. мн. ч. муж. и ср. р. krovíh (изъ *krověchъ) и т. п., въ формѣ 3 л. мн. ч. pekú изъ *pekǫtь и т. п.; въ формахъ типа pítaš 2 л. ед. ч. изъ *pytaješ.

Въ большинствѣ приведенныхъ случаевъ восходящее долгое ′ является, несомнѣнно, новымъ—непрасловянскимъ по происхожденію. Такъ,—въ kónj, žén, pálca оно могло явиться вслѣдствіе вторичнаго удлиненія краткости восходящаго характера, въ bát и т. п.—вслѣдствіе стяженія на сербской почвѣ. Прасловянское происхожденіе можно предполагать въ чакавскомъ ′ въ písma, vína: оно явилось здѣсь подъ вліяніемъ vīnȍ, pīsmȍ, гдѣ долгота въ слогѣ предъ удареніемъ носила восходящій характеръ.

§ 66. Выше мы видѣли, что прасловянскимъ языкомъ изъ индоевропейскаго были получены два долгихъ ударенія и *одно краткое*. Однако, въ виду данныхъ отдѣльныхъ словянскихъ языковъ мы должны предположить, что уже въ прасловянскомъ, наряду со старымъ краткимъ удареніемъ,—вѣроятно, нисходящаго типа,—возникло новое краткое удареніе—восходящее.

На это даютъ указаніе различные словянскіе языки, словинскій, сербскій и русскій, и съ этимъ прасловянскимъ различіемъ двухъ краткихъ удареній необходимо считаться при изученіи сербскаго ударенія, хотя условія, въ которыхъ возникъ въ прасловянскомъ языкѣ новый видъ краткаго ударенія, пока нельзя считать выясненными вполнѣ.

Если оставить въ сторонѣ *новое* сербское восходяще-краткое удареніе, а именно удареніе перенесенное (`), свойственное только части штокавскихъ говоровъ, то можно сказать, что сербскому языку извѣстно только одно краткое удареніе, нисходящее по характеру: ̏. Однако, при внимательномъ изученіи сербскихъ фактовъ мы убѣждаемся, что подъ однимъ ̏ скрываются два различныхъ по происхожденію краткихъ ударенія.

Извѣстно, что предлоги составляютъ вмѣстѣ съ управляемой формой одно цѣлое, объединенное однимъ удареніемъ, точно такъ же, какъ и другія энклитики,—напримѣръ,—jâ-сам (я-есмь), ȁко-му (если ему), пȍ-што (по-что), видио-сам-га—vȉdio-sam-ga (=видѣлъ есмь его) и т. п. Въ силу звукового закона, по которому нисходящее удареніе могло стоять лишь на начальномъ слогѣ, оно переносилось съ перваго слога слова, когда оно находилось въ тѣсномъ сочетаніи съ предлогомъ,—на предлогъ. Законъ этотъ, повидимому, дѣйствовалъ уже въ прасловянскомъ языкѣ. Въ силу этого закона мы имѣемъ въ сербскомъ: глȃву, но—нȁ-главу, брȃду, но—зȁ-браду и т. п., ср. русскія выраженія зá-голову, нá-голову, зá-бороду, ни нá-волосъ, нá-сторону и т. п.: русскія *гóлову*, *бóроду*, *вóлосъ—вóлоса, стóрону* указываютъ на нисходящее долгое удареніе.

Параллельны сербскіе и русскіе примѣры, когда переносится на предлогъ удареніе съ краткаго слога: серб. з̏а-бога (ср. бо̏га), на̏-поље (ср. по̏ље). на̏-воду (ср. во̏ду), за̏-гору (ср. го̏ру), на̏-земљу (ср. зе̏мљу) и т. п.; русск.—вó-полѣ, нá-поле, пó-воду, зá-гору. Однако, такого переноса ударенія не находимъ въ русскихъ сочетаніяхъ—*за-корóву, на-порóгъ, на-дорóгу* и сербскихъ за̏-краву, на̏-мраз и т. п.: въ сербскихъ штокавскихъ за̏-краву, на̏-мраз удареніе—новое, перенесенное и указываетъ, что изъ праславянскаго были получены сочетанія *za-kórvǫ, *na-mórzъ,—съ удареніемъ не на предлогѣ; въ чакавскомъ имѣемъ za-krȃvu, na-mrȃz. Вмѣстѣ съ тѣмъ русскія формы корóву, морóзъ указываютъ на восходяще-долгое удареніе на праславянскомъ сочетаніи *-or-*.

Но при русск. нá-поле, пó-воду, нá-гору и т. п. имѣемъ на-вóлю, за-кóжу, и въ сербскомъ чакавскомъ при nȁ-polje, nȁ-vodu—na-vȍlju, na-kȍžu.

Сопоставленіе этихъ фактовъ приводитъ къ предположенію, что въ праславянскихъ *vȍlja, *kȍža коренной гласный находился подъ восходяще-краткимъ удареніемъ, а въ *pȍlje, *vȍdǫ вин. п.—подъ нисходящимъ.

Предположеніе о двухъ видахъ краткаго ударенія въ праславянскомъ поддерживается данными словинскаго языка. Въ словинскомъ краткіе гласные въ открытомъ слогѣ подъ удареніемъ удлиняются. При этомъ изъ *pȍlje получается pȏlje и затѣмъ, съ переносомъ нисходяще-долгаго ударенія на слѣдующій слогъ,—poljȇ, а изъ *vȍlja получается vólja съ восходяще-долгимъ удареніемъ.

Кромѣ того, прямое указаніе на двоякій характеръ краткой интонаціи даютъ нѣкоторые русскіе говоры, въ которыхъ наблюдается рядомъ два *о*, одно изъ нихъ—болѣе закрытое или же дифтонгическое, какъ въ говорѣ Лѣки (Егорьевскій уѣздъ, Рязанской губ.). Это особое *о*,—обозначимъ его буквой ω,—является, повидимому, на мѣстѣ стараго праславянскаго восходяще-краткаго ударенія: такъ, въ формахъ им. п. ед. ч. именъ съ удареніемъ на окончаніи, какъ stωl—stolà, dvωr—dvorà и т. п. восходящее удареніе явилось на коренномъ гласномъ *о* въ силу перенесенія его съ конечнаго ъ.

Примѣчаніе. Но тотъ же звукъ ω является и въ другихъ случаяхъ, гдѣ причины его появленія не всегда ясны: напримѣръ, kωža, pωret, pωl'ut, glωžu, chωču—chωčeš, tωńet, spωr, srωk, sbωr.

На праславянское происхожденіе явленія, отражающагося въ этомъ русскомъ ω,—по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ,—

указываетъ соотвѣтствіе фактамъ другихъ словянскихъ языковъ: ср. lωže, kωža говора Лѣки съ lǫ̑že, kǫ̑ža словинскаго языка (′ есть удлиненіе восходяще-краткаго ударенія); chωceš говора Лѣки ср. со словинскимъ chǫ̑češ.

Такимъ образомъ, можно думать, что въ сербскомъ ̏ совпали два первоначально различныхъ вида краткаго ударенія, и подъ ̏, напр., въ чакавскомъ staklȍ скрывается старое восходяще-краткое удареніе.

§ 67. Первоначально краткіе гласные подвергались въ сербскомъ въ извѣстныхъ условіяхъ вторичному удлиненію, причемъ въ этомъ удлиненіи также отражается двоякій характеръ интонаціи краткихъ слоговъ, полученный сербскимъ изъ праславянскаго.

Такъ, въ конечномъ закрытомъ слогѣ краткій гласный *о* удлиняется въ связи съ исчезновеніемъ конечнаго ъ (ь); это удлиненіе имѣетъ мѣсто, когда гласный *о* былъ ударяемымъ искони, т. е. представлялъ нисходяще-краткую интонацію, а потому въ результатѣ удлиненія получилась нисходящая долгота (и въ чакавскомъ, и въ штокавскомъ): ср. съ одной стороны,—гно̑ј—гно̏ја, бо̑р—бо̏ра, до̑м—до̏ма, ло̑ј—ло̏ја, ро̑ј—ро̏ја, ро̑в—ро̏ва, бо̑г—бо̏га, бро̑д—бро̏да, пло̑т—пло̏та, мѐд—мѐда, но̑с—но̏са, мо̑ст—мо̏ста, лѐд—лѐда, ро̑в—ро̏ва, ро̑г—ро̏га, по̑ст—по̏ста, ро̑д—ро̏да, со̑к—со̏ка и т. п., а съ другой стороны—бо̑б—бо̀ба, по̑п—по̀па, кмѐт—кмѐта, ско̑т—ско̀та, ко̑њ—ко̀ња, ко̑ш—ко̀ша, гдѣ въ формѣ род. п. удареніе обыкновенно—перенесенное, т. е. первоначально коренной гласный былъ неударяемый; ср. чакавскія: bȏb—bobȁ, čȇp—čepȁ, grȏb—grobȁ, grȏzd—grozdȁ, kȏš—košȁ, pȏd—podȁ, pȏp—popȁ, pȏst—postȁ, snȏp—snopȁ, при—bȏg—bȍga, bȏk—bȍka, brȏd—brȍda, lȇd—lȅda и т. д.

Удлиненіе краткихъ гласныхъ находимъ и внутри слова передъ сонорными въ закрытыхъ слогахъ (т. е. когда послѣ сонорнаго исчезъ ъ или ь): ста̑рца (изъ *starьсь—*starьса), црно̀горац—црно̀го̑рца, па̏лац—па̑лца (палецъ), жа̏лац—жа̑лца (жало), ло̀вац - ло̑вца (ловецъ), дѐво̑јка (дѣвушка), ло̀нац—ло́нца (изъ lȏnca,—горшокъ) и т. п.

Удлиненіе въ данномъ случаѣ имѣетъ мѣсто и тогда, когда краткій гласный не имѣлъ на себѣ ударенія (какъ въ *lonьсь—*lonьсá = ло̀нац—ло́нца) и объясняется легко тѣмъ, что сонорный гласный по исчезновеніи за нимъ ъ и ь становился долгимъ или слоговымъ и затѣмъ передавалъ долготу предыдущему слогу.

Примѣчаніе. Въ чакавскомъ находимъ передъ j и другими сонорными—r, l, n, v удлиненіе *о* въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначально удареніе было на окончаніи, а слѣдовательно, будучи перенесено на коренное *о*, носило восходящій характеръ; отсюда—въ чакавскомъ имѣется

восходяще-долгое удареніе на *о*: чак. mój (ср. русск. *мой—моя́—мое́* и словин. mój), brȍj—brojȁ (счетъ—словин. brȍj—род. brója изъ *brojȁ), dvór—dvorȁ, kónj—konjȁ, mólj—moljȁ, stól—stolȁ, vól—volȁ; такъ же—chmélj—chmēljȁ (въ род. п. долгота явилась подъ вліяніемъ имен. п.). Ср. Белича въ Изв. XIV, 2 кн., 214 с. У Белича находимъ krȍv—krovȁ, но у Неманича—króv. Загадочнымъ представляется чакавское nóž—nōžȁ (долгота въ род. п. явилась изъ имен. п.). Удлиненія гласныхъ *е* и рефлекса ъ, ь предъ сонорными, которое находимъ въ чакавскомъ, въ штокавскомъ не наблюдаемъ. Сербскій типъ именъ skȍt—skȍta (ср. русск. *скота̀*), представленный весьма немногими примѣрами, должно считать вторичнымъ. Вообще же вопросъ о вторичномъ удлиненіи краткихъ гласныхъ въ сербскомъ нельзя считать выясненнымъ во всѣхъ деталяхъ.

§ 68. Резюмируя изложенное выше, мы видимъ, что система удареній, полученная праславянскимъ языкомъ въ наслѣдство изъ индо-европейской эпохи, осложнилась въ жизни праславянскаго языка; можно предполагать, что сербскій языкъ получилъ изъ праславянскаго, по крайней мѣрѣ, 5 различныхъ удареній: 1) старое удареніе ˜, перешедшее въ отдѣльные словянскіе языки, вѣроятно, какъ *нисходяще-долгое;* 2) старое ′, перешедшее въ отдѣльные словянскіе языки, вѣроятно, какъ *восходяще-долгое;* 3) новое долгое удареніе, вѣроятно, имѣвшее восходящій характеръ, но отличное отъ стараго ′; 4) старое краткое нисходящаго характера и 5) новое краткое—восходящаго характера.

Если эти предположенія вѣрны, то въ сербскомъ языкѣ мы должны предполагать сокращеніе стараго—восходяще-долгаго и совпаденіе двухъ краткихъ въ одномъ—нисходящемъ, вслѣдствіе чего получилось 3 ударенія вмѣсто 5:

1) *bȏrdǫ вин. п. дало brȃdu;
2) *kórva дало krȁva;
3) *kórlь съ новымъ восходящимъ удареніемъ дало králj;
4) *vȍdǫ вин. п. дало vȍdu;
5) *vȍlja (съ восходяще-краткимъ удареніемъ) дало vȍlja.

Эту систему удареній мы находимъ въ чакавскомъ нарѣчіи.

Въ штокавскомъ новое ′ (восходяще-долгое) измѣнилось въ ̑: *králjь дало krȃlj, и такимъ образомъ явилась система двухъ удареній,—̑ и ̏ (старая штокавская). Переносъ ударенія ̑ или ̏ на предыдущій слогъ, долгій или краткій, въ части штокавскихъ говоровъ вызвалъ къ жизни новую штокавскую систему 4 удареній: ̑, ′, ̏, ̀.

Примѣчаніе. Какъ видно изъ предыдущаго, въ вопросахъ словянскаго количества и количества и ударенія не все еще выяснено. Къ числу не вполнѣ разъясненныхъ фактовъ относятся и тѣ факты, на которыхъ останавливается Белић въ своей цѣнной книгѣ „Акценатске студије" анализируя отношеніе формъ прилагательныхъ,—краткихъ и полныхъ, Белић приходитъ къ мысли, что въ тѣхъ же условіяхъ, въ которыхъ возникло новое восходяще-долгое удареніе изъ нисходящаго, въ праславянскомъ языкѣ получалось также новое нисходяще-долгое изъ восходящаго; ср., напр., чакавскія формы прилагательныхъ: краткую mlâdo (русск. мо́лодъ), и полную mládō (съ новымъ восходящимъ долгимъ удареніемъ), а съ другой стороны—краткую stȁro, bogȁto и полную— stârō (ō изъ -oje), bogâtō. Это новое нисходяще-долгое удареніе отличается отъ стараго нисходяще-долгаго тѣмъ, что можетъ стоять и на неначальномъ слогѣ слова, не переносится съ него на начальный (bogâtō), тогда какъ старое ^ всегда является на начальномъ слогѣ (ср. nȁ-glavu изъ *na-golvǫ).

Также не переносится краткое удареніе ̏ въ чакавской полной формѣ прилагательнаго visȍkō (при краткой visokȍ,—ср. русск. *высоко́* и *высо́кое*), что указываетъ на иное происхожденіе ̏ въ такихъ случаяхъ, чѣмъ въ случаяхъ вродѣ gȍru (*го́ру*),—ср. nȁ-goru.

§ 69. Ср. по вопросу о сербскомъ количествѣ и удареніи и въ связи съ нимъ о праславянскомъ слѣдующія работы: Mažuranić: Slovnica hrvatska (4 изд. 1859 г.); Даничић: Nešto o srpskijem akcentima, 1851 г. (въ Slav. Bibl. Миклошича I); его же: Српски акценти въ Гласн. др. српске слов. VIII (1856 г.), XI (1859 г.); его же: Akcenti u glagola (Rad VI, 1869 г., XLVII, 1896 г.); его же: Akcenti u adjektiva (Rad XIV, 1871 г.): Jagić: Paralele k hrvatsko-srpskomu naglasivanju (Rad XIII, 1870 г.); Masing: Die Hauptformen des serbisch-chorvatischen Accents 1876 г.; Nemanić: Čakavisch-kroatische Studien въ Sitzungsber d. Wien. Akad. CIV, CV, CVIII; Фортунатовъ: Zur vergleichenden Betonungslehre der litu-slav. Sprachen, ASlPh. IV (1880 г.), 586 с.; Брандтъ: Начертаніе славянской акцентологіи 1880 г.; Pavić: Studije o hrvatskom akcentu (Rad LIX, 1881 г.); Maretić: „O nekim pojavima kvantitete i akcenta u jeziku hrvatskom ili srpskom (Rad, LXVII, 1883 г.); Leskien: Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slavischen Sprachen. I. Die Quantität im Serbischen. 1885, 1893 г. (особенно важенъ 2-й выпускъ—1893 г.) и въ Arch. für Sl. Phil. XXI, 321 и сл.; Шахматовъ: Къ исторіи сербско-хорватскихъ удареній—въ Русск. Фил. В. 1888—1890 г.г.; его же: Юрій Крижаничъ о сербо-хорватскомъ удареніи 1895 г. (Рус. Фил. В.); его же: Къ исторіи удареній въ славянскихъ языкахъ 1898 г. (Изв. Отд. р. яз. и сл. 1898 г. = III т., 1 кн., 1 и сл.); его же: Къ исторіи русскаго языка (Изв. Отд. рус. яз. и сл. VII т.); его же: рецензія на работу Решетара—Die serbokroatische Betonung südwestlisher Mundarten,—въ Изв. Отд. рус. яз. и сл. VI т., 1 кн., 339 и сл.; Rešetar: указанная работа (Die serbokr. Bet. 1900 г.; его же: Der štokavische Dialekt. (1907 г.); его же разборъ статьи Шахматова „Къ исторіи удар." ASlPh. XX, 397 с. (1898 г.); его же статья по поводу работъ Шахматова въ ASlPh. XIX, 564 с. (1897 г.); его же Zur Frage über die Gruppierung d. serbokroat. Dial. въ ASlPh. XXX (1909 г.), 597 с.; Pedersen: Die Nasalpraesentia und der Slavische Akzent (K. Z. XXXVIII, 297—425 с.с.); Valjavec:

Prinos k naglasu u novoj slovenštini (Rad XLIII; Glavne točke o naglasu književne Slovenštine (Rad CXXXII); Кульбакинъ: Замѣтки о словянскомъ количествѣ и удареніи (въ Изв. Отд. русск. яз. и слов. 1907 г. = XI т., 4 кн.); Белић: Діалектологическая карта сербскаго языка 1905 г.; его же рецензія на D. štok. D. Решетара въ R. Sl. I, 184 с.; его же: О српским или хрватским дијалектима въ Глас српске Акад. LXXVIII (1908 г.); его же: Zur Frage über d. Gruppierung d. serbo-kr. D. въ R. Sl. III, 283 с.; его же—О чакавскомъ (Zbornik u slavu Jagić'a, 449—455 с.с.); его же: Промена акцената у прасловенском језику (Јужнословенски филолог., I кн., 38 и сл.); его же—Замѣтки по чакавскимъ говорамъ въ Изв. XIV (1909 г.); его же—Акценатске студије (1914, Београд); Meillet: De quelques déplacements d'accent dans les dialectes slaves (ASlPh. XXV, 1903 г., 425 с.); Gauthiot: Étude sur les intonations serbes (M. S. L. XI, 1899 г., 336 с.); Diels: Studien zur slav. Betonung ASlPh. XXXI (1908 г.), 1 и сл.,—ср. реценз. въ R. Sl. IV т., 148 с.; Р. Ф. В. 63 т., 161 с.; Соболевскій въ Р. Ф. В. LXIV (1910 г.), 102 с.; Sedláček: K přízvukovým otázkám jazyků baltoslovanských (Sb. Fil. I, 1910 г., 190 с.); Ivšić: Prilog za slavenski akcenat (Rad CLXXXVII, 1911 г., 133 с.; ср. рец. Белић'а въ R. Sl. V, 164 с.); Breznik: Die Betonungstypen des slavischen Verbums въ ASlPh. XXXII (1911 г.), 399 с.; Agrell: Intonation und Auslaut im slavischen (Archives d'Études orientales, vol. 7, Upsala 1913 г.); Ivšić: Akcenat u Gramatici Matije Antuna Reljkovića Rad. CXCIV, 1—60 с. (1912 г.); его же—Akcenat u gramatici Ignata Alojsije Brlića ibid., 61—155 с.; Leskien: Gramm. d. serbokroat. Sprache (1914 г.), 119-228; Rozwadowski въ Encykl. pol. (Język polski i jego historya, I, 304—337 с.); van Wijk: Zur secundären steigenden Intonation im Slavischen (ASlPh. XXXVI, 321 с.); его же—O intonacji przymiotników złożonych въ R. Sl. VII, 157 с.; Шахматовъ въ Энциклоп. слав. фил. вып. 11, I, 67—98; Ivšić: Današnji posavski govor,—Rad CXCVI (1913), 124—254 и CXCVII (1913), 9—138.

6. Формы сербскаго языка.

Именное склоненіе.

§ 70. Прасловянское именное склоненіе отличалось, какъ извѣстно, значительной сложностью; въ немъ различался цѣлый рядъ типовъ: 1) склоненіе основъ на -u, 2) склоненіе основъ на -i, 3) склоненіе основъ на -o (jo), 4) склоненіе основъ на -ā (-jā), 5) склоненіе основъ на согласный и примыкающее къ нему въ значительной мѣрѣ склоненіе основъ на -ū.

Эта сложная система именного склоненія во всѣхъ словянскихъ языкахъ, сохранившихъ различіе падежныхъ флексій, въ томъ числѣ и въ сербскомъ, на протяженіи ряда вѣковъ значительно упростилась.

Основы на -u въ сербскомъ языкѣ исчезли, какъ особый типъ склоненія, и слились съ основами на -o, оказавъ на послѣднія извѣстное вліяніе. Сходную судьбу имѣли основы на -i мужескаго

рода, примкнувшія къ основамъ на -о послѣ смягченнаго согласнаго (-jo основы).

Основы на согласный также большею частью потеряли свое самостоятельное склоненіе, или же подверглись сильному вліянію со стороны основъ, сохранившихъ свой особый типъ склоненія.

При этомъ потеряна была сербскимъ языкомъ, какъ и большинствомъ другихъ словянскихъ, категорія двойственнаго числа, хотя и сохранились нѣкоторыя формы этого числа, и выработались нѣкоторыя характерныя для сербскаго языка падежныя флексіи, изъ коихъ особенно характерной является штокавская флексія род. п. мн. ч.—ā (ср. ниже, § 88).

Основы на -u.

§ 71. Въ древне-сербскихъ памятникахъ можно еще встрѣтить правильныя старыя формы отъ старыхъ основъ на -u, какъ, напр., домоу род. п. въ грам. 1330 г. или въ грам. 1348 г., сынове им. мн. въ грам. 1293—1302 г.г., сыньми (= сынъми) твор. мн. въ грам. 1249 г. и т. п. Но, во-первыхъ, эти формы часто отражаютъ не факты народнаго языка, а факты языка традиціоннаго книжнаго: такова форма домоу рашскихъ грамотъ. Во-вторыхъ, въ др.-сербскихъ памятникахъ находимъ и формы вродѣ сына род. п. ед. (въ грам. 1189 г. и 1198—1199 г.г.), а съ другой стороны флексіи -u основъ и характерный для -u основъ слогъ -ов- находимъ и въ формахъ отъ именъ со старой основой на -о (ср. ниже, § 76). Такимъ образомъ, *уже для др.-сербскаго языка нельзя установить наличія особаго склоненія основъ на -u.*

Совпаденіе между основами на -u и основами на -о въ нѣкоторыхъ падежахъ: им. и вин. ед. (ср. др.-ц.-сл. сынъ—богъ) очень рано дало толчекъ къ взаимному сближенію и затѣмъ сліянію двухъ склоненій въ одно, съ преобладаніемъ флексій основъ на -о. Этотъ процессъ наблюдается и въ другихъ словянскихъ языкахъ.

Основы на -i.

§ 72. Точно такъ же основы на -i муж. р., совпадая съ основами на -jo въ nom. и acc. s. (ср. др.-ц.-сл. гость—конь) и въ loc. s. (ср. др.-ц.-сл. гости—кони), очень рано сблизились съ этими послѣдними и въ концѣ концовъ потеряли свое собственное склоненіе. Въ настоящее время *мы найдемъ старыя имена съ основой на -i муж. р. въ склоненіи основъ на -о.*

Только старая форма род. мн. ч. нѣкоторыхъ именъ съ основой на -і муж. р. удержалась до настоящаго времени: гости, пу̑ти, љу̑ди: ср. людн въ грам. 1198—1199 г., дьни въ грам. 1357 и 1378 г.г. и т. п. Формы эти—на -і получились изъ прасловянскихъ на -ьјь, повидимому, въ прасербскую эпоху.

Примѣчаніе. Въ прасербскомъ -ь передъ ј долженъ былъ измѣниться въ редуцированное і; также конечное ь послѣ ј должно было дать і редуцированное слабое, тогда какъ первое было сильнымъ; изъ такой группы іјі, вслѣдствіе исчезновенія ј между двумя редуцированными і, получилось ī.

§ 73. Процессъ вліянія на -і основы муж. рода со стороны основъ на -о (-јо) начался очень рано: ср. зета въ грам. 1253 г., поута въ грам. 1327 г. (-а—вмѣсто окончанія -і) род. п. ед. ч., гостоу въ грам. 1454 г. дат. п. ед. ч. (оу—вмѣсто окончанія -і), зетемь въ грам. 1293—1302 г., поутемь въ грам. 1327 г.—твор. ед. ч. (-емь—вмѣсто окончанія -ьmь), гости въ грам. 1470 г., поути въ житии Симеона-Саввы (им. п. мн. ч.: -і—вмѣсто окончанія -ije).

Слившись съ основами на -о муж. рода въ одно склоненіе, -і основы муж. рода испытывали на себѣ тѣ же измѣненія, что и основы на -о, напримѣръ, получали изъ -u основъ слогъ -ов: ср. поутоки въ грам. 1327 г.

§ 74. Въ противоположность основамъ на -і муж. р. тѣ же основы жен. рода до настоящаго времени сохранили свое старое склоненіе, хотя и съ незначительными отступленіями отъ первоначальнаго вида.

Склоненіе это является въ настоящее время въ литературномъ языкѣ въ слѣдующемъ видѣ.

	Ед. ч.	*Мн. ч.*
Им.	ства̑р	ства̑ри
Род.	ства̑ри	ства̑ри
Дат.	ства̑ри	ства́рима
Вин.	ства̑р	ства̑ри
Зв.	ства̑ри	ства̑ри
Тв.	ства̑р-ју, ства̑ри	ства́рима
Мѣстн.	ства́ри	ства́рима

Въ этой схемѣ склоненія почти всѣ падежныя формы сохраняютъ безъ измѣненія старыя окончанія, полученныя изъ прасловянскаго, причемъ форма твор. п. ед. части ства̑рју получилась фонетически изъ *stvarьjǫ въ силу выпаденія ь (точнѣе,—въ силу выпаденія редуцированнаго і, получившагося изъ ь предъ ј).

Примѣчаніе. При этомъ имѣютъ мѣсто фонетическія измѣненія, отмѣченныя уже выше,—въ §§ 33, 34, 39: изъ *solьjǫ получается со̑љу, изъ *zelenьjǫ—*зѐлӗњу, изъ *smьrtьjǫ—смр̑ћу, изъ *goldьjǫ—гла̑ђу (отъ glâd—glâdi = голодъ), изъ *zobьjǫ—зо̑бљу (зо̑б—зо̑би = овесъ), изъ *ljubъvьjǫ—љу̏бављу и т. д.

Въ формѣ род. мн. ч. ства̑рӣ—ī получилось фонетически изъ прасл. *-ьјь такъ же, какъ и въ го̏стӣ (ср. выше, § 72).

Примѣчаніе. Рядомъ съ род. мн. пр̏сӣ (персь, грудь) употребляется пр̏сијӯ, т. е. собственно форма род.-мѣстн. двойств. ч., также отъ у̑ш или ва̑ш (вошь), ко̏ст, ко̏кош употребляются формы у̏шијӯ или ва̏шијӯ, ко̏стијӯ, коко̏шијӯ.

Отсту́пленіе отъ старой схемы склоненія і—основъ женск. р. представляетъ совпаденіе формъ дат., твор. и мѣстн. множ. ч. въ одной съ окончаніемъ -i-ma. Повидимому, подъ вліяніемъ этого совпаденія флексій въ дат. твор. и мѣстн. мн. ч. появилась рядомъ съ болѣе старой формой ства̑рјӯ (твор. ед.) новая—ства̑ри, тожественная формѣ дат. падежа. (Иначе—Leskien, Gramm. d. serbokr. Spr., § 720).

Что касается формы мѣстн. п. ед. ч., то она не вполнѣ совпадаетъ съ формой дат. п., отличаясь отъ нея удареніемъ: дат. ства̑ри указываетъ на первоначальное окончаніе корня, мѣстн. ства́ри—на первоначальное удареніе окончанія: ср. такое же отношеніе въ русскомъ языкѣ: *къ-но́чи* и *въ-ночи́*, *пы́ли* (дат.) и *въ-пыли́*.

Также въ чакавскомъ имѣемъ дат. п. kȍsti, а мѣстн. п.—kostȉ.

§ 75. Въ нѣкоторыхъ падежныхъ формахъ этого склоненія чакавскіе говоры отличаются отъ штокавскихъ. Наиболѣе крупнымъ изъ этихъ отличій является сохраненіе стараго различія между дат., твор. и мѣстн. мн. ч., причемъ нерѣдко обнаруживается вліяніе основъ на -а; такъ, въ говорѣ Novi находимъ формы дат. мн. kostán (костямъ), твор. kostȃmi, мѣстн. kostích (и kȍstīch), такъ же и род. мн.; отъ péć—pećán, pećȃmi, pećȃch при род. п. мн. pȅćīch. Въ формахъ мѣстн. и род. п. kostích или kȍstīch и род. п. мн. ч. pȅćich мы видимъ взаимное вліяніе мѣстн. и род. п.: форма род. п. pȅćich получила -ch подъ вліяніемъ мѣстн. п., форма мѣстн. п. kostích получила свое -i подъ вліяніемъ род. мн. ч.; источникомъ сближенія формъ род. и мѣстн. мн. ч. являлось, быть можетъ, тожество этихъ падежныхъ формъ въ мѣстоименномъ склоненіи.

Въ формѣ твор. ед. ч. въ чакавскихъ говорахъ находимъ добавочное -n: solún, pećún, stvarún: это -n изъ болѣе древняго -m, очевидно, явилось въ основахъ этихъ подъ вліяніемъ формы твор. ед. ч. отъ основъ на -а: чак. ženún и т. п. (см. ниже, § 81).

Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ, а именно въ Рагузѣ, въ Босніи и Герцеговинѣ наблюдается оригинальная форма твор. п. ед. ч. на -im: kȍstim, pȇstim и т. п. Новообразованіе это, очевидно, представляетъ форму на -i (kȍsti и т. п.,—ср. выше) съ добавочнымъ -m, перенесеннымъ изъ формы основъ на -a (žȅnōm и т. п.). Въ иныхъ говорахъ вліяніе послѣднихъ формъ (-a—основъ) сказалось еще болѣе сильно: s kȑvljōm, mȉšljōm, kȍšćōm и т. п. (см. D. štokav. Dial. 171 с.).

Форму твор. п. ед. ч. съ пропускомъ -ь (точнѣе, редуцированнаго -i), соотвѣтствующую современной ствâр-jу и т. п., находимъ уже въ др.-сербскихъ (штокавскихъ) памятникахъ, начиная съ XIV в.: благодѣтю въ грам. 1348 г., користю въ грам. 1333 г., помоцю въ грам. 1399 г., теплостю въ грам. 1348 г., челядю въ грам. 1420 г., помокю въ грам. 1442 г. (рядомъ съ традиціонными церковными чьстию, милостию, жалостию и т. п. съ замѣной ıѫ черезъ ю).

Аналогичныя формы встрѣчаемъ въ древнихъ памятникахъ, относящихся къ чакавскому нарѣчію,—въ приморскихъ лекціонарахъ: radostju, ričju и т. п.

Вліяніе въ томъ же падежѣ со стороны основъ на -i датируется въ др.-сербскихъ памятникахъ формами: чьстиωмь въ грам. 1357 г. (Mon. serb. № 145), милостиωмь въ грам. 1357 г. (№ 146), радостиωмь въ грам. 1368 г., печатиωмь въ той же грамотѣ и т. п. Ср. въ истрійскомъ переводѣ Пророковъ XVI в.: milostjom, moćom и т. п.

Форму род. п. мн. ч. на -ī, естественно, находимъ уже въ др.-сербскомъ: риечи въ грам. 1498 г., кости въ Сборникѣ 1520 г. (Загребск. акад. библ. № 542), лажи у Будинича (Ispravnik 1582 г.), ноћи у Н. Ранины (1503 г.), пjесни у Златарича (1597 г.).

О процессѣ совпаденія формъ дат., твор. и мѣстн. мн. ч. ср. ниже, въ § 89.

Основы на -о мужескаго рода.

§ 76. Многочисленный классъ именъ съ основой на -о муж. рода сохранилъ въ общемъ свое старое склоненіе, причемъ къ этому склоненію примкнули потерявшія свое особое склоненіе имена муж. рода съ первоначальными основами на -u, на -i и на согласный.

Однако, въ современномъ своемъ видѣ склоненіе это представляетъ цѣлый рядъ отступленій отъ полученной въ наслѣдство изъ праславянскаго схемы. Какъ и въ праславянскомъ, въ склоненіи этомъ различаются два вида: склоненіе именъ съ первоначально твердымъ

согласнымъ передъ гласнымъ основы (собственно -о—основы) и склоненіе съ первоначально смягченнымъ согласнымъ передъ тематическимъ -о (-jo—основы). Приведемъ образцы.

	Единств. ч.		*Множеств. ч.*	
Им.	jѐлен	ȍра̄ч	jѐлени	ора́чи
Род.	jѐлена	ора́ча	jѐле̄на̄	ора́ча̄
Дат.	jѐлену	ора́чу	jѐленима	ора́чима
Вин.	jѐлена	ора́ча	jѐлене	ора́че
Зват.	jѐлене	ȍра̄чу	jѐлени	ȍра̄чи
Тв.	jѐленом	ора́чем	jѐленима	ора́чима
Мѣстн.	jѐлену	ора́чу	jѐленима	ора́чима

Такъ же склоняются имена, обычно собственныя, на -о и на -je въ имен. падежѣ: Ма̂рко—Ма̂рка—Ма̂рку—Ма̂рка—Ма̂рко—Ма̂рком—Ма̂рку; Милоjе (Mȉloje)—Милоjа—Милоjу и т. д.

При этомъ въ именахъ, имѣющихъ въ исходѣ основы язычнонебные согласные k, g, ch, имѣетъ мѣсто измѣненіе этихъ согласныхъ въ свистящіе и шипящіе (праславянскаго происхожденія): jу̏на̄к—зв. п. jу̏на̄че—им. мн. jуна́ци; дру̑г—зват. п. дру̑же—им. мн. дру̑зи; сирȍмах—зват. п. сирȍмаше—им. мн. ч. сирȍмаси; тѣ же *ц*, *з*, *с* вм. *к*, *г*, *х* являются передъ окончаніемъ *-има* въ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч.: jуна́цима, дру̑зима, сирȍмасима.

Многія (но не всѣ) односложныя имена во множ. ч. получаютъ добавочный слогъ -ов, перенесенный въ основы на -о изъ основъ на -u; такъ, отъ гра̑д—им. мн. ч. гра̏дови, род. п. градо́ва̄, вин. гра̏дове, дат.-твор.-мѣстн. гра̏довима. Въ именахъ съ мягкимъ первоначально согласнымъ въ исходѣ основы является -ев: ма̑ч—им. мн. ма̀чеви.

Примѣчаніе. Не принимаютъ слога -ов- имена гриjех (grȉjeh), кȍњ, па̏с (пёсъ), прст (pȑst), и нѣкоторыя другія; слѣд.—гриjеси (grȉjesi), кȍњи, пси (psȉ), прсти (pȑsti).

Въ формѣ вин. п. ед. ч. въ приведенныхъ образцахъ мы имѣемъ собственно форму род. п., такъ какъ слова эти суть имена предметовъ одушевленныхъ,—явленіе, извѣстное всѣмъ словянскимъ языкамъ; въ именахъ неодушевленныхъ форма вин. п. ед. ч. сходна съ формой им. ед. ч.

Сравнивая приведенныя схемы съ соотвѣтствующими схемами др.-ц.-сл. склоненія *о*—основъ,—а др.-ц.-слов. языкъ въ этомъ случаѣ вѣрно отражаетъ праславянское состояніе,—мы замѣчаемъ отступленіе отъ праславянской старины въ смыслѣ образованія формъ въ слѣдующихъ формахъ: 1) въ мѣстн. п. ед. ч.: флексія -у (jѐлену,

ора́чу),—ср. др.-ц.-сл. рабѣ, кони; 2) въ род. п. мн. ч. (jѐлена̄, ора̑ча̄), гдѣ къ старой формѣ род. мн., потерявшей конечное ъ, ь (др.-ц.-сл. рабъ, конь) присоединено новое -а̄; 3) въ вин. п. мн. ч.: флексія -е въ формѣ jѐлене (ср. др.-ц.-слов. рабы); 4) въ формахъ дат.-твор. мѣстн. мн. ч. флексія -има (jѐленима, ора̑чима),—ср. др.-ц.-сл. рабомъ—рабы—рабѣхъ, конемъ—кони—конихъ.

Форма мѣстн. п. ед. ч. на -у явилась подъ вліяніемъ основъ муж. р. на -u (ср. др.-ц.-сл. сыноу).

Форма вин. п. мн. ч. на -е въ именахъ типа ȍра̄ч (съ первоначально смягченнымъ согласнымъ въ концѣ) является правильной, такъ какъ -е получилось фонетически изъ болѣе древняго -ę (ср. др.-ц.-сл. конѩ). Въ именахъ же вродѣ jѐлен флексія эта явилась вмѣсто старой -у (ы,—ср. др.-ц.-сл. рабы), что должно было дать -і, изъ именъ типа ȍра̄ч.

Относительно формъ род. п. на -а̄ и формы дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. на -има—ср. ниже, §§ 88 и 89.

§ 77. Чакавское склоненіе именъ муж. рода съ основой на -о отличается отъ штокавскаго въ слѣдующихъ пунктахъ.

1) Для род. п. мн. ч. чакавское нарѣчіе даетъ старыя формы,—безъ прибавочнаго новаго а̄ загадочнаго происхожденія (о которомъ ср. ниже, § 88): čа̂s (им. ед. čа̂s), susе̂d (им. ед. susѐd), stа̏rа̄c (им. ед. stа̏rac), kȍsа̄c (им. ед. kosа̂c—косецъ) и т. п. Рядомъ употребляются также формы на -ih, тожественныя формамъ мѣстн. мн. ч.: vlа́sich, stа́rcich, susе̂dich, bréstich, krȍvīch и т. п. (ср. Замѣтки Белиħ'а § 38 и слѣд.).

Впрочемъ, спорадически встрѣчаются старыя формы безъ прибавочнаго -а̄ и въ штокавскихъ говорахъ; въ то же время въ Черногоріи употребляются формы съ прибавочнымъ -ch: junakach и т. п. (см. у Решетара D. štok. Dial., 161 с.). Послѣднія формы, повидимому, явились не безъ вліянія со стороны мѣстоименныхъ формъ и формъ прилагательныхъ, которыя оканчиваются въ род. п. мн. ч. на -ch.

2) Форма вин. п. мн. ч. въ чакавскихъ говорахъ—старая: čа̂si, vlа̂si, krovī и т. п.; -і получилось здѣсь изъ -у (ы): ср. др.-ц.-слов. рабы и т. п.

3) Формы дат., твор. и мѣстн. мн. ч. не совпали: čа̂son дат. мн. (n изъ m,—ср. § 55), čа̂si instr. pl., čа̂sih loc. pl.

4) Слогъ -ov проникаетъ лишь въ форму род. мн. ч., но не въ иныя.

Примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ же говорахъ этого -ov не находимъ и въ род. мн., напримѣръ, въ говорѣ о. Цресъ, гдѣ форма эта оканчивается на -і: stо̂li, kо̂nji, vо̂li (ср. Tentór, Der čakav. Dialekt der Insel Cres въ ASlPh. XXX, 146 с. и Belić въ Roczn. Slaw. II, 174 с.).

Форма вин. п. мн. ч. отъ основъ, имѣющихъ въ исходѣ k, g, ch, замѣнилась въ нѣкоторыхъ говорахъ формой им. мн. (напр., на о. Цресъ): kâmici (отъ kâmik) вм. kamiki (съ і изъ -у).

Форма loc s. въ нѣкоторыхъ говорахъ имѣетъ окончаніе -i: čăsi и т. п. (въ говорѣ Novi,—ср. Белиħ'а Замѣтки въ Изв. XIV, кн. 2, § 35.

Появленіе окончанія -i въ loc. s. объясняется, повидимому, вліяніемъ мягкихъ основъ на -о (ср. др.-ц.-сл. кони).

Проникновеніе окончанія -u въ формѣ мѣстн. пад. ед. ч. въ основы на -о изъ основъ на -u имѣло мѣсто въ глубокой древности; начало этого процесса падаетъ, вѣроятно, на доисторическую эпоху.

Форма род. мн. ч. на -ā появляется въ памятникахъ съ XIV в., но могла явиться въ языкѣ и раньше. Также формы на -е вин. п. мн. ч. встрѣчаются въ памятникахъ XIV вѣка и, вѣроятно, имѣлись въ языкѣ и въ XIII вѣкѣ. Съ того же времени встрѣчаемъ формы им. мн. ч. на -ови: попоκи (κи = и) въ грам. 1336—1347 г.г. Формы дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. на *-ма* явились въ XIV вѣкѣ.

Примѣчаніе. Въ др.-сербскихъ памятникахъ находимъ старыя формы мѣстнаго ед. ч. на -ѣ, формы на -у и формы на -и (і): градѣ въ грам. 1254—1256 г., въ грам. 1273—1314 г., мостѣ (е вм. ѣ) въ грам. 1253 г., броде въ той же грам. и т. п.; трьгоу въ грам. 1222—1228 г., дльгоу въ грам. 1240—1272 г., граду въ грам. 1293—1302 г., закону въ грам. 1332 г., цару въ грам. 1387 г. и т. п.; престоли въ грам. 1325 г., крьсти въ грам. 1392 г., гнѣви въ грам. 1399 г., мири въ грам. 1392 г.

Относительно формъ вин. п. мн. ч. на -е ср. законе въ грам. 1370 г., книге въ грам. 1405 г., листе въ грам. 1435 г. и т. п. Форму вин. п. мн. ч. на *-ове* также находимъ уже въ др.-сербскихъ памятникахъ: судове (сосуды) въ грам. 1438 г., дугове въ грам. 1481 г. и т. п.

Относительно формъ род. мн ч. на -ā и формъ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. историческій матеріалъ данъ ниже,—въ §§ 88 и 89.

Основы на -о средн. рода.

§ 78. Склоненіе основъ на -о средняго рода отличается отъ склоненія тѣхъ же основъ муж. рода лишь въ им.-вин.-зв. ед. и мн. ч., каковое отличіе является исконнымъ.

	Единств ч.		*Множеств ч.*	
Им.	сѐло	пȍље	сѐла	пȍља
Род.	сѐла	пȍља	сѐла̄	пȍља̄
Дат.	сѐлу	пȍљу	сѐлима	пȍљима
Вин.	= им.	„	= им.	„
Зв.	= им.	„	= им.	„
Твор.	сѐлом	пȍљем	сѐлима	пȍљима
Мѣстн.	сѐлу	пȍљу	сѐлима	пȍљима

Такимъ образомъ, склоненіе это характеризуется тѣми же особенностями, что и склоненіе тѣхъ же основъ муж. рода (за исключеніемъ формы вин. п. мн. ч.): 1) флексіей -у (u) въ мѣстн. п. ед. ч. вмѣсто старыхъ -ě, -i (ср. др.-ц.-сл. селѣ, поли), которая явилась непосредственно изъ -о—основъ муж. р., а первоначально принадлежала u—основамъ; 2) флексіей -ā въ род. п. мн. ч.; 3) флексіей -ima въ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч.

Развитіе этихъ особенностей шло совершенно параллельно развитію ихъ въ основахъ на -о муж. рода и подъ непосредственнымъ вліяніемъ послѣднихъ.

§ 79. Форму мѣстн. п. ед. ч. на -у находимъ уже въ XIV в.: морю въ грам. 1348 г., мєстꙋ (= мѣстоу) въ грам. 1387 г., кладанию въ той же грам., приморию въ грам. 1382 г. и т. п.

Относительно формъ gen. pl. на -ā, которыя наблюдаются съ XV вѣка, ср. ниже, § 88.

Относительно формъ дат. мн., твор. мн. и мѣстн. мн.—въ § 89.

Въ чакавскихъ говорахъ, какъ и въ склоненіи именъ муж. р. съ основой на -о, находимъ род. мн. ч. безъ -ā: lêt и отсутствіе совпаденія дат., твор. и мѣстн. мн. ч.: lètōn дат., lèti твор., lètih мѣстн.

Основы на -а.

§ 80. Основы на *-а* (женскаго, рѣже мужескаго) рода, подобно *-о*—основамъ сохранили свое старое склоненіе, хотя и съ измѣненіями нѣкоторыхъ формъ.

	Единств. ч.		*Множеств. ч.*	
Им.	жѐна	зѐмља	жѐне	зѐмље
Род.	жѐнē	зѐмљē	жѐнā	земāљā
Дат.	жѐни	зѐмљи	жѐнама	зѐмљама
Вин.	жѐну	зѐмљу	жѐне	зѐмље
Зв.	жѐно	зѐмљо	жѐне	зѐмље
Твор.	жѐнōм	зѐмљōм	жѐнама	зѐмљама
Мѣстн.	жѐни	зѐмљи	жѐнама	зѐмљама

Въ приведенной схемѣ склоненія имѣемъ отраженіе двухъ разновидностей его: a) съ твердымъ и b) съ мягкимъ согласнымъ въ исходѣ основы. Однако, старыя различія между этими двумя видами даннаго склоненія стерлись; мягкое склоненіе оказало вліяніе на твердое въ род., дат. и мѣстн. ед. ч. и им.-вин.-зв. множ. ч.; наоборотъ, твердое склоненіе повліяло на мягкое въ зват. и твор. ед. ч.

1) Подъ вліяніемъ формъ зѐмљē (др.-ц.-сл. землѩ) род. п.; 2) зѐмљи дат. п. и зѐмљи мѣстн. п. (др.-ц.-сл. земли) явились формы жѐнē род. п. (съ новой долготой) и жѐни дат. и мѣстн. п. (ср. др.-ц.-сл. женꙑ род., женѣ дат. и мѣстн. п.); 3) подъ вліяніемъ формъ жѐно зват. и жѐнōм твор. ед. явились формы зѐмљо зват. и зѐмљōм твор. вмѣсто ожидаемыхъ зѐмље и зѐмљēм (ср. др.-ц.-сл. земле зват. и землеѭ твор.). 4) Во множ. ч. подъ вліяніемъ им.-вин.-зв. зѐмље (др.-ц.-сл. землѩ) явилось и жѐне им.-вин., жѐне зват. (ср. др.-ц.-сл. женꙑ).

Кромѣ того, мы видимъ въ этомъ склоненіи, какъ и въ склоненіи -о—основъ, добавочное -ā въ род. п. мн. ч. и совпаденіе въ одной формѣ дат., твор. и мѣстн. падежей.

По поводу формы род. п. мн. ч. (ср. § 88) должно замѣтить, что въ нѣкоторыхъ именахъ этого склоненія имѣется окончаніе -ī: лāђӣ отъ лāђа (ладья), вр̍стӣ отъ вр̍ста (рядъ); въ первомъ изъ нихъ -и является старымъ (ср. др.-ц.-сл. gen. pl. ладии; въ сербскомъ произошло стяженіе -ьјь въ ī,—ср. выше, § 72,—но вмѣсто д явилось ђ подъ вліяніемъ иныхъ формъ: лāђа и т. д.); въ формѣ же вр̍стӣ и явилось подъ вліяніемъ лāђӣ и т. п.

Особаго объясненія требуетъ форма твор. п. ед. ч. жѐнōм, зѐмљōм. Форма эта явилась вмѣсто др.-сербской на -оѫ подъ вліяніемъ твор. п. ед. ч. основъ на -о: бōгом и т. п.; подробнѣе ср. ниже, § 81.

О формѣ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. ср. § 89.

§ 81. Склоненіе основъ на -а въ чакавскомъ нарѣчіи отличается слѣдующими чертами: 1) род. мн. ч.—безъ -ā: krȃv, žȇn; 2) дат., твор., мѣстн. мн. ч. различаются: ženȃn дат., ženȃmi твор., ženȃh мѣстн.; 3) твор. ед. оканчивается на -ū (изъ -оįǫ черезъ стяженіе): ženū. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ форма эта получила добавочное -n (изъ m) изъ формы основъ на -о (čȁsōn, lȅtōn): напримѣръ,—krȁvūn и т. п. въ говорѣ Novi.

Въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ въ формахъ род. п. и дат. п. ед. ч. не имена типа ženȁ подверглись вліянію со стороны именъ типа dūšȁ, а наоборотъ: напримѣръ,—въ говорѣ о. Цресъ—род. ед. ženȉ, dūšī (i—изъ у), дат. ед. ženȇ, dūšȇ (е—изъ ě); но въ говорѣ Novi—род. ед. krȁvē, дат. ед. krȁvi. Такое же различіе по говорамъ наблюдается въ формахъ им. и вин. мн. ч.: ženȉ (и dūšī) въ говорѣ о. Цресъ, krȁvē—въ говорѣ Novi.

Примѣчаніе. Формы род. п. ед. и им.-вин. мн. на -е отъ именъ типа ženȁ находимъ въ приморскихъ лекціонарахъ XV в.

Штокавскія особенности склоненія основъ на -а датируются уже древне-сербскими памятниками. Относительно формы род. ед. ч. и

им.-вин. мн. ч.—ср. въ грам. 1189 г. силе g. s., главе g. s., въ Вукановомъ Ев.—храмине 83б g. s., коде 16г g. s., беседе 18а g. s., соуботе 21а gen. s., клетьве 182г gen. s., године 177а, 172в; въ отрывкѣ апостола Гершковича стьгне вин. мн. VIII, 13 (им. ед. стьгна), жоупе им. мн. и вин. мн. въ грам. 1222—1228 г.г., дрьжаве вин. мн. въ той же грамотѣ и т. п.

Примѣчаніе. Аналогичные примѣры въ русскихъ памятникахъ и говорахъ указаны у Соболевскаго,—Лекціи [3], 181 с.

Съ XIV в. датируются формы дат. п. ед. и мѣстн. п. ед. ч. твердаго склоненія на и (і) въ памятникахъ, относящихся не только къ западному, но и къ южному нарѣчію: восии дат. ед. въ грам. 1333 г., воіеводи дат. п. ед. ч. въ грам. 1420 г., правди дат. ед. въ грам. 1451 г., жѹпи мѣстн. ед. въ грам. 1420 г., восии мѣстн. ед. въ грам. 1332 г., гори мѣстн. ед. 1420 г. и т. п.; въ грам. 1379 г., относящейся къ восточному нарѣчію, имѣемъ дат. ед. кладици (отъ кладзіка).

Форма твор. ед. въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ имѣетъ окончаніе -овь: въ грамотѣ 1189 г. праковь вѣровь, своевь воловь (своею волею), повеловь бановь (повеленіемъ бановымъ: повела бана и т. п.); въ грам. 1234—1240 г. вѣровь, въ грам. 1234 г. лозовь, въ грам. 1198—1199 г. земловь и т. п. Конечное ь въ этихъ написаніяхъ не имѣетъ фонетическаго значенія: писцы ставили этотъ знакъ по традиціи, такъ какъ всѣ слова въ церк.-слов. правописаніи оканчивались знакомъ гласнаго или же ъ, ь.

Слѣдовательно, форму лозовь должно понимать, какъ *lozoy или скорѣе *lozoṷ съ неслоговымъ ṷ или билабіальнымъ w. Форма эта явилась изъ *lozoi̯u (ср. др.-ц.-сл. лозоѭ) вслѣдствіе исчезновенія i̯ (lozou) и измѣненія конечнаго *и* послѣ гласнаго въ неслоговое.

Примѣчаніе. О подобныхъ формахъ твор. ед. ч. на -ṷ въ русскомъ ср. у Соболевскаго [3], 122 с.

Эти формы твор. п. на -оṷ, существовавшія, какъ мы видѣли, уже въ XII в., очень рано замѣнились формами на *-ом*, что можно объяснить вліяніемъ формъ твор. п. ед. ч. основъ на -о: ср. кодомь въ грам. 1222—1228 г.; свободомь въ грам. 1240—1272 г., силомь въ грам. 1336—1347 г. и т. п.

Форма зват. п. отъ именъ мягкаго склоненія съ окончаніемъ -о (душо, змиjо и т. п.) является въ концѣ XV в. (см. Ист. обл. 32 с.). Форма род. п. мн. ч. на -ā наблюдается съ XIV в. (ср. ниже, § 88).

Историческія данныя, относящіяся къ совпаденію въ одной формѣ формъ дат.-твор.-мѣстн. мн., приведены ниже,—въ § 89.

Основы на согласный.

§ 82. Основы на согласный муж. р. въ литературномъ языкѣ потеряли старую форму имен. п. ед. ч. и потому совершенно примкнули къ склоненію о—основъ муж. рода: kämēn—kämena—kämenu и т. д.; такъ же—krêmēn, plämēn. Въ южныхъ говорахъ сохраняется старая форма им. ед. ч. kämi (прасл. *kamy), а также употребляются сокращенныя формы käm, krêm, pläm. Переходъ этихъ именъ въ склоненіе *o*-основъ датируется уже др. сербскими памятниками: род. п. ед. ч. корена въ грам 1400 г., дана (дня) у Кашича (1638 г.), камена у Ник. Ранины (1503 г.); дат. п. ед. ч. камену—у Ник. Ранины и т. п.

§ 83. Отъ именъ на -inъ, которыя во множ. ч. склонялись, какъ основы на согласный, въ др.-сербскихъ памятникахъ встрѣчаются интересныя формы дат. мн. ч. и мѣстн. мн. ч.: гра҄амь дат. мн. въ грам. 1189 г. (отъ грађанин—им. мн. ч. грађане); дȢбровьчамь—въ той же грамотѣ; дѣчахь въ грам. 1330 г. (им. мн. дѣчане), дȢбровчами тв. мн. ч. въ грам. 1333 г.—при гра҄аномь въ грам. 1423 г., дȢбровчани твор. мн. ч. въ грам. 1387 г., дȢбровчанехь въ грам. 1247 г. Повидимому, формы дȢбровьчамь, дȢбровьчами и т. п. являются отраженіемъ весьма древнихъ прасловянскихъ падежныхъ образованій отъ именъ съ основой на согласный, въ которыхъ окончанія присоединены непосредственно къ основѣ на согласный (*gordj n-mъ, *gordjan-mi, *gordjan-chъ, откуда затѣмъ *gordjamъ, *gordjami, *gordjachъ).

§ 84. Основы на согласный лишь въ весьма незначительной мѣрѣ сохранили слѣды своего самостоятельнаго склоненія, а именно имена женскаго рода на *-р*.

	Единств. ч.		*Множеств. ч.*	
Им.	ма̏ти	кħӣ	ма̏тере	кħѐри
Род.	ма̏тере̄	кħѐри	ма̏тēра̄	кħѐрӣ
Дат.	ма̏тери	кħѐри	ма̏терама	кħѐри́ма
Вин.	ма̏тер	кħêр	ма̏тере	кħѐри
Зват.	ма̏ти	кħѐри	ма̏тере	кħѐри
Твор.	ма̏теро̄м	кħѐрју (кħѐри)	ма̏терама	кħѐрима
Мѣстн.	ма̏тери	кħѐри	ма̏терама	кħѐрима

Въ этомъ склоненіи сохранены старыя формы имен. ед. ч., вин. ед. ч., дат.-мѣстн. ед., въ имени мати также старыя формы род. ед., зв. ед. и им.-вин. мн. ч., въ имени кħӣ—старая форма твор. п. ед. (ср. др.-ц.-сл. дъштерніѫ). Въ твор. п. ед. ч. (ма̏теро̄м) и род. мн.

(ма̏тēра̄) отъ имени ма̏ти сказалось вліяніе именъ съ основой на -а (ср. жѐнōм твор. ед., же́на̄ род. мн. ч.). Въ формѣ род. ед. и им.-вин. мн. ч. кћѐри и формѣ род. п. мн. ч. кћѐрӣ, наоборотъ, сказалось вліяніе основъ на -ī (ср. род. ед., им.-вин. мн. ч. ства̑ри, род. мн. ства́рӣ).

Точно такъ же форма дат.-твор.-мѣстн. множ. ч. ма̏терама примыкаетъ къ склоненію *a*-основъ (жѐнама), а форма тѣхъ же падежей кћѐрима—къ склоненію *i*-основъ (ср. ства́рима).

Примѣчаніе. Въ памятникахъ XVI вѣка встрѣчается форма твор. мн. ч. кћерам (у Градича 1567 г. Libarce....), въ XVII вѣкѣ—кћерима (Put od raja Андриjашевича).

§ 85. Къ основамъ на согласный женск. рода въ своемъ склоненіи примыкали имена съ первоначальной основой на -ū, какъ *cьr̥ky, *l'uby, *kry. Всѣ эти имена въ сербскомъ потеряли свое старое склоненіе; *cьr̥ky перешло въ склоненіе основъ на -ā (цр́ква), кр̑в—кр̑ви и љу́бав—въ склоненіе *i*-основъ; въ значеніи *жена* употребляется несклоняемое љу̑би.

§ 86. Основы на согласный средняго рода также потеряли свое особое склоненіе и могутъ быть въ отдѣльныхъ случаяхъ отличены отъ *o*-основъ средняго рода только благодаря тематическимъ согласнымъ, имѣющимся въ косвенныхъ падежахъ и отсутствующимъ въ им. ед. ч.

	Единств. ч.			*Множеств. ч.*		
Им.-в.-зв.	пле̏ме,	тѐле,	не̏бо.	племѐна,	—,	небѐса.
Родит.	пле̏мена,	тѐлета,	не̏ба.	племе́на̄,	—,	небе́са̄.
Дат.	пле̏мену,	тѐлету,	не̏бу.	племѐнима,	—,	небѐсима.
Твор.	пле̏меном,	тѐлетом,	не̏бом.	= дат.	—,	= дат.
Мѣстн.	пле̏мену.	тѐлету,	не̏бу.	= дат.	—,	= дат.

Примѣчаніе. Отъ слова тѐле множ. число неупотребительно; вмѣсто *telèta говорятъ тѐлци (тельцы). Окончанія иныхъ именъ съ первоначальнымъ суффиксомъ -nt—тѣ же, что въ именахъ вродѣ пле̏ме.

Въ словѣ не̏бо, какъ видимъ, старый суффиксъ -es исчезъ во всѣхъ формахъ единств. числа и сохранился лишь во множ. числѣ (какъ и въ русскомъ).

Отъ словъ čȕdo и tȉjelo употребляются формы множ. числа какъ съ суффиксомъ -es, такъ и безъ него: чудѐса им.-вин. мн., чуде́са̄ род. мн., чудѐсима дат.-твор.-мѣстн. и чу̏да—чу̑да̄—чу̏дима; тjелѐса—тjеле́са̄ — тjелѐсима и тиjела (tȉjela) — тиjела̄ (tȉjelā) — тиjелима (tȉjelima).

По образцу именъ на согласный средняго рода,—съ суффиксомъ -*ет*, склоняются нѣкоторыя имена, къ этимъ основамъ первоначально не относившіяся: такъ, отъ јаје (яйцо) род. ед.—јаја или јајета, отъ ӯже (канатъ,—ср. др.-ц.-сл. ѫжє) род. ед.—ӯжа и ужета; отъ дрво род. ед.—др̂ва и др̂вета, а во множ. ч. др̂ва значитъ дрова, а дрвета—деревья. По этой же схемѣ склоняется заимствованное турецкое тане—род. ед. ч. танета (пуля).

§ 87. Переходъ именъ съ основой на согласный средняго рода въ склоненіе -*о*-основъ датируется древними сербскими памятниками: ср. племена род. въ грам. 1332 г. и грам. 1373 г., врѣмена род. ед. въ грам. 1419 г., племеноу 1419 г. дат. ед., имену дат. ед. у Ник. Ранины, врѣменоу мѣстн. ед. ч. въ грам. 1427 г. и грам. 1433 г. и т. п.

Сдѣланный обзоръ сербскаго именного склоненія необходимо заключить нѣсколькими замѣчаніями общаго характера: о штокавской формѣ род. п. мн. ч. на -ā, о формахъ дат.-тв.-мѣстн. мн. ч. и о формахъ двойств. числа.

Формы род. п. мн. ч. на -ā.

§ 88. Окончаніе -ā въ род. п. мн. ч., которое мы видимъ въ склоненіи именъ мужск., средн. и женскаго рода съ основой на -а, не разъ пытались объяснить, но и до сихъ поръ флексія эта является въ смыслѣ своего происхожденія загадочной.

Въ др.-сербскихъ памятникахъ формы род. п. на -ā появляются съ XIV в.: ср. синова въ грам. 1333 г., колова въ грам. 1332 г., виека въ грам. 1419 г., коня въ грам. около 1450 г., отаца въ грам. 1452 г., жѹпа въ грам. 1391 г. и т. п. Рядомъ съ этимъ встрѣчаются формы на -ь, подъ которымъ, вѣроятно, скрывается -ā: ѡтьць въ грам. 1302—1321 г.г., споудь въ грам. 1348 г., члобѣкь въ грам. 1302—1321 г.г. и т. п.

Форма на -ā отъ основъ на -о ср. рода датируется XV вѣкомъ: зрьна въ грам. 1436 г., 1441 г., зрна въ грам. 1466 г. и т. п., но можно думать, что и въ XIV вѣкѣ флексія -ā была свойственна и именамъ ср. рода, какъ и именамъ муж. и женск. родовъ.

Примѣчаніе. Встрѣчаются въ древне-сербскихъ памятникахъ также формы род. п. мн. ч. отъ основъ на -о съ окончаніемъ -и (і): цари въ грам. 1253 г., пинѣзи въ грам. 1427 г., ангели въ грам. 1420 г.; формы эти, очевидно, явились подъ вліяніемъ основъ на -і.

Съ другой стороны, въ чакавскихъ говорахъ, а также въ нѣкоторыхъ штокавскихъ и нынѣ находимъ формы безъ этого загадочнаго -ā (ср. выше, § 77). Эти діалектическія формы безъ ā, повидимому, указываютъ на вторичное, относительно позднее происхожденіе этого окончанія. На то же указываютъ и нѣкоторыя характерныя черты этой формы: въ ней не только конечное ā, но и гласный предшествующаго слога является обычно долгимъ: ко̑ња̄, jе̑лена̄, ора́ча̄, се̑ла̄, ко́ња̄, име́на̄, же́на̄ и т. д. Это удлиненіе гласнаго предшествующаго слога въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ былъ первоначально краткимъ, очевидно, произошло по отпаденіи конечныхъ ъ, ь, когда еще конечнаго -ā не было: такое же указаніе даютъ формы вродѣ ре̑ба̄ра̄, седа́ла̄ стаба́ла̄ (отъ ре̏бро, се̏дло, ста́бло): *a* предпослѣдняго слога явилось изъ новаго ъ, которое могло развиться въ формѣ род. мн. по отпаденіи конечнаго ъ (ь), но не въ формѣ съ конечнымъ -ā,—въ формѣ *sedl, *rebr, *stьbl (— *sedъl, *rebъr, *stьbъl, затѣмъ sedal, rebar, stabal и, наконецъ, съ новымъ *a* sedálā, съ нефонетической долготой предпослѣдняго слога).

Остается, однако, неяснымъ,—откуда взялось затѣмъ конечное -ā. Если сравнить литературныя формы на -ā съ діалектическими штокавскими формами на -ъ̄h (-ъх, съ новымъ х,—ср. выше, въ § 77), то приходится думать, что -ā получилось изъ болѣе древняго долгаго ъ. Но появленіе здѣсь долгаго конечнаго ъ при наличности явленій, указывающихъ на его отпаденіе, отмѣченныхъ выше, остается безъ удовлетворительнаго объясненія.

Примѣчаніе. Ср. по вопросу о формѣ род. п. мн. ч. въ сербскомъ Ильинскаго „Одинъ случай грамматической аналогіи въ сербскомъ языкѣ" въ Новомъ Сборникѣ статей по славяновѣдѣнію, составленномъ учениками В. И. Ламанскаго (1905 г.), Karlgren'a „Sur la formation du génitif en serb" 1911 г. (въ Archives d'études orientales, 3, Upsala)—ср. Meillet R. Cr. 1912, LXXIV, 462 с.; Ильинскаго „Еще разъ объ образованіи родительнаго падежа множественнаго числа именъ существительныхъ въ сербо-хорватскомъ языкѣ" въ Изв. XIX (1914 г.), кн. 2, у Leskien'a Gramm. d. s.-kr. Spr., § 726 и сл. Въ этихъ трудахъ указана остальная литература. Ни одна изъ попытокъ объясненія загадочнаго окончанія не рѣшаетъ вопроса.

§ 89. Формы дат., твор. и мѣстн. мн. ч. отъ основъ на -i первоначально оканчивались . . . . на -ьmъ, -ьmi, -ьchъ;
тѣ же формы отъ основъ на -u . . . . на -ъmъ, -ъmi, -ъchъ;
отъ основъ на -o . . . . на -omъ, -y, -ěchъ;
отъ основъ на -jo. . . . . на -emъ, -i, -ichъ;
отъ основъ на -ā . . . . на -amъ, -ami, -achъ.

Однако, старыя формы съ этими окончаніями подверглись затѣмъ измѣненіямъ.

Основы на -i муж. р. подъ вліяніемъ основъ на -jo получаютъ вмѣсто стараго окончанія -(ь)mi въ твор. мн. окончаніе -i: гости, људи, гвозди (вмѣсто гостми, људми, гвоздми съ выпаденіемъ -ь),—въ XV вѣкѣ. Отъ этихъ именъ (основъ на -i муж. р.) окончаніе -i переходитъ къ именамъ тѣхъ же основъ жен. рода: съ конца XV в.—кости, крипости, милости и т. п.

Примѣчаніе. Ср. Даничича Ист. обл. 124—125 с.с.

Вѣроятно, контаминація старой формы instr. pl. людьми, гостьми и т. п. и новой, явившейся подъ вліяніемъ кони,—гости, људи создала среднюю форму на *-ими*: частими, користими и т. п. (см. Ист. обл. 126 с.).

Форма мѣстн. мн. ч. отъ основъ на -i также подверглась вліянію -о (jo)-основъ, вѣроятно, уже въ XV в: Даничичъ приводитъ путијех у Ник. Ранины и др., путијех (ије—изъ ѣ) у Бунича (1630 г.) и—днихъ у Зоранича (1569 г.), путихъ у Бандулавича (1626 г.) и т. п. (см. Ист. обл. 141 с.): ср. древнія формы дарѣхъ, конихъ.

Параллельно отношеніямъ формъ -ā-основъ: -amъ, -ami, -achъ появилась и форма дат. п. мн. ч. на -im (при формѣ твор. мн. на -imi и мѣстн. на -ich) въ основахъ на -i: људим у Н. Ранины, костим у Д. Ранины, милостим у него же (XVI в.).

Общій процессъ сближенія и сліянія въ одно склоненіе основъ на -u, -i и основъ на -о (-jo) отразился соотвѣтствующимъ образомъ и на послѣднихъ: если въ основахъ на -i рядомъ со старымъ окончаніемъ -(ь)*ми* являлось окончаніе -i изъ основъ на -о (jo), то и основы на -о (-jo), наоборотъ, получали окончаніе *-ми*: ср. съ одной стороны, краги въ грам. 1254 г., гради въ грам. 1254 г., дари въ грам. 1392 г., цари въ грам. 1330 г., крали въ грам. 1453 г, зуби у Ник. Ранины и т. д.; также со вставочнымъ слогомъ *-ов*, перенесеннымъ изъ -u-основъ: градовхі (хі = и) въ грам. 1198—1199 г., дарови въ грам. 1360 г. и въ грам. 1365 г., листови въ грам. 1423 г. и т. п.; а съ другой стороны—дарьми въ грам. 1399 г., градями въ грам. 1419 г., кральми въ грам. 1198—1199 г., царьми въ той же грам., коньми въ грам. 1293—1302 г. и т. п; и со вставочнымъ -ов: градовми въ грам. 1427 г., даровми въ грам. 1451—1481 г., листовьми въ грам. 1429 г., синовми въ грам. 1440 г. и т. п.

Затѣмъ, какъ и въ основахъ на -i, явилась въ основахъ на -о муж., а затѣмъ и средняго рода форма твор. мн. ч. на *-ими*, дат.

мн. ч. на *-им* и мѣстнаго на *-их* (см. Ист. обл. 97 с., 119 с., 130 и сл.).

Такимъ образомъ, установились въ именномъ склоненіи два параллельныхъ ряда окончаній дат., твор. и мѣстн. мн. ч.: *-им, -ими, -их* и *-ам, -ами, -ах*. Причиной послѣдовавшаго затѣмъ совпаденія формъ дат., твор. и мѣстн. падежа въ одной формѣ было синтактическое совпаденіе этихъ падежей.

Въ памятникахъ XVI—XVII в в. находимъ не мало примѣровъ употребленія формы твор. п. мн. ч. въ значеніи дательнаго и мѣстнаго, формы дательнаго мн. ч. въ значеніи твор. и мѣстнаго мн. ч.: напримѣръ,—ријечми = дат. мн., у стварми, т. е. стварми = мѣстн. мн. ч., у стварим, т. е. стварим = мѣстн. мн., људим, путим, гласим, анђелим, апостолим, grijесим = твор. мн.; ногами моими = дат. мн. (воде ногами моими нијеси дао—у Н. Ранины), дјевицами = дат. мн.; градовим, grijесим, дарим = мѣстн. мн. ч. (ср. Ист обл. 99, 101, 143 с.с.). Съ XVI же вѣка въ форму дат.-твор.-мѣстн. проникаетъ окончаніе *-ма*: људима дат. мн. (у Д. Ранины), људима твор. мн. (у него же), путима мѣстн. мн. (Put od raja Андріяшевича, 1686 г.), пјеснима = дат. мн. у Д. Ранины, ричима = дат. мн. (у Златарича), костима, мислима, пјеснима, стварима, частима = твор. мн. (у Д. Ранины), болестима, костима = мѣстн. мн. (у Андріяшевича), земљама въ грам. 1517 г., бесидама, женама (у Будинича—Ispravnik 1582 г.) и т. п.

Такимъ образомъ, вмѣсто -им, -ими, -их
-ам, -ами, -ах явились окончанія *-има* и *-ама*.

Совпаденіе формъ дат., твор. и мѣстн. мн. ч. въ одной формѣ явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ совпаденія дат. и твор. въ двойств. числѣ и дат. и мѣстнаго въ единств. числѣ нѣкоторыхъ основъ.

Самое окончаніе -ма, очевидно, перенесено изъ формъ двойственнаго числа, которыя исчезли въ качествѣ формъ двойств. числа.

Двойственное число.

§ 90. Сербскій языкъ, какъ большинство словянскихъ языковъ, утратилъ грамматическую категорію двойств. числа. Но старыя формы двойств. числа, хотя и не сознаваемыя въ качествѣ таковыхъ, въ отдѣльныхъ именахъ существуютъ въ сербскомъ языкѣ и въ настоящее время. Такъ, отъ именъ ȍко и ȕхо въ значеніи множ. ч. употребляются формы двойств. числа: им.-вин.-зв. очи, уши; род. мѣстн.

очију, ушију; дат.-твор. очима—ушима,—ср. др.-ц.-сл. формы дв. ч. отъ око, оухо: очи, оуши—очию, оушию—очима, оушима. Старую форму им.-вин. двойств. числа представляетъ плѐħи, пр̏си (перси—грудь), старую форму род.-мѣстн. дв. ч. представляютъ употребляющіяся въ значеніи род. множ. ч. формы ко̏стију, пр̏сију и т. п. (см. выше, § 74). Старую форму им.-вин. дв. ч., совпадающую съ формой род. ед. ч., представляютъ формы именъ въ сочетаніи съ числительнымъ: два̑ ко̀ња, три̑ ко̀ња, че̏тири ко̀ња и т. п., причемъ сочетанія три̑ ко̀ња и че̏тири ко̀ња и т. п. явились по аналогіи два̑ ко̀ња и т. п.

Наоборотъ, формы зво̏на, имена (ìmena) въ сочетаніяхъ два̑ зво̏на, два̑ имена не могутъ быть признаны старыми формами им.-вин. двойств. ч.: ср. др.-ц.-сл. селѣ, имени; въ этихъ формахъ находимъ то же окончаніе, что и въ именахъ муж. рода.

Въ именахъ женскаго рода съ основой на -а флексія им.-вин. двойств. вытѣснена флексіей им.-вин. множ. ч.: двије овце (dvȉje ȍvce): др.-ц.-сл. овьци.

Примѣчаніе. Однако, въ нѣкоторыхъ чакавскихъ говорахъ находимъ форму со старымъ окончаніемъ -i, совпавшую съ формой род. п. ед. ч., какой она является въ такихъ говорахъ; такъ, на о. Цресъ находимъ dvê ofcȉ и род. п. ед. ч. ofcȉ, dūšȉ, ženȉ.

Въ именахъ съ основой на -i сохранено старое окончаніе, изстари совпадающее съ окончаніемъ вин. множ. ч: dnȉ, stvȃri.

Для выраженія косвенныхъ падежей употребляется также форма им.-вин. п.: код двије сестре (kȍd dvȉje sèstre), међу два брда (mȅđu dvȃ bȑda), с двоје чељади (s dvȍje čȅljȃdi).

Формы двойств. числа правильно употребляются въ сербскихъ памятникахъ до конца XIV вѣка: ср. въ грам. 1357 г.—властелинома царьства ми, Басетꙋ Баринчелꙋ Николичикю и Трипетоу Миховикю Бꙋкикю, въ грам. 1395 г.—и неговима братома Тврьдькꙋ и Стипанꙋ и т. п.

Съ XV вѣка формы двойств. числа замѣтно выходятъ изъ употребленія, замѣняясь формами множ. числа. Въ это время формы двойств. числа нерѣдко сочетаются съ формами множ. числа: изь нашихь рꙋкꙋ въ грам. 1427 г.; вмѣсто ожидающихся по смыслу формъ двойств. числа ставятся формы множ. числа: и неговихь синова (род. мн. ч), кнеза Владислава и кнеза Влатка. Такіе случаи можно найти уже въ памятникахъ конца XIV в., какъ н пр.—сь прѣвьзлюбленними синови кралѥвьства ми, Маркомь и Аньдрѣашемь.

Мѣстоименное склоненіе.

Личныя мѣстоименія (и возвратное).

§ 91. *Единств. число.*

Имен.	jа̑	ти (tȋ)	—
Род.	мѐне, ме	тѐбе, те	сѐбе
Дат.	мѐни, ми	тѐби, ти	сѐби (си)
Вин.	мѐне, ме	тѐбе, те	сѐбе, се
Зват.	—	ти (tȋ)	—
Твор.	мно̑м, мно́ме	то̏бо̑м	со̏бо̑м
Мѣстн.	мѐни	тѐби	сѐби

Множеств. число.

Имен.	ми (= mȋ)	ви (= vȋ)
Род.	на̑с, нас	ва̑с, вас
Дат.	на̏ма, нам	ва̏ма, вам
Вин.	на̑с, нас	ва̑с, вас
Зват	—	ви (= vȋ)
Твор.	на̏ма	ва̏ма
Мѣстн.	на̏ма	ва̏ма

Въ приведенной схемѣ формы род. и вин. ед. ч. ме, те, се, дат. ед. ми, ти, си, род. и вин. мн. нас, вас, дат. мн. нам, вам суть формы энклитическія. Сравнивая склоненіе это съ др.-ц.-словянскимъ, которое лучше всего сохранило прасловянскую старину, находимъ слѣдующія отступленія: 1) въ значеніи род. п. употребляется форма вин. падежа ме, те; 2) въ формахъ дат. п. ед. ч. мѐни, тѐби, сѐби вмѣсто окончанія -ѣ явилось -и (ср др.-ц.-сл. мънѣ, тебѣ, себѣ),—вѣроятно, подъ вліяніемъ энклитическихъ формъ *ми, ти, си;* кромѣ того, въ формѣ мѐни основа *mъn- замѣнилась основой *men-, перенесенной сюда изъ формы род. и винит. падежей подъ вліяніемъ отношеній тѐбе—тѐби и сѐбе—сѐби; 3) въ формахъ твор. п. ед. ч. мно̑м, то̏бо̑м, со̏бо̑м отражаются тѣ же процессы, что и въ формѣ твор. ед. во̏до̑м и т. п. (ср. § 81): въ др.-сербскомъ мноѭ, тобоѭ; 4) въ мѣстн. п. ед. ч. имѣемъ тѣ же измѣненія, что и въ дат. ед. ч.; 5) въ формѣ дат.-твор.-мѣстн. мн. ч. на̏ма, ва̏ма отражаются тѣ же процессы, что и въ подобныхъ формахъ дат.-твор.-мѣстн именного склоненія.

§ 92. Въ нѣкоторыхъ штокавскихъ говорахъ находимъ форму дат.-мѣстн ед. ч. мѐне, тѐбе, сѐбе, гдѣ *е*, повидимому, отражаетъ старое ě (см. D. štok. Dial., 186 с.).

Въ Черногоріи употребляются энклитическія формы ni—vi для дат. мн. ч. и ne—ve для вин. п. мн. ч.: формы ni—vi соотвѣтствуютъ др.-ц.-словянскимъ формамъ вин. мн. ны, вы, которыя въ нѣкоторыхъ ц.-сл. памятникахъ употребляются также какъ энклитическія формы дат. мн. ч.; формы ne—ve суть сербскія новообразованія по образцу формъ ед. ч. me, te или мѣстоименныхъ формъ вин. мн. на *-e* (ср. § 93).

Въ чакавскихъ говорахъ сохраняется различіе между дат., твор. и мѣстн. мн. ч. (nân, nâmi, nâs), а форма твор. ед. ч. мѣстоименія 1 л. является въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Novi) въ видѣ mānūn, гдѣ *a*—изъ ъ: ср. выше (§ 81) формы ženū и ženūn.

Форма дат. п. ед. ч. съ основой мен- является въ сербскомъ уже въ XIV вѣкѣ: мене въ грам. 1399 г., мени въ грам. 1419 г.; теби находимъ въ грам. 1419 г., себи—въ грам. 1400 г. Формы мновь, товоь находимъ въ XIII в.: товоь въ грам. 1234—1240 г. (Monum. Serb. № XXVIII), мновь въ грам. 1234—1240 г. (Monum. Serb. № XXXIII); форма мномь датируется грамотой 1357—1367 г., совомь—грам. 1453 г.

Форма мноме, тобоме, собоме съ новымъ *-e* неяснаго происхожденія наблюдается съ XVI вѣка.

Примѣчаніе. Ср. объ этомъ *-e* у Белича „Прилошци истор. слав. језика", Глас LXII, 210 и сл. Беличъ объясняетъ это *-e* вліяніемъ частицы pe—p (ср. јере и јер). Ср. замѣчанія Ильинскаго и Ягича въ Arch. XXVII, 1в, 73—79 и сл.

Форму мѣстн. п. ед. ч. мени находимъ въ грам. 1442 г., себи - въ грам. 1450 г. Форма дат. п. мн. ч. нама, вама появляется съ XV в., а та же форма въ значеніи твор. мн. ч.—съ XIV вѣка, въ значеніи же мѣстн. п. мн. ч. гораздо позже,—въ XVII в. (ср. Ист. обл. 219—221 с.).

Энклитическая форма дат. мн. ни, ви встрѣчается въ очень древнее время: ср. ни въ грам. 1253 г., ви въ грам. 1240 г.

Формы ne, ve явились въ самое позднее время.

Мѣстоименія неличныя.

§ 93. Мѣстоименія указательныя, вопросительныя, относительныя и притяжательныя искони отличались въ своемъ склоненіи отъ мѣстоименій личныхъ. Эти мѣстоименія и представляли собственно мѣстоименное склоненіе, имѣвшее вліяніе на склоненіе сложное и отчасти именное.

Единств. число.

Имен.	та̑ј	то̑	та̑
Род.	то̏га (то̏г)	= м. р.	те̑
Дат.	то̏ме̄, то̏му, то̏м (м. и ср. р.)		то̑ј
Вин.	= им. или род.	то̑	ту (= tû)
Твор.	тим (= tîm), тијем (= tȉjem)—м. и ср. р., то̑м—ж. р.		
Мѣстн.	то̏ме̄, то̏м	= м. р.	то̑ј

Множеств. число.

Имен.	ти (= tî)	та̑ (ср. р.)	те̑ (ж. р.)
Род.	тих. (= tîch) или тијех (tȉjech) для всѣхъ родовъ		
Дат.	тим, тима, тијем (=tîm, tîma, tȉjem) для всѣхъ род.		
Вин.	те̑ (муж. р.)	та̑ (ср. р.)	те̑ (ж. р.)
Твор.	= дат. п. (для всѣхъ родовъ)		
Мѣстн.	= дат. п. (для всѣхъ родовъ).		

Приведенная схема отражаетъ разновидность мѣстоименнаго склоненія съ твердымъ согласнымъ передъ гласнымъ основы. Образцомъ мягкаго склоненія можетъ служить склоненіе мѣстоименія о̑н—о̀на—о̀но, причемъ формы им. п. ед. и мн. ч. всѣхъ родовъ должны быть исключены: первоначально къ род. п. *jego, *jeję формами им. п. были—*ji—*je (ср. р.)—*ja, которыя очень рано исчезли и замѣнились формами им. п. мѣстоименія *onъ; это мѣстоименіе склонялось такъ же, какъ и *tъ.

Примѣчаніе. Въ формахъ ње̏га, ње̏му и. т. д. Њ получилось изъ слиянія j формъ *jimь, *jemь съ *n* предшествующаго предлога въ сочетаніяхъ *vъn-jemь, *sъn-jimь и т. п.; эти сочетанія позже дѣлились въ сознаніи говорящихъ на *vъ-njemь, *sъ-njimь; изъ такихъ формъ, какъ *njemь, *njimь—nj, давшее n', было перенесено въ такія формы, какъ njego.

Единств. число.

Имен.	о̑н (о̏н)	о̀но	о̀на
Род.	ње̏га (га)	= муж. р.	ње̑, је
Дат.	ње̏му (му)	„	њо̑ј, јој
Вин.	ње̏га (га)	= им. п.	њу̑ (је)
Твор.	њим (= njîm), њиме (= njíme)	= муж. р.	њо̑м, њо́ме
Мѣстн.	ње̏му	„	њо̑ј

Множеств. число.

Имен.	о̀ни, о̀на, о̀не			
Род.	њих (= njîch), ich для всѣхъ родовъ			
Дат.	њима (= njîma), im	„	„	„
Вин.	= род. п.	„	„	„
Твор.	= дат. п.	„	„	„
Мѣстн.	= твор. п.	„	„	„

§ 94. По приведеннымъ двумъ образцамъ склоняются иныя мѣстоименія, напримѣръ, са̑м—са́мо—са́ма, какъ та̑ј—то̑—та̑ (род. само́га—са́ме̄, дат. са́мому—са́мој и т. д.), мо̑ј, тво̑ј, сво̑ј, на̏ш,—какъ о̑н (мо̀јега, на̏шега, мо̀је̄, на̏ше̄ (ж. р.), мо̀јему, на̏шему, мо̀јо̄ј, на̏шо̄ј и т. д.).

Если сравнимъ приведенныя схемы мѣстоименнаго склоненія съ соотвѣтствующими праславянскими, какъ онѣ отражаются въ др.-ц.-словянскомъ, то замѣтимъ слѣдующее.

Форма им. ед. ч. та̑ј представляетъ собою ta изъ праслов. *tъ, къ которому позже прибавлено ј (см. выше, § 23, прим.).

Формы род. п. ед. ч. муж. и ср. рода то̏га, њѐга представляютъ измѣненіе старыхъ формъ togo, jego подъ вліяніемъ окончанія род. п. ед. ч. муж. и ср. рода именного склоненія (јѐлена, сѐла).

Форма то̏г представляетъ собою утрату конечнаго *-а*, форма ga — энклитическая.

Форма род. п. ед. ч. ж. р. те̄, ње̂ (је̂) представляетъ результатъ стяженія (изъ toje, jeje: ср. др.-ц.-сл. тоѩ, ѥѩ).

Формы дат. п. ед. ч. ср. р. то̏му, њѐму старыя (форма му—энклитическая); вслѣдствіе смѣшенія формъ дат. и мѣстн. ед. ч. (подъ вліяніемъ именного склоненія јѐлену дат. и мѣстн. ед.) явилась въ функціи дат. п. форма мѣстнаго то̏м, изъ которой затѣмъ помощью приставочнаго *-е* явилась форма то̏ме̄, причемъ долгота е̄—явленіе вторичное: какъ и въ формѣ то̏га̄, долгота конечнаго гласнаго появилась въ положеніи передъ приставочнымъ ј въ формахъ togaj, tomuj,—ср. въ грамотахъ формы тогаи (грам. 1391 г.), ѡногаи (грам. 1387 г.), томѹи (грам. 1391 г.), ѥмѹи (грам. 1439 г.); ср. по этому вопросу у Белича „Прилошци“.... (Глас LXII, 215 и сл.).

Примѣчаніе. Объ *-е* ср. выше примѣчаніе къ § 92 по поводу формы мно́ме. Подъ вліяніемъ двойственности формы дат. п.—то̏му и то̏м могла явиться и сокращенная форма род. п. ед. ч. то̑г при то̏га.

Форма дат. п. ед. ч. жен. р. њо̑ј явилась вмѣсто древней—n-jej (др.-ц.-сл. ѥи) подъ вліяніемъ то̑ј.

Форма тв. п. ед. ч. тијем (tȉjem) вполнѣ соотвѣтствуетъ праславянской *tēmь (др.-ц.-сл. тѣмь), форма же тим (tȋm)—новая, объясняющаяся вліяніемъ формы њим или же формы сложнаго склоненія жу̏тим (ср. ниже, § 97); форма њим (njȋm)—старая (ср. др.-ц.-сл. нимь), а *-е* въ формѣ њиме (njȋme) объясняется такъ же, какъ и въ формѣ дат. п. ед. ч. то̏ме̄.

Формы тв. п. ед. ч. ж. р. то̑м, њо̑м получились изъ *tojǫ, *jejǫ такимъ же образомъ, какъ жѐно̄м изъ *ženojǫ (ср. § 35); при этомъ

њôм вм. ожидаемаго *њêм—подъ вліяніемъ тôм, а -*е* въ њôме по происхожденію аналогично тому же -*е* въ формахъ тôмē, њиме.

Формы мѣстн. ед. ч. тôмē, тôм, њèму, тôј, њôј ясны послѣ того, что сказано о формахъ дат. п. ед. ч.

Формы множ. ч. представляютъ меньше матеріала для замѣчаній. Форма им. мн. ж. р. тê, ôне и вин. мн. тê (муж. и ж. р.) вм. ожидаемаго ти, они (др.-ц.-сл. ты, оны) получились въ виду такихъ же формъ именного склоненія: јèлене, жèне.

Формы дат., твор. и мѣстн. мн. ч. совпали въ одной такъ же, какъ и въ именномъ склоненіи. Формы тих, тим, тима = tîch, tîm, tîma имѣютъ гласный і вм. рефлекса ѣ (ср. др.-ц.-сл. тѣмъ, тѣми, тѣхъ) по образцу их, им, њима или формъ сложнаго склоненія: жу̑тих, жу̑тим, жу̑тима; формы tȉjĕch, tȉjem—старыя.

§ 95. Въ чакавскихъ говорахъ встрѣчаемъ форму tâ им. п. ед. ч. м. р.; въ формахъ род. и дат. является долгота гласнаго *о*: tóga, tómu подъ вліяніемъ сложнаго склоненія; во множ. ч. форма им. п. ср. р. совпадаетъ съ формой им. п. жен. рода tê; формы дат., тв. и мѣстн. мн. ч. сохраняютъ свое старое различіе: tin, tími, tich; такъ же— njin, njîmi, njîch.

Древне-сербскіе памятники датируютъ значительную часть особенностей, которыми отличается современное сербское склоненіе мѣстоименій неличныхъ.

Род. ед. ч. муж. и ср. р. на -а находимъ уже въ грам. 1190—1199 г. (всакога); ср. кога въ грам. 1254—1256 г.

Род. ед. ч. ж. р. те отмѣченъ въ грам. 1293—1302 г. (црькве те).

Формы дат. ед. м.-ср. рода, тожественныя формѣ мѣстн. п., появляются съ XV в.; ср. ка свакомь нашемꙋ въ грам. 1442 г.; въ томъ же XV в. являются формы на -е, какъ неме въ грам. 1465 г.

Форма дат. п. ед. ч. жен. рода нои датируется грамотой 1442 г., но еще раньше встрѣчаемъ нюи (= joj)—въ грам. 1395 г., всои въ грам. 1240—1272 г.

Твор. п. ед. ч. муж. р. съ новымъ -*е* отмѣченъ въ др.-сербскихъ памятникахъ XIV в.: тѣмеи (съ прибавочнымъ е + j) въ грам. 1347 г., ниме въ грам. 1379 г.

Форма твор. п. ед. ч. жен. р. на -*м* наблюдается съ XIII вѣка: сь всакомь свободомь въ грам. 1240—1242 г.

Въ формѣ мѣстн. п. ед. ч. муж. и ср. р. приставочное -*е* находимъ въ XV вѣкѣ: томе въ грам. 1416 г., ѡвомеи (съ прибавочнымъ ј послѣ е) въ грам. 1432 г., ѡномe въ грам. 1432 г. Форма дат. п. въ значеніи мѣстнаго встрѣчается еще раньше: ѡ нашемоу спасению въ грам. 1347 г. и т. п.

Форма мѣстн. п. ед. ч. жен. р. нои (њој)—въ грам. 1391 г., грам. 1420 г. (13 мая и 16 авг.).

Форма вин. мн. ч. тѣ—на-лицо уже въ Вукановомъ Ев.: кь тѣ дни 126б, кь тѣ дни 112в, 77б; нне мьногы 133а.

Формы дат. мн. на *-ма* наблюдаются съ конца XV и нач. XVI в., формы твор. мн. на *-ма*—съ XIV в., только въ формахъ мѣстн. мн. это окончанie появляется гораздо позже—въ XVII в. (см. Ист. обл. 196, 206, 212 с.).

§ 96. Вопросительное мѣстоименie *къто* имѣетъ въ сербскомъ форму кô или ткô (ср. нитко въ грам. 1321—1336 г.), а мѣстоименie *что*—штô или шта̂, а въ чакавскомъ čâ; шта̂ является формой род. п. при имен. штô, получившейся по аналогiи сѐло: сѐла (ср. нища уже въ грам. 1195—1228 г.); чакавское čâ получилось изъ *čь фонетически (ь подъ ударенieмъ дало *а*); кайкавское kaj получилось изъ *kъ-jь. Склоненie вопросительныхъ мѣстоименiй имѣетъ слѣдующiй видъ:

Имен.	кô (ткô)	штô, шта̂
Род.	кȍга	чѐга, шта̂
Дат.	кȍму (кȍме)	чѐму
Вин.	= род.	= род. п.
Твор.	ким (=kîm), кијем, киме (=kíme)	чим (čîm), чиме (=číme)
Мѣстн.	кȍм, кȍме	чѐм, чѐму.

Въ формѣ твор. п. ким и кијем *к* явилось подъ влiянieмъ иныхъ падежей вмѣсто ц (ср. др.-ц.-сл. цѣмь); форму *ким* ср. съ *тим*.

Въ чакавскомъ склоненie вопросительныхъ мѣстоименiй имѣетъ свои интересныя особенности: вм. kô—kî (ср. др.-ц.-сл. кыи, рус. *кой*); отъ čâ род. п.—česâ (ср. др. ц.-сл. чесо = праслов. *česo).

Примѣчанie. О серб. kô и tkô ср. Ильинскаго „Какъ возникло сербское kô" въ Сборникѣ въ честь Фортунатова (1900 г.).

Склоненie прилагательныхъ.

§ 97. Прилагательныя искони имѣли два различныхъ склоненiя: прилагательныя въ краткой формѣ (нечленной) склонялись, какъ существительныя (*о*-основъ въ муж. и ср. родѣ и *а*-основъ въ жен. родѣ); прилагательныя въ полной формѣ (членной) представляли особый типъ сложнаго склоненiя: *dobrъ-jь, *dobra-ja, *dobro-ję, *dobra-jego, *dobry-ję, *dobru-jemu и т. д.

Примѣчанie. Притяжательныя мѣстоименiя типа *božьjь (др.-ц.-сл. божии),—бȍжјӣ, бȍжја̄, бȍжјē,—имѣютъ лишь сложное склоненie.

Сербскій языкъ сохранилъ два вида склоненія прилагательныхъ, однако, первый типъ,—именного склоненія прилагательныхъ сохранился не вполнѣ: нѣкоторыя формы замѣнились соотвѣтствующими формами сложнаго склоненія.

Единств. число.

Им.-зв.	жу̑т	жу́то	жу́та
Род.	жу́та	= м. р.	жу́тē
Дат.	жу́ту	= м. р.	жу́тōј
Вин.	= им. или род.	= им.	жу́ту
Твор.	жу́тӣм, жу́тијем	= м. р.	жу́тōм
Мѣстн.	жу́ту	= м. р.	жу́тōј

Множеств. число.

Им.-зв.	жу́ти	жу́та	жу́те
Род.	жу́тӣх, жу́тијех	= м. р.	= м. р.
Дат.	жу́тӣм, жу́тӣма, жу́тијем	= м. р.	= м. р.
Вин.	жу́те	= им. п.	жу́те
Твор.	= дат. п.	= дат. п.	= дат. п.
Мѣстн.	= дат. п.	= дат. п.	= дат. п.

Такимъ образомъ, старыя (именныя) формы этого склоненія замѣнены формами сложнаго склоненія въ слѣдующихъ падежахъ: дат. ед. ж. р. жу́тōј (ср. жѐни), твор. ед. ч. муж. и ср. р. жу́тӣм или жу́тијем (ср. јѐленом, сѐлом), род. мн. ч. жу́тӣх, жу́тијех (ср. јѐлēнā, сѐлā, жѐнā), въ дат.-твор.-мѣстн. мн ч жу́тӣм, жу́тӣма (ср. јѐленима, сѐлима, жѐнама). Формы род. мн. ч. жу́тијех, дат. мн. жу́тијем явились подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ tȉjech, tȉjem (ср. выше, § 94),

§ 98. Сложное склоненіе прилагательныхъ значительно измѣнило свой первоначальный видъ, въ какомъ оно является, напримѣръ, въ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ, подвергшись вліянію со стороны мѣстоименнаго склоненія.

Единств. ч.

Им.	жу̑ти	жу̑тō	жу̑та
Род.	жу̑тōга, жу̑тōг	= муж. р.	жу̑тē
Дат.	жу̑тōме (жу̑тōму), жу̑тōм	„ „	жу̑тōј
Вин.	= им. или род.	= им.	жу̑ту
Твор.	жу̑тӣм, жу̑тијем	= муж. р.	жу̑тōм
Мѣстн.	жу̑тōме, жу̑тōм	„ „	жу̑тōј

Множеств. ч.

Им.	жу̂ти̅	жу̂та̅	жу̂те̅
Род.	жу̂ти̅х, жу̂тиjех для всѣхъ родовъ		
Дат.	жу̂ти̅м, жу̂ти̅ма, жу̂тиjем для всѣхъ родовъ		
Вин.	жу̂те̅	= имен.	жу̂те̅
Твор.	= дат. п. для всѣхъ родовъ		
Мѣстн.	= дат. п. для всѣхъ родовъ.		

Сходно склоняются прилагательныя съ мягкимъ согласнымъ въ исходѣ основы

Им.	вру̂ћи̅ —	вру̂ће̅ —	вру̂ћа̅
Род.	вру̂ће̅га —	вру̂ће̅га —	вру̂ће̅
Дат.	вру̂ће̅му —	вру̂ће̅му —	вру̂ћо̅j и т. п.

Гласный *е* вм. *о* въ основѣ является въ им.-вин. ед. ч. ср. рода и въ род., дат., мѣстн. ед. ч. муж. и ср. рода. Остальныя формы одинаковы.

§ 99. Въ этомъ склоненіи нѣкоторыя формы являются старыми, только измѣненными силою фонетическихъ законовъ. Такъ, формы им. п. ед. ч. жу̂ти̅, жу̂та̅, жу̂то̅ объясняются стяженіемъ изъ формъ *žьḷtyji̯, *žьḷtaja̯, *žьḷtoje̯; также форма твор. ед. ч. жу̂ти̅м правильно соотвѣтствуетъ др.-ц.-словянской жльтꙑимь, праслов. *žьḷty-jimь: -yji- дало ī); форму род. п. мн. ч. жу̂ти̅х ср. съ др.-ц.-сл. жльтꙑихъ, форму дат. м. жу̂ти̅м—съ формой жльтꙑимъ, форму им. мн. жу̂ти̅ съ формой жльтии, форму твор. ед. ч ж. р. жу̂то̅м съ жльтоѭ.

Однако, другія формы явно не соотвѣтствуютъ праславянской старинѣ, какъ она отражается въ др.-ц.-словянскихъ памятникахъ, и сформировались подъ вліяніемъ мѣстоименныхъ формъ: ср. жу̂то̅га и др.-ц.-слов. жльтаѥго или жльтааго (-aie- не могло дать о̅), жу̂то̅му и др.-ц.-слов. жльтоуѥмоу или жльтоуоумоу (-uje- также не могло дать о̅), жу̂тиjем (твор. ед.) и др.-ц.-сл. жльтꙑимь (-yji- не могло дать ӗ, изъ котораго -ije), жу̂то̅м мѣстн. ед. и др.-ц.-сл. жльтѣѥмь (-ěje- не могло дать о̅), жу̂то̅j дат. и мѣстн. ед. ч. жен. р. и др.-ц.-сл. жльтѣи, жу̂тиjех род. мн. и жльтꙑихъ.

Всѣ эти формы сложились по образцу мѣстоименныхъ: то̅га̅, то̅му, тиjем (tījem), то̅м, то̅j, тиjех (= tījech), причемъ формы жу̂то̅га, жу̂то̅му представляютъ контаминацію исчезнувшихъ болѣе старыхъ формъ на -āgo, -ūmu и новыхъ на -ogo, -omu: вторыя получили свою долготу изъ первыхъ.

Форма род. ед. жен. р., вин. мн. муж. и жен. р., им. мн. жен. р. жу̂те̅ восходитъ къ *žьḷtyję и параллельна мѣстоименной те̅.

Отношеніе формъ жу̑том, жу̑тому и жу̑томе таково же, какъ и отношеніе формъ то̑м, то̑му и то̑ме (ср. § 94).

Исторически вліяніе мѣстоименнаго склоненія на сложное въ сербскомъ языкѣ датируется весьма древней эпохой: уже въ грам. 1189 г. находимъ форму зьлога, въ грам. 1198—1199 г. велиега, грьчькога, въ грам. 1234—1240 г. чистога, въ грам. 1248 г. дубровьчкому, въ грам. 1198—1199 г. светои (дат. ед. женск. рода), въ грам. 1222—1228 г. грѣшьнѣмь твор. ед. муж. р., въ грам. 1234—1240 г. чистѣмь твор. ед., въ грам. 1198—1199 г. страшьномь мѣстн. ед., въ той же грамотѣ светои мѣстн. ед. жен. р., въ грам. 1399 г. добрѣхь род. мн. ч. Формы мѣстн. ед. м. р., тожественныя формѣ дат. ед., встрѣчаются нерѣдко въ XV вѣкѣ: ва светому въ грам. 1432 г., у блату скадарскому въ грам. 1454 г. и т. п.

Степени сравненія.

§ 100. Формы сравнит. степени въ прасловянскомъ, судя по даннымъ др.-ц.-словянскаго и другихъ словянскихъ языковъ, образовались двоякимъ образомъ: 1) помощью суффикса -jьs- и 2) помощью суффикса -ějьs-.

Въ первомъ случаѣ формы им. п. ед. ч. имѣли окончанія: -jĭ—i̯ĭ (изъ -jь + i̯ь), -jьš-i, -je, т. е. форма им. п. ед. ч. м. р. потеряла s суффикса и получила прибавочное -i̯ь (мѣстоименіе), форма им. ед. жен. р. получила суффиксъ -i̯ā на ступени редукціи, т. е. ī (s дало послѣ ь—ch, а затѣмъ передъ i—š); форма же ср. рода представляетъ иное образованіе—на -je.

Во второмъ случаѣ форма им. п. ед. муж. р. получилась изъ -ějьs вслѣдствіе отпаденія s, т. е. оканчивалась на -ějĭ, формы же жен. и ср. р. отличались отъ формъ перваго вида лишь гласнымъ ě, т. е. оканчивались на -ějьši (-ějĭši), -ěje.

Примѣчаніе. Ср. др.-ц.-сл. формы болии — больши — болѥ и новѣи — новѣиши — новѣѥ.

Въ сербскомъ языкѣ первому способу образованія сравн. степени соотвѣтствуетъ образованіе сравн. степени помощью окончаній -ī, -ē, -ā: мла̏ђӣ—мла̏ђē ср. р.—мла̏ђā жен. р.; суффиксальный j сливается въ такихъ формахъ съ предыдущимъ согласнымъ согласно законамъ сербской фонетики, т. е. dj даетъ ђ, tj—ћ, lj—љ, nj—њ, bj—бљ и т. д.: ја̑к (сильный)—ја̑чӣ, бла̑г—бла̑жӣ, дра̑г—дра̑жӣ, љу̑т—љу̑ћӣ, бијел (bȉjel)—бје̏љӣ, гру̑б—гру̑бљӣ, чр̑н—чр̑њӣ, бр̑з—бр̑жӣ, су̑х—су̑шӣ и т. п.

Форма имен. ед. ч. муж. р. правильно соотвѣтствуетъ праславянской: *boljĭjĭ — серб. бо̏љи, — со стяженіемъ -ĭ(j)ĭ въ -ī; форма средняго рода (ср. др.-ц.-сл. болѥ) получила долготу ē нефонетически, — подъ вліяніемъ отношеній формъ им. п. муж. и ср. р. прилагательныхъ положительной степени: ср. вру̑ћӣ — вру̑ћē; по аналогіи отношеній вру̑ћи : вру̑ћē : вру̑ћā получилась и форма женск. рода бо̏љā при бо̏љӣ, бо̏љē.

Второму способу образованія формъ сравн. степени (суффиксъ -ějьš: др. ц.-сл. новѣи, новѣиши, новѣѥ) соотвѣтствуютъ сербскія формы на -ijī, -ijē, -ijā: про̏ст — сравн. степени про̏стиjӣ, про̏стиjā, про̏стиjē.

Окончаніе -ijī муж. р. соотвѣтствуетъ праславянскому -ějĭ (др.-ц.-сл. -ѣи), причемъ долгота получилась подъ вліяніемъ формъ им. п. муж. р. сравн. степени перваго типа (бо̏љӣ) и формъ полож. степени; то же — въ формѣ средняго рода: про̏стиjē вмѣсто *про̏стиjе (по аналогіи бо̏љē); форма женск. рода про̏стиjā явилась при формахъ муж. и ср. рода (про̏стиjӣ, про̏стиjē) по аналогіи отношеній бо̏љӣ — бо̏љē — бо̏љā и вру̑ћи — вру̑ћē — вру̑ћā.

Что касается являющагося въ этихъ формахъ і на мѣстѣ стараго ě, то въ южныхъ говорахъ, јекавскихъ, явленіе это понятно, — ср. sȉjem (§ 16), въ говорахъ же экавскихъ формы эти считаютъ, обыкновенно, очень древними икавизмами.

Бо́льшая часть двухсложныхъ и трехсложныхъ прилагательныхъ образуетъ форму сравн. степени помощью суффикса -ijī, (-ijā, -ijē): сла̂ван — сравн. ст. сла̂вниjи, кру̏пан — кру̏пниjі, хи̏тар (быстрый) — хи̏триjӣ и т. д.; однако, и нѣкоторыя односложныя прилагательныя принимаютъ въ сравнит. степени этотъ, болѣе полный, суффиксъ: но̏в — но̏виjи, хро̏м — хро̏миjӣ, про̏ст — про̏стиjӣ и т. п.

Какъ видно изъ приведенныхъ примѣровъ, характерной чертой сербскихъ образованій сравнительной степени на -ijī является удареніе ̏ на коренномъ слогѣ, т. е. удареніе, перенесенное съ суффикса: въ чакавскомъ, сохранившемъ удареніе на старомъ мѣстѣ, оно, обычно, — на суффиксѣ (gladnȉjī, milȉjī, ravnȉjī, tupȉjī, zdravȉjī, — ср. русск. милѣе, ровнѣе, тупѣе, здоровѣе и т. п.).

Образованія на -ī отъ прилагательныхъ съ удареніемъ ̑ на коренномъ гласномъ въ сравнительной степени имѣютъ удареніе ̏ на коренномъ слогѣ: ср. выше приведенные примѣры бла̑г — бла̏жӣ, дра̑г — дра̏жӣ и т. п.

Эти образованія имѣютъ мѣсто, главнымъ образомъ, отъ односложныхъ прилагательныхъ съ удареніемъ ̑ на коренномъ слогѣ, однако, отъ пу̑ст, свȇт имѣемъ пу̏стиjӣ, свȅтиjи, а съ другой стороны,

отъ дуг, тих (= tîch)—дӯжӣ, тишӣ (= tîšî), отъ двухсложныхъ висок (vìsok), жѐсток—вишӣ (= vîšî), жѐшħӣ.

Кромѣ указанныхъ двухъ способовъ образованія формы сравнит. степени, существуетъ и третій—помощью суффикса -šî, но лишь отъ трехъ прилагательныхъ: лијеп (= lîjep) —љѐпшӣ, лȁк (изъ *lьgъkъ—по аналогіи лȁко, лȁка изъ *lьgъko, *lьgъka)—лȁкшӣ, мѐк—мѐкшӣ. Въ этихъ образованіяхъ имѣемъ суффиксальное š сравнит. степени, но съ возстановленіемъ согласнаго р, k подъ вліяніемъ формъ положительной степени: j суффикса -jьš долженъ былъ извѣстнымъ образомъ измѣнить этотъ согласный.

Образованія эти во всякомъ случаѣ не первоначальны: ср. др.-ц.-слов. льгъчаи, мѧкъчаи.

Какъ и въ др.-ц.-словянскомъ языкѣ, формы бо̏љӣ, го̏рӣ, вѐħӣ, мȁњӣ=др.-ц.-сл. болии, гории, бѫштии, мьнии—являются формами сравн. степени къ формамъ положительной до̏бар, зȁо, вѐлики, мȁлӣ (церк.-слов. добръ, зълъ, великъ, малъ).

Форма превосходной степени, какъ и въ др.-ц.-словянскомъ (и уже въ праcловянскомъ), образуется прибавленіемъ къ сравнительной степени приставки нȃј-: нȃјлакшӣ, нȃјмлаħӣ и т. п.

Склоненіе формъ сравнительной и превосходной степени таково же, какъ и склоненіе формъ положительной степени съ мягкимъ согласнымъ въ исходѣ основы—вродѣ врӯħӣ (см. § 98).

Числительныя.

§ 101. Числительное јѐдан—јѐдно—јѐдна (изъ праслов. *jedьnъ) склоняется, какъ мѣстоименіе тȃј и т. п. (јѐднога, јѐдному и т. д.).

Числительное двȃ (ср. др.-ц.-сл. дъва) въ такой формѣ употребляется и въ среднемъ родѣ, для женскаго же имѣется старая форма двȇ или двије (= dvîje); въ праcловянскомъ форма ср. рода тожественна была формѣ жен. р. *dъvě (ср. др.-ц.-сл.). Впрочемъ, старая форма им.-вин. средн. рода сохранилась въ выраженіяхъ двије о̏чи и двјȇста, двйста (въ южномъ и западномъ нарѣчіяхъ),—съ замѣной старой формы *stě формой ста по аналогіи dvȃ sèla (ср.др.-ц.-сл. сътѣ).

Форма род. п. двáју для муж. и ср. рода и двију (= dvîju), двѐју для женск. рода явились вмѣсто древней *dvoju (др.-ц.-сл. дъвою) подъ вліяніемъ соотвѣтствующихъ формъ им.-вин. двȃ и двије, двȇ.

Старая форма мѣстн. падежа, тожественная первоначально съ формой род. падежа, замѣнена формой дат.-твор. двѐма подъ вліяніемъ совпаденія всѣхъ трехъ падежей во множ. числѣ именного склоненія.

По аналогіи два̑ образовалось склоненіе числительныхъ три (trȋ) и чѐтири:

Имен.-вин.-зва̀т.	три (trȋ)	чѐтири
Родит.	три́ју	четири́ју
Дат.-твор.-мѣстн.	три́ма	чѐтирма.

Первоначально эти числительныя склонялись во множеств. числѣ (ср. др.-ц.-сл. трьхъ, четырьхъ; трьмъ, четырьмъ и т. д.).

Интересно отмѣтить, что въ чакавскомъ говорѣ Novi, наоборотъ, числительное два̑ подчинилось въ своемъ склоненіи вліянію со стороны trȋ и četȉri: род. dvȉch, дат. dvín, твор. dvȉmi и trȉch, četȉrich, trín, četȉrin, trȉmi, četȉrimi (ср. Белић, Замѣтки, § 85).

Примѣчаніе. Числительныя дво̏је, тро̏је, чѐтворо склоняются, какъ мѣстоименія ср. рода: дво́га, тро́га, четво́рга; дат.-тв. мѣстн.—съ окончаніемъ множ. (первоначально двойственнаго) числа -ма: дво́ма, тро́ма, четво́рма.

Числительныя отъ 5 до 90,—пе̑т, ше̑ст, се̑дам, о̏сам, де̑ве̄т, де̑се̄т, једа̀наест, два́наест и т. д.,—не склоняются: из седам кућа, при дванаест дрвета, с тридесет људи и т. д. Также числительныя два̑, о̏ба, три̑, чѐтири, дво̏је, тро̏је, чѐтворо, употребляясь съ предлогомъ, не измѣняются: у три куће, био сам на два мѣста, код две жене и т. п.

Примѣчаніе. Въ числительныхъ једа̀наест, два́наест и т. п имѣемъ дѣло съ отпаденіемъ конечнаго гласнаго: ср. др.-ц. сл. іединъ на десяте, дъва на десяте и т. д.

Порядковыя числительныя (пр̏ви, дру̏ги, тре̏ћи, чѐтврти, пе̑ти, ше̑сти, се̑дми, о̑сми, де̏ве̄ти, де̏се̄ти, једа̀наести и т. д.) склоняются такъ же, какъ и прилагательныя въ полной формѣ (ср. § 45).

§ 102. Формы три̑ и чѐтири для муж. рода явились довольно рано: ср. три камене въ грам. 1348 г., четири камене въ грам. 1273—1314 г. (№ LXVII Mon. serb.), — ср. въ др.-ц.-сл. трие, четыре для муж. рода, три, четыри для жен. и средняго.

Формы трију, четирију датируются XVI вѣкомъ (ср. Ист. обл., 238 с.), также—*трима* и *четирима*; въ XV в. употреблялись формы *трими*, *четирими* (op. cit. 240 с.).

Употребленіе формы им. п. два̑, три̑, чѐтири вмѣсто косвенныхъ съ предлогами замѣчается съ XV в.: са два каменка въ грам. 1435 г. (№ CCCXXI Mon. serb.), са четири камени въ грам. 1436 г. и т. п. (ср. Ист. обл. 240 с.); числительныя же пе̑т, ше̑ст, се̑дам являются въ такомъ употребленіи и раньше: ср. прѣжде годищь петь на десете въ грам. 1253 г. и т. п. (Ист. обл. 241 с.).

Спряженіе.

§ 103. Сербское спряженіе является очень интереснымъ благодаря нѣкоторымъ характернымъ чертамъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣтными являются: 1) сохраненіе старыхъ формъ аориста и имперфекта, потерянныхъ русскимъ языкомъ; 2) распространеніе въ 1 л. ед. ч. наст. времени окончанія *-м* (изъ праслов. *-mь), свойственнаго первоначально лишь глаголамъ V-го класса, на всѣ классы глаголовъ; 3) окончаніе -мо въ 1 л. мн. ч. не только настоящаго времени, но и аориста и преходящаго.

Изъ полученныхъ въ наслѣдство отъ праславянскаго формъ, связанныхъ съ системой глагола, сербскій языкъ утратилъ форму достигательнаго и форму причастія настоящаго времени страдательнаго залога.

Инфинитивъ.

§ 104. Форма инфинитива въ сербскомъ языкѣ, обыкновенно, оканчивается на *-ти*: плѐсти, тòнути, кòсити и т. д. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ праславянскомъ передъ -ti былъ согласный k, g, въ сербскомъ, конечно, получилось -ћи: пѐћи, мȍћи,—ср др.-ц.-сл. пешти, мошти и русск. печь, мочь. Кромѣ того, -ћи получалось изъ -j-ti въ силу перестановки: дȍћи изъ *dojti (раньше *do-iti),—ср. выше, § 40.

Въ чакавскихъ, а также и въ штокавскихъ говорахъ наблюдается форма инфинитива на -t: чак. trést, krȃst, umrít и т. п., въ Рагузѣ činit и т. п. (D. štok. Dial. 198—199 с.с. Аналогичныя формы встрѣчаются и въ древне-сербскомъ, но лишь въ концѣ XIV в. (см. Ист. обл. 255 с.), а потому вѣроятнѣе всего, что это—сравнительно поздняя утрата конечнаго -i, а не указаніе на старый праславянскій варіантъ инфинитива на -tь. Въ связь съ достигательнымъ формы на *-ти* также нельзя ставить, такъ какъ супинъ исчезъ въ сербскомъ гораздо раньше конца XIV в. Въ Вукановомъ Ев., напримѣръ, достигательное наклоненіе бóльшею частью замѣнено инфинитивомъ.

Формы настоящаго времени.

§ 105. Въ наукѣ принято различать въ словянскомъ глаголѣ 5 классовъ: I) глаголы съ тематическимъ $^{e}/_{o}$ передъ личными окончаніями наст. времени, какъ др.-ц.-слов. плєт-ж — плєт-є-ши, русск. плету —плетешь; II) глаголы съ суффиксомъ -$^{no}/_{ne}$ въ формахъ наст. времени, какъ др.-ц.-сл. то-нж—то-нє-ши (изъ *top-ne-ši), русск. тону—тонешь; III) глаголы съ суффиксомъ -$^{jo}/_{je}$ въ формахъ наст. времени,

какъ др.-ц.-сл. кол-іѫ—кол-іеши, русск. колю—колешь, знаіѫ—знаіеши, русск. знаю—знаешь; IV) глаголы съ тематическимъ -і въ формахъ наст. времени, какъ др.-ц.-слов. мол-іѫ—мол-и-ши, русск. молю—молишь; V) глаголы нетематическіе, въ которыхъ личныя окончанія присоединялись непосредственно къ корню.

Примѣчаніе. Иныя подраздѣленія глаголовъ покоятся на основѣ инфинитива. Такъ, въ I классѣ различаются глаголы съ основой инфинитива, равной корню (нес-ти) и основой на суффиксальное -*а* (бра-ти, др.-ц.-сл. бьрати); въ IV классѣ различаются глаголы съ основой инфинитива на -і (моли-ть) и на ѣ (видѣ-ть) и т. д.

Послѣдній классъ глаголовъ рѣзко отличался отъ первыхъ четырехъ окончаніями 1-го и 2-го л. ед. числа: ср. др.-ц-сл. іес-мь—іе-си, вѣ-мь—вѣ-си (изъ *vĕd-mь—*vĕd-si), ıа-мь—ıа-си (изъ *i̯ēd-mь, *i̯ēd-si), да-мь—да-си (изъ *dad-mь—*dad-si), имамь (но 2 л.—имаши) и, съ другой стороны,—нес-ѫ—нес-е-ши и т. п.

Въ сербскомъ языкѣ изъ глаголовъ V класса только одинъ—*jesmь сохранилъ оба отличающія этотъ классъ окончанія, -м (изъ *-mь) и -си: jѐсам или (энклитическое) сам, jѐси или си.

Глаголы *damь, *i̯ēmь, *imamь сохранили только старое окончаніе 1-го лица, а окончаніе 2-го лица -си замѣнили окончаніемъ, которое употреблялось въ остальныхъ классахъ глаголовъ: дâм—дâш, jêм—jêш, ѝмāм—ѝмāш (глаголъ *vēmь вышелъ въ сербскомъ изъ употребленія).

Съ другой стороны, окончаніе 1-го лица -м (изъ *-mь), первоначально свойственное всего нѣсколькимъ глаголамъ (5-го класса), распространилось постепенно на глаголы остальныхъ 4 классовъ. Въ настоящее время только нѣсколько глаголовъ сохранили старую форму 1 л. ед. ч. на -*у*, иногда при новой на -*м*: вѐљу и вѐљим (*говорю*—недостаточный глаголъ, имѣющій кромѣ формы наст. времени, только имперфектъ вѐљах), вȍљу и вȍљим (вȍљети—предпочитать), вињу (= vìđu) и видим (vìdīm), мȍгу (могу) и хȍћу (хочу).

Такимъ образомъ, первоначальное различіе между первыми 4-мя классами глаголовъ и 5-мъ въ формахъ настоящаго времени почти совершенно утрачено, такъ какъ въ остальныхъ лицахъ наст. времени окончанія были издревле во всѣхъ классахъ глаголовъ общія.

§ 106. Эти окончанія представляютъ въ сербскомъ языкѣ нѣкоторыя особенности, заслуживающія быть отмѣченными.

Прежде всего, возвращаясь къ формѣ 2 л. ед. ч., должно замѣтить, что сербское окончаніе -ш не соотвѣтствуетъ окончанію др.-ц.-словянскому -ши. Такъ какъ окончаніе это въ формѣ -шь встрѣ-

чается уже въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ,—ср. въ Вукановомъ Ев. движешь 64б, въ грам. 1234—1240 г. имашь, простишь, ѹзимашь и т. п.,—то его должно возводить къ праcл. варіанту *-šь (при *-ši).

Для 1 л. мн. ч. сербскій языкъ, опять таки съ древнѣйшихъ временъ своего историческаго существованія, имѣетъ окончаніе *-мо*, которое должно сравнить съ малорусскимъ -мо (несемо́, беремо́ и т. п.); очевидно, оно восходитъ къ одному изъ праславянскихъ варіантовъ этого окончанія *-mo. Примѣры окончанія -мо находимъ, напримѣръ, въ Мирославовомъ Ев.: ѥмо, въ Вукановомъ Ев.: мнѣ҆мо 21б, в, въ грам. 1222—1228 г.: ѥмо, ѥмо (энклитическая форма отъ јесам), въ грам. 1234—1240 г.: ѥмо, кльнемо, дамо, платимо, ѹчинимо, примемо и т. д.

Характерно совпаденіе ударенія въ формѣ 1 л. ед. ч. между сербскимъ и малорусскимъ: малорусскимъ формамъ съ удареніемъ на окончаніи *-мо* соотвѣтствуютъ сербскія формы: плете́мо, гребе́мо, пече́мо, држи́мо и т. п., гдѣ удареніе ʹ—перенесенное (ср. § 57): ср. чакавскія pečemȍ, tresemȍ, krademȍ, dajemȍ и т. п. Однако, удареніе является на окончаніи -мо не всегда: ср. тре̏се̄мо, чу̏је̄мо, де̏ре̄мо, то̏не̄мо и т. п. и чакавскія: gȋnemo, pȋšemo, kopámo и т. п.

То же удареніе окончанія въ извѣстныхъ глаголахъ имѣется во 2 л. мн. числа: сербскія плете́те, пече́те и малорусск. плетете́, печете́ (чакавскія pletetȅ, pečetȅ).

Въ формѣ 3 л. ед и мн. ч. въ сербскомъ не имѣемъ никакого окончанія: пле̏те̄ 3 л. ед. ч. и пле̏тӯ 3 л. мн. ч., то̏не̄ и то̏нӯ, види̑ (vȉdī) и виде̄ (vȉdē), что соотвѣтствуетъ др.-ц.-словянскимъ плететъ и плетѫтъ, тонетъ и тонѫтъ, видитъ и видѧтъ и русскимъ плететъ—плетутъ, тонетъ—тонутъ, видитъ—видятъ; только отъ глагола јѐсам (есмь) сохранилась форма jȇст рядомъ съ энклитической је.

Это отсутствіе окончанія -tъ, полученнаго въ формахъ настоящаго времени изъ праcловянскаго другими словянскими языками, врядъ ли можно объяснять чисто фонетическимъ отпаденіемъ t послѣ исчезновенія конечнаго ъ, такъ какъ такой фонетическій законъ отпаденія конечныхъ согласныхъ послѣ гласнаго нельзя установить для сербскаго языка. Гораздо вѣроятнѣе предположеніе, что изъ праcловянскаго были получены отдѣльными словянскими языками формы 3 л. ед и мн. ч. наст. времени безъ -tъ. А въ праcловянскомъ такія формы діалектически существовали рядомъ съ формами на -tъ; получились же формы эти очень рано въ силу того, что подъ вліяніемъ формъ прошедшаго времени вмѣсто первичнаго окончанія -tь въ формахъ наст. времени являлось вторичное окончаніе -t, которое

затѣмъ исчезало по общему закону отпаденія конечныхъ согласныхъ, дѣйствовавшему въ праславянскомъ языкѣ.

Примѣчаніе. Ср. Фортунатова въ Изв. XIII, 2 кн., 36 и сл. Остается при этомъ возможность, что формы плѐте̄, плѐтӯ и т. п. явились въ результатѣ взаимодѣйствія (контаминаціи) формъ *pletēt, *pletūt (изъ *pletetъ, *pletǫtъ) и *plete, *pletu (изъ праслов. *plète, *pletǫ), если нельзя объяснить иначе долготу конечныхъ гласныхъ въ формахъ плѐте̄, плѐтӯ. Форма jѐсу, су во всякомъ случаѣ можетъ быть выводима изъ праслов. *sǫ.

Формы 3 л. ед. и мн. ч. безъ -тъ встрѣчаются уже въ др.-ц.-славянскихъ памятникахъ; поэтому примѣры такихъ формъ, попадающіеся въ древнѣйшихъ литургическихъ памятникахъ сербской письменности, какъ Мирославово или Вуканово Евангеліе, еще не могутъ быть съ увѣренностью отнесены на счетъ сербскаго писца. Однако, такія формы встрѣчаемъ и въ древнѣйшихъ сербскихъ грамотахъ, а потому не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ исконной принадлежности сербскому языку; ср. въ грам. 1189 г. ходе 3 л. мн. ч., хоке 3 л. ед. ч. (хочетъ), мине 3 л. ед. ч., бѹде 3 л. ед. ч., бѹдѹ 3 л. мн. ч., въ грам. 1198—1199 г. е (есть), бѣжи 3 л. ед. ч., приходе 3 л. мн. ч., вракаю (=враħаjу) 3 л. мн. ч., соуди 3 л. ед. ч.

Примѣчаніе. Въ формѣ ıє отражается праславянское отпаденіе конечныхъ st формы *jest. Формы двойств. числа только изрѣдка попадаются въ древнѣйшихъ сербскихъ памятникахъ: ср. приносивѣ 1 л. въ грамотѣ 1222—1228 г., сѹдита 3 л. въ грам. 1240—1272 г., лиѥьствоуıєта 3 л. въ грам. 1305—1307 г., стаıєта се 3 л. въ грам. 1330 г. и т. п. (ср. Ист. обл. 298 с.). Рѣдкіе примѣры, попадающіеся въ болѣе позднихъ памятникахъ,—XV и XVI в., врядъ ли характеризуютъ живой сербскій языкъ этой эпохи.

§ 107. Что касается наиболѣе характерной черты сербскаго спряженія формъ настоящаго времени,—окончанія 1 л. ед. ч. *-м*, то оно раньше всего распространилось въ глаголахъ III класса съ гласнымъ *а* передъ суффиксомъ -je, какъ знаю, работаю и т. п.

Въ этихъ глаголахъ во 2 и 3 л. ед. ч., 1 и 2 л. мн. ч. произошло стяженіе: формы *znaješь, *znaje, *znajemo, *znajete измѣнились въ зна̑ш, зна̑, зна̑мо, зна̑те; по аналогіи отношеній да̑м : да̑ш : да̑ и т. д. (въ этомъ глаголѣ 5-го класса *-м* старое изъ *-mь) явились отношенія зна̑м : зна̑ш : зна̑ и т. д. вмѣсто *зна̑ю : зна̑ш : зна̑ и т. д. Такія формы (формы на *-м*) отъ глаголовъ III класса на -aje- находимъ въ сербскихъ памятникахъ уже съ XIII вѣка: работамь въ грам. 1238 г., стварамь (ства́рати—дѣлать) въ грамотѣ 1289 г., заклинамь и запрѣщамь въ грам. 1302—1321 г., знамь въ грамотѣ 1332 г. и т. п. (см. Ист. обл. 262 с.). Причина такого замѣчательнаго факта подчиненія весьма значительнаго класса глаголовъ вліянію всего 2—3 гла-

головъ V класса (собственно параллельны были знâш, знâ и т. п. формамъ дâш, дâ и ймāш, ймā), кажется, кроется въ томъ, что старыя формы 1 лица ед. ч. работаю, знаю, заклинаю и т. п. были мало выразительны, т. е. слабо сознавались, какъ формы именно 1 л. ед. ч., такъ какъ и формы 3 л. мн. ч. (безъ окончанія -тъ или -ть) звучали такъ же: работаю, знаю и т. д.

Въ XV в. окончаніе *-м* распространяется на глаголы IV класса: по образцу отношеній знâм—знâш—знâ или чу̑вāм—чу̑вāш—чу̑вā отношенія молю—молиш—моли измѣняются въ молим—молиш—моли. Такъ, въ грам. 1442 г. находимъ ȣчинимь, въ грам. 1444—1460 г. молимь, въ грам. 1461 г. платимь, въ грам. 1472 г. видимь. Съ конца XV в. *-м* проникаетъ и въ остальные типы глаголовъ, т. е. отношенія плету—плетеш, тону—тонеш, пишу—пишеш и т. п замѣняются отношеніями плетем—плетеш, тонем—тонеш, пишем—пишеш и т. п. (см. Ист. обл. 263 с.).

При этомъ подъ вліяніемъ работāм—работāш—работā, знāм—знāш—знā и т. п., гдѣ фонетически получилась долгота изъ стяженія во 2 и 3 л. и отсюда проникла въ 1 лицо, явились и плѐтēм—плѐтēш—плѐтē, грѐбēм—грѐбēш—грѐбē, пишēм—пишēш—пишē (= pȉšēm—pȉšēš—pȉšē) и т. п. съ долгимъ ē вмѣсто первоначально краткаго. Въ глаголахъ IV класса (љу̑бӣм, го̀рӣм, држӣм и т. п.) въ нѣкоторыхъ случаяхъ долгота, быть можетъ, является фонетической (въ положеніи послѣ стараго ударенія), въ иныхъ также явилась по аналогіи знāм—знāш и т. п.

§ 108. Такимъ образомъ, спряженіе формъ настоящаго времени въ сербскомъ имѣетъ слѣдующій видъ.

I классъ.	Ед. ч.	1 л.	плѐтēм	тре́сēм (трясу)	II классъ.	то̏нēм
		2 л.	плѐтēш	тре́сēш		то̏нēш
		3 л.	плѐтē	тре́сē		то̏нē
	Мн. ч.	1 л.	плете́мо	тре́сēмо		то̏нēмо
		2 л.	плете́те	тре́сēте		то̏нēте
		3 л.	плѐтӯ	тре́сӯ		то̏нӯ
	Инфинитивъ		плѐсти	тре́сти		то̀нути

III классъ.	Ед. ч.	1 л.	чу̏јēм	чу̑вāм	вȇжēм	ку̀пујēм
		2 л.	чу̏јēш	чу̑вāш	вȇжēш	ку̀пујēш
		3 л.	чу̏јē	чу̑вā	вȇжē	ку̀пујē
	Мн. ч.	1 л.	чу̏јēмо	чу̑вāмо	вȇжēмо	ку̀пујēмо
		2 л.	чу̏јēте	чу̑вāте	вȇжēте	ку̀пујēте
		3 л.	чу̏јӯ	чу̑вајӯ	вȇжӯ	ку̀пујӯ
	Инфинитивъ		чу̏ти	чу̑вати (сторожить)	ве́зати (вязать)	купо̀вати

IV классъ. Ед. ч. 1 л.	држим	нȍсим	видӣм (= vȉdīm)
2 л.	др̏жиш	нȍсӣш	видӣш (= vȉdīš)
3 л.	др̏жӣ	нȍсӣ	видӣ (= vȉdī)
Мн. ч. 1 л.	држӣмо	нȍсӣмо	видӣмо (= vȉdīmo)
2 л.	држӣте	нȍсӣте	видӣте (= vȉdīte)
3 л.	др̏жē	нȍсē	видē (= vȉdē)
Инфинитивъ	др̏жати	нȍсити	видјети (= vȉdjeti)
V классъ. Ед. ч. 1 л.	jȅсам, сам	да̑м	jе̑м
2 л.	jȅси, си	да̑ш	jе̑ш
3 л.	jȅст, je	да̑	jе̑
Мн. ч. 1 л.	jȅсмо, смо	да́мо	jе́мо
2 л.	jȅсте, сте	да́те	jе́те
3 л.	jȅсу, су	да́ду	jе́дӯ
Инфинитивъ	бити (= bȉti)	да̏ти	jе̑сти

§ 109. Формы сам, си, je и т. д.—энклитическія. Формы jȅсам, сам получились изъ *jesmь, *smь: по отпаденіи конечнаго ь *m* стало слоговымъ; изъ jesm̥, sm̥ получились jesьm, sьm, откуда jȅсам, сам: ср. въ др.-серб. ѥсьмь, сьмь (въ грам. 1189 г. сьмь, въ грам. 1302—1321 г. ѥсьмь).

Форма jȅсу непервоначальна,—ср. др.-ц.-сл. сѫтъ, и получила свое je- изъ остальныхъ лицъ впервые въ XIV в. (ср. Ист. обл. 291 с.).

Формы да̑ш, jе̑ш вмѣсто *dasi, *jesi также явились позже; форма дашь (также ѣшь) датируется XIV вѣкомъ (op. cit. 267 с.).

Рядомъ со старыми формами jе̑м, jе̑ш и т. д. употребляются новообразованія jȅдēм, jȅдēш и т. д.: они возникли при формѣ 3 л. мн. ч. jе́ду по аналогіи отношеній бȅрēм—бȅрēш--бȅрē.... бȅрӯ и т. п.

Формы 2 л. мн. ч. да́те, jе́те также не первоначальны: ср. др.-ц.-словянскія дасте, ѣсте и др.-сербскія дасте, jисте (Ист. обл. 288 с.); онѣ получились при формахъ да̑м—да̑ш—да̑, jе̑м—jе̑ш—jе̑ по аналогіи отношеній зна̑м—зна̑ш—зна̑—зна̑те.

Также формы 3 л. мн. ч. да́ду, jе́ду, сохранивъ старое d, замѣнили старое *e* изъ ę новымъ у подъ вліяніемъ нȅсӯ, бȅрӯ и т. п.: ср. др.-ц.-сл. дадѧтъ, ѩдѧтъ и др.-сербское даде (-е изъ -ę); дадꙋ явилось въ концѣ XIV в. (Ист. обл. 291 с.).

Такимъ образомъ, спряженіе такъ называемыхъ нетематическихъ глаголовъ (V классъ) въ значительной мѣрѣ подверглось вліянію со стороны спряженія глаголовъ тематическихъ. Съ другой стороны, помимо отмѣченнаго выше общаго вліянія глаголовъ V класса на остальные въ формѣ 1 л. ед. ч. (окончаніе *-м*), такое вліяніе можно отмѣтить и въ нѣкоторыхъ частныхъ случаяхъ

Такъ, подъ вліяніемъ формъ да́ду явилось зна́дӯ вмѣсто зна̂јӯ (да̂м : да́дӯ = зна̂м : x, откуда x = зна́дӯ).

Форма зна́дӯ была отправнымъ пунктомъ къ развитію формъ зна́де̄м—зна́де̄ш—зна́де̄—зна́де̄мо—зна́де̄те; образцомъ служили отношенія формъ такихъ глаголовъ, какъ кра́де̄м, кла́де̄м: ср. кра́де̄м—кра́де̄ш—кра́де̄.... кра́дӯ. Такъ же явились: има́дӯ и затѣмъ има́де̄м—има́де̄ш и т. д. (вм. ìма̄м—имѣю); отъ ва̏љати употребляется ва̏ља̄м и ваља́де̄м.

Такого же рода образованія являются среди формъ аориста (ср. ниже).

Примѣчаніе. Въ сѣверныхъ штокавскихъ говорахъ указанное явленіе распространено широко: встрѣчаются формы пишеду, видиду, говориду, чиниду, даваду, чуваду, идеду, зоведу (D. štok. Dial. 194 с.).

Формы аориста.

§ 110. Праславянскій языкъ обладалъ для выраженія категоріи прошедшаго времени формами двухъ родовъ: формами аориста и имперфекта и формами сложными, состоявшими изъ соединенія причастія прошедш. времени на -lъ съ вспомогательнымъ глаголомъ. Въ то время, какъ нѣкоторые словянскіе языки, въ томъ числѣ русскій, утратили формы аориста и имперфекта и сохранили лишь слѣдъ сложной формы (далъ, читалъ и т. п. съ пропускомъ вспомогательнаго глагола *есмь* или *еси*, *есть*), сербскій языкъ сохранилъ и формы перваго рода: аористъ и имперфектъ.

Изъ различныхъ видовъ аориста, извѣстныхъ праславянскому языку, сербскій языкъ сохранилъ почти исключительно аористъ сигматическій на -o-chъ, образованный отъ основъ инфинитива на согласный, и на -ch-ъ отъ глаголовъ съ основой инфинитива на гласный, т. е. аористъ др.-ц.-словянскихъ типовъ нес-охъ и зна-хъ, носи-хъ, дрьжа-хъ и т. п.

Единств. ч. 1 л.	I кл.	плѐтох	клê̄х			II классъ	тѝнух
2—3 л.		плѐте	клê̄				тѝнӯ
Мн. ч. 1 л.		плѐтосмо	кле́смо				тѝнусмо
2 л.		плѐтосте	кле́сте				тѝнусте
3 л.		плѐтоше	кле́ше				тѝнуше
Инфинитивъ		плѐсти	кле́ти (др.-ц.-сл. клѧти)				тѝнути
Единств. ч. 1 л.	III кл.	чу̏х	вѐзах	IV кл.	нѝсих		лѐжах
2—3 л.		чу̏	вѐза		нѝси̑		лѐжа̄
Мн. ч. 1 л.		чу̏смо	вѐзасмо		нѝсимо		лѐжасмо
2 л.		чу̏сте	вѐзасте		нѝсисте		лѐжасте
3 л.		чу́ше	вѐзаше		нѝсише		лѐжаше
Инфинитивъ		чу̏ти	вѐзати		нѝсити		лѐжати

Такимъ образомъ, аористъ съ соединительнымъ гласнымъ -о (на -о-х) свойствененъ лишь глаголамъ I класса (нѐсох, плѐтох и т. п.), а именно тѣмъ изъ нихъ, у которыхъ основа инфинитива оканчивается согласнымъ; всѣ остальные глаголы имѣютъ основу инфинитива на гласный, къ каковой непосредственно присоединяется признакъ аориста -х.

Что касается глаголовъ V класса, то къ глаголу јѐсам аористъ образуется отъ другого корня *bу- (ср. др.-ц.-слов. бѣхъ—бѣ—бѣ и т. д.), который представляетъ основу инфинитива *bу-ti къ этому глаголу; отъ да̏ти аористъ стараго происхожденія—да̂х, отъ јѐсти—јѐх. Однако, рядомъ со схемой да̂х—да̂—да̂ и т. д. и јѐх—јѐ—јѐ и т. д. имѣются и формы аориста, отражающія старую основу наст. времени на согласный: да̏дох—да̏де—да̏де и т. д. и јѐдох—јѐде—јѐде и т. д. (ср. 3 л. мн. ч. да̏ду и јѐду).

Повидимому, толчокъ къ образованію формъ аориста да̏дох, јѐдох дала форма аориста отъ глагола и-ти—идох (ср. др.-ц.-слов. идохъ), единственная форма аориста, которая имѣетъ иную основу, чѣмъ соотвѣтствующій инфинитивъ (ити : идох = дати : х; х = дадох).

По аналогіи идох, дадох, једох явились затѣмъ и зна̏дох, ста̏дох, имадох (= imadoch), смјѐдох (смјѐти). Форма дадохъ встрѣчается уже въ XIV в. (въ грам. 1362 г.).

Формы имаде, знаде и т. п. находимъ впервые въ XVII вѣкѣ (Ист. обл. 334 с.).

§ 111. Въ приведенной схемѣ спряженія сербскаго аориста можно отмѣтить только одно отступленіе отъ старины: въ 1 л. мн. ч.—смо вмѣсто первоначальнаго -хо-м(ъ): ср. др.-ц.-слов. плетохомъ, класохомъ, тонжохомъ, носихомъ и т. п. Очевидно, плѐтосмо явилось подъ вліяніемъ формы 2 л. мн. ч. плѐтосте по образцу отношеній формъ наст. времени: плетéмо—плетéте. Въ 3 л. мн. ч. *-ше* соотвѣтствуетъ др.-ц.-словянскому -ша (прасл. *-šę). Формы 1 л. мн. ч. на -смо находимъ довольно рано: ср. благословисмо въ грам. 1222—1228 г., висьмо въ грам. 1254 г., почесмо въ грам. 1348 г., дасмо въ грам. 1333 г. и т. п.

Встрѣчаются въ др.-сербскихъ памятникахъ также формы на -хо-мо и -хмо: крьстихомо въ грам. 1405 г., крьстихмо въ грам. 1399 г., записахмо въ грам. 1348 г., но формы эти, судя по хронологическимъ датамъ, явились позже формъ на -смо.

Примѣчаніе. Изъ формъ на -chmo (съ исчезновеніемъ ch) получились діалектическія формы на -mo: ср. въ восточно-сербскихъ говорахъ aor. 1 pl. могомо, наћомо и т. п. (Белић Дијал. ист. и јужне Србије, 567 с.).

Въ прасловянскомъ языкѣ, кромѣ образованій аориста на -o-chъ отъ глаголовъ съ основой инфинитива на согласный, имѣлись еще 2 типа аориста отъ такихъ глаголовъ: 1) аористъ простой безъ признака времени -s или -ch, напр. *mog-ъ отъ *mog-ti, и 2) аористъ съ признакомъ -s (ch), но безъ соединительнаго гласнаго и съ долготой коренного гласнаго,—напр. *nēs-s-ъ (*nes-ti infin.), *rēk-s-ъ (*rek-ti infin.), откуда затѣмъ *nēsъ, *rēchъ (-s послѣ k переходитъ въ ch, а kch даетъ chch = ch).

Въ сербскомъ языкѣ аористъ простой не оставилъ слѣда, а праслов. образованія *nēsъ, *rēchъ (др.-ц.-сл. нѣсъ, рѣхъ) сохранились, только въ формѣ *nēsъ—s замѣнился согласнымъ ch: риjех, -ниjех (= rȉjech, nȉjech). Послѣдняя форма употребляется, обычно, съ предлогами, напр. до̀ниjех—до̀ниjесмо—до̀ниjесте—до̀ниjеше. Форма 2 и 3 л. ед. ч. этого образованія отсутствуетъ, употребляется лишь до̀несе = 2—3 л. къ донѐсох, ре̑че къ риjех. Точно такъ же и въ др.-ц.-слов. языкѣ формы рѣхъ, нѣсъ не имѣютъ своихъ особыхъ формъ 2 и 3 л. ед. ч., а потому др.-сербскія формы понѣ, донѣ и пони, зани далматинскихъ писателей (Ист. обл. 320 с.) въ роли 2—3 л. ед. ч. къ до̀ниjех скорѣе—новообразованія, чѣмъ архаизмы (по образцу у̀мjех: у̀мjе отъ у̀мjети).

Подъ вліяніемъ формъ аориста риjех, до̀-ниjех явились и новыя формы инфинитива риjети (= rȉjeti—въ южныхъ говорахъ), до̀ниjети вмѣсто старыхъ ре̏ћи, донѐсти,—по образцу отношеній: у̀мjех : у̀мjети, зна̏х : зна̏ти и т. п.

Имперфектъ.

§ 112. Имперфектъ или прошедшее несовершенное можетъ образовываться только отъ глаголовъ несовершеннаго вида. Отличительнымъ признакомъ его образованія въ прасловянскомъ былъ звуковой комплексъ -aach- или -ēach- (-ēȷ̯ach-),—ср. др.-ц.-слов. дѣлаахъ, бьраахъ, молиаахъ, несѣахъ, видѣахъ: ѣ изъ прасл. ĕ = ē; въ глаголахъ IV класса типа *nositi этому комплексу предшествовалъ j, который сливался съ предшествующимъ согласнымъ (напр. *nošaachъ—др.-ц.-слов. ношаахъ).

Въ сербскомъ языкѣ признакомъ имперфекта, обыкновенно, является -а̄х съ долгимъ а̄ изъ стяженія (-ѣа или -аа). Кромѣ этой долготы а̄ въ тѣхъ случаяхъ, когда *-а* является и въ аористѣ, имперфектъ отличается отъ этого послѣдняго нѣкоторыми окончаніями (2—3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) и иногда удареніемъ: ср. ве̏зах—ве̏за—

ве̏за (аористъ) и ве̑за̄х—ве̑за̄ше—ве̑за̄ше (имперфектъ) отъ глагола ве̏зати (вязать).

Только глаголы I класса съ основой-корнемъ инфинитива на согласный (плѐте̄м—плѐсти) сохранили слѣдъ образованій на -ě̆ach- (-ě̆i̯ach-) въ видѣ -ija̅ch: отъ плѐсти имперфектъ—плѐтија̄х, отъ тре́сти (трясти)—тре́сија̄х; отъ пѐħи (печь)—пѐција̄х (но отъ гре̏псти = гре́сти—гре̏ба̄х).

Встрѣчаются также формы плѐта̄х и т. п., но форма плѐтијах употребительнѣе и, конечно, древнѣе, такъ какъ глаголы этого типа образовывали имперфектъ, судя по даннымъ др.-церк.-словянскаго языка, исключительно помощью суффикса -ě̆ach-. Въ южныхъ, јекавскихъ, говорахъ, ě̆ передъ j, какъ мы видѣли (§ 16), фонетически является въ видѣ i; труднѣе понять формы плѐтија̄х и т. п. въ экавскихъ говорахъ, гдѣ i вмѣсто ожидаемаго е изъ ě̆ остается неяснымъ.

Примѣчаніе. Иначе смотрѣлъ на формы типа plètijach Leskien въ Gramm. d. serbo-kroat. Spr., 535 c.

Что касается формы пѐција̄х, то въ ней примѣчательно -ц: ср. др.-ц.-сл. печаахъ. Вопреки Решетару (D. štok. Dial. 195 c.), такія сербскія формы съ ц (тѐција̄х отъ тѐчем=теку, вуција̄х отъ ву̏че̄м—влеку) никакъ нельзя признать архаизмами такъ же, какъ и форму жѐзија̄х отъ жѐħи—жѐже̄м (жечь—жгу); рядомъ съ послѣдней и притомъ чаще употребляется (по Вуку) форма жѐжа̄х, болѣе правильная.

Предполагая и для сербскаго языка болѣе старую форму *peča̅achъ (откуда *пѐча̄х,—ср. жѐжа̄х), легче понять и возникновеніе формъ вродѣ плѐта̄х, первоначально несвойственныхъ глаголамъ этого типа.

Послѣ того, какъ *pletě(i̯)achъ измѣнилось въ pletijach, явилось и pecijach вм. болѣе древняго peča̅ch, причемъ отношеніе pleti (повел. накл.): плетија̄х могло вызвать пеција̄х при пеци (повел. накл.), гдѣ ц является старымъ (ср. ниже, § 114).

Примѣчаніе. Иначе—Leskien, Gramm. d. serbokroat. Spr. 536 c.: c, z въ пѐција̄х, жѐзија̄х объясняется вліяніемъ формъ имперфекта отъ -тицати, -жизати (-тица̄х, -жиза̄х).

§ 113.

Ед. ч. 1 л.	I кл.	плѐтија̄х	пѐција̄х	гре̏ба̄х	II кл.	то̏ња̄х
2—3 л.		плѐтија̄ше	пѐција̄ше	гре̏ба̄ше		то̏ња̄ше
Мн. ч. 1 л.		плѐтија̄смо	пѐција̄смо	гре̏ба̄смо		то̏ња̄смо
2 л.		плѐтија̄сте	пѐција̄сте	гре̏ба̄сте		то̏ња̄сте
3 л.		плѐтија̄ху	пѐција̄ху	гре̏ба̄ху		то̏ња̄ху
Инфинитивъ		плѐсти	пѐħи	гре̏псти		то̀нути

Ед. ч. 1 л. III кл.	чу̑ва̄х	вё̂за̄х	чу̏ја̄х
2—3 л.	чу̑ва̄ше	вё̂за̄ше	чу̏ја̄ше
Мн. ч. 1 л.	чу̑ва̄смо	вё̂за̄смо	чу̏ја̄смо
2 л.	чу̑ва̄сте	вё̂за̄сте	чу̏ја̄сте
3 л.	чу̑ва̄ху	вё̂за̄ху	чу̏ја̄ху
Инфинитивъ	чу́вати	вéзати (вязать)	чу̏ти

Ед. ч. 1 л. IV кл.	виђа̄х (= vi̇̄đāch)	др̀жа̄х	но̏ша̄х
2—3 л.	виђа̄ше	др̀жа̄ше	но̏ша̄ше
Мн. ч. 1 л.	виђа̄смо	др̀жа̄смо	но̏ша̄смо
2 л.	виђа̄сте	др̀жа̄сте	но̏ша̄сте
3 л.	виђа̄ху	др̀жа̄ху	но̏ша̄ху
Инфинитивъ	виђети (= vi̇̄đeti)	др̀жати	но̏сити

Форма виђа̄х (изъ *vid-jaachъ) явилась по аналогіи но̏ша̄х и т. п. (изъ *nos-jaachъ): ср. др.-ц.-сл. видѣахъ; также непервоначальной является форма то̑ња̄х: ср. др.-ц.-сл. двигнѣахъ и т. п.; и сюда перенесено -jāch изъ другихъ глаголовъ.

Отъ глаголовъ V класса имперфектъ образуется слѣдующимъ образомъ: отъ jѐсам—бија̄х—бија̄ше (bȉjāch—bȉjaše) и т. д.,—ср. др.-ц.-сл. бѣахъ,—или бе̏х—бе̏ше и т. д.: ср. др.-ц.-сл. бѣхъ (бѣ 2—3 л. ед. ч.); отъ да̂м—да̀дија̄х, отъ jе̂м—jе̏ђа̄х (рѣже jе̏да̄х), отъ ѝма̄м—ѝма̄х или има̀дија̄х.

Форма да̀дија̄х отвѣчаетъ др.-ц.-слов. дадѣахъ, наоборотъ—форма jе̏ђа̄х имѣетъ суффиксъ -jaa- вм. -ěa: ср. др.-ц.-слов. ꙗдѣахъ.

Въ формѣ има̀дија̄х имѣемъ явленіе того же порядка, что и въ формахъ има́де̄м и ѝмадох,—ср. выше, § 110. Параллельно указаннымъ уже зна̏де̄м, зна̏дох и т. п. имѣемъ зна̀дија̄х и т. п.

Что касается окончаній сербскаго имперфекта, то они не соотвѣтствуютъ праславянскимъ только въ 1 и 2 л. мн. ч.: ср. сербск. вё̂за̄смо, вё̂за̄сте и др.-ц.-сл. вѧзаахомъ—вѧзаашете; очевидно, эти -смо и -сте перенесены изъ аориста. Окончаніе -смо встрѣчается въ XIV в.: биесмо въ грам. 1397 г. Въ др.-сербскомъ встрѣчаются также формы на -хо-мо и хо-те: бѣхомо въ грам. 1427 г., бjехоте у Ник. Ранины, а также форма бjехота для двойств. числа (въ др.-ц.-сл. -шета).

Повелительное наклоненіе.

§ 114. Повелит. наклоненіе въ сербскомъ имѣетъ формы 2 л. ед. ч., 1 л. мн. ч. и 2 л. мн. ч.; формы двойств. числа потеряны; формы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. выражаются описательно помощью частицы не̏ка (или не̏к) и соотвѣтствующей формы наст. времени

изъявительнаго наклоненія: нѣка чу̑ва̄ (пусть онъ хранитъ), нѣка чу́вају (пусть они хранятъ).

Ед. ч. 2 л.	I кл.	плѐти	пѐци	бѐри	II кл.	тȍни
Мн. ч. 1 л.		плѐтимо	пѐцимо	бѐримо		тȍнимо
2 л.		плѐтите	пѐците	бѐрите		тȍните
Инфинитивъ		плȅсти	пȅћи (печь)	бра̏ти		

Примѣчаніе. Въ формѣ пѐци ц старое изъ k передъ і изъ дифтонга оі: ср. др.-ц.-сл. пьци (ср. вєри и греч. φέροι).

Ед. ч. 2 л.	III кл.	чу̑ва̄ј	ве́жи	IV кл.	лѐжи	нȍси
Мн. ч. 1 л.		чу̑ва̄јмо	ве́жимо		лѐжимо	нȍсимо
2 л.		чу̑ва̄јте	ве́жите		лѐжите	нȍсите
Инфинитивъ		чу́вати	вѐзати		лѐжати	нȍсити

Къ глаголу јѐсам—бити (bȉti—быть) повел. наклоненіе—бу̏ди, бу̏димо, бу̏дите: ср. др.-ц.-сл. бѫди—бѫдѣмъ—бѫдѣте; къ глаголу да̑м—да̑ј; къ глаголу јȇм—јȇди и јȇђи.

§ 115. Сравнивая сербскія формы повел. наклоненія съ др.-ц.-словянскими, какъ сохранившими лучше всего праславянскую древность, мы замѣчаемъ слѣдующія отличія: 1) форма 2—3 л. ед. ч. (др.-ц.-сл. неси, тони и т. п.) сохранила значеніе лишь 2 лица, а 3-е выражается описательно (ср. выше); 2) въ формѣ 1 л. мн. ч. находимъ то же окончаніе *-мо*, что и въ изъявительномъ наклоненіи; 3) въ формахъ 1 и 2 л. мн. ч. въ глаголахъ I и II кл., какъ и въ русскомъ языкѣ, старое ě замѣнилось гласнымъ і подъ вліяніемъ формъ отъ глаголовъ IV класса, гдѣ і является и въ единственномъ, и во множественномъ числѣ: ср. др.-ц.-слов. неси—несѣмъ, но пиши—пишимъ, моли—молимъ.

Древнѣйшіе примѣры проникновенія суффикса -і во множ. число въ глаголахъ I класса относятся къ XIV в. (Ист. обл. 340 с.).

Форма јȇди, конечно,—новая: ср. др.-ц.-сл. ѣждь изъ прасл. *(j)ēdjь (русское ѣшь = ѣжь); форма эта (јȇди) могла получиться по образцу отношеній нȅсе̑м наст. вр.—нȅсох аор.—нѐси повел. накл. въ виду формъ јȅде̑м, јȅдох, о которыхъ ср. выше (§ 52). Форма јȇђи имѣетъ новое -і (изъ нѐси, др̏жи и т. д.); но своимъ ђ отвѣчаетъ др.-церк.-словянскому жд изъ прасл. dj. Формѣ этой (јȇђи) параллельна форма повел. накл. къ глаголу видјети (vȉdjeti)—виђи (vȉđi), употребляющаяся наряду съ *види* (vȉdi): ср. др.-церк.-сл. виждь изъ праслов. *vidjь, др.-сербское виђ (Ист. обл. 336 с.). Форма да̑ј не соотвѣтствуетъ, конечно, др.-ц.-словянской даждь (изъ прасл.

*dad-jь), но она, собственно, относится не къ глаголу *damь, а къ глаголу *dajǫ.

Какъ въ народной поэзіи, такъ и въ разговорномъ языкѣ, встрѣчаются формы 2 л. ед. ч. безъ конечнаго -i: чин (čȉn), бу̑д вм. чини (čȉni), бу̑ди; такъ же во 2 л. мн. ч.: бу̑дте, чинте (čȉnte).

Къ сдѣланнымъ замѣчаніямъ можно добавить, что рядомъ съ простой формой 1 л. мн. ч. повел. накл. (плѐтимо и т. п.) употребляется описательная—съ частицей да: да са̀чувамо.

Сложныя формы.

§ 116. Кромѣ простыхъ формъ—наст. времени, аориста, имперфекта и повелит. наклоненія въ сербскомъ языкѣ, какъ и въ другихъ словянскихъ, находимъ описательныя или сложныя формы спряженія. Формы эти слѣдующія.

1. Сложное прошедшее, по значенію перфектъ, состоитъ изъ соединенія причастія прош. времени на -lъ и вспомогательнаго глагола jѐсам,—ja сам плȅо (я плелъ), тӣ jѐси плѐла (ты плела) и т. д.: спрягается вспомогательный глаголъ, а причастіе измѣняется лишь въ родѣ и числѣ; вспомогательный глаголъ можетъ имѣть при этомъ энклитическую форму: рȅкао сам и т. п. Аналогична русская неспрягаемая форма прошедшаго: читалъ, читала, читали и т. д., которая получилась изъ древне-русской *читалъ есмь* и т. п.

2. Давнопрошедшее представляетъ соединеніе того же причастія на -lъ съ имперфектомъ бијах (bȉjach) или же со сложнымъ перфектомъ отъ глагола бити (быть): бијах чу̏вао или же био сам чу̏вао (bȉo sam čȕvao). Послѣдній способъ былъ извѣстенъ когда то и русскому языку и сохранился въ началѣ нашихъ сказокъ (жилъ былъ царь—съ пропускомъ *есть*).

§ 117. 3. Значеніе будущаго времени, какъ и въ русскомъ языкѣ, имѣютъ формы наст. времени глаголовъ совершеннаго вида. Кромѣ того, будущее время выражается соединеніемъ инфинитива и наст. времени глагола хо̀ћу (хочу) или энклитической формы ћу: чу̏вати ћу, плѐсти ћеш и т. д. или хо̀ћу чу̏вати, хо̀ћеш по̀гинути и т. д. Обычно обѣ формы сливаются въ одну съ опущеніемъ -ti инфинитива: чу̏ва-ћу, плȅшћеш (= плес-ти-ћеш) и т. п.

Примѣчаніе. Если глаголъ оканчивается на -ћи, то такое опущеніе не имѣетъ мѣста: рȅћи-ћу и т. д. Только въ Дубровникѣ говорятъ dôću = doćiću (приду) и т. п. (D. štok. Dial. 199 с.).

Въ южныхъ народныхъ говорахъ наблюдается способъ обозначенія будущаго времени соединеніемъ инфинитива съ глаголомъ бу̂дем,— какъ въ русскомъ языкѣ; нѣкоторыя такія соединенія совершенно слились въ одно реченіе: да̏дбудем̄ (изъ dati-budēm), хтје̏дбудем̄ (изъ chtjeti-budēm), и̏мадбудем, мо̏гбудем, зна̏дбудем, смје̏дбудем; реченія эти употребляются только въ придаточныхъ предложеніяхъ,—напр., ако им не могбудемо ништа учинити (= если мы не сможемъ имъ ничего сдѣлать).

§ 118. 4. Условное наклоненіе выражается соединеніемъ аориста отъ глагола бити (быть) и причастія прошедшаго на -lъ: чу̏вао бих, чу̏вао би (2—3 л. ед. ч.), чу̏вали бисмо, чу̏вали бисте, чу̏вали би; такимъ образомъ, вмѣсто бише (bȉše) въ 3 л. мн. ч. является би; русскій языкъ, какъ мы знаемъ, пошелъ еще дальше, обобщивъ форму *бы* (2—3 л. ед. ч.) для всѣхъ лицъ. Употребленіе формъ отъ аориста *bychъ вмѣсто соотвѣтствующихъ формъ отъ *bimь (= др.-ц.-сл. бимь—би 2—3 л., бимъ—бисте—бѫ) замѣчается уже въ др.-церк.-словянскихъ памятникахъ.

Примѣчаніе. Форма *би* употребляется также вмѣсто формъ другихъ лицъ мн. числа: ласно се би, брате, иженили (изъ народной пѣсни) и т. п. Вмѣсто *бих* въ 1 л. мн. ч. можетъ стоять форма бисам, возникшая при бисмо по образцу отношеній је̏сам—је̏смо (Maretić, Gram. 290 c).

Сравнительно рѣдкимъ является соединеніе вродѣ *био бих чувао* (bȉo bȉch čȕvao) со спеціальнымъ значеніемъ условнаго наклоненія прошедшаго времени, тогда какъ соединенія типа *бих чувао* употребляются въ значеніи условнаго наклоненія какъ настоящаго, такъ и прошедшаго времени.

§ 119. 5. Къ числу сложныхъ формъ относятся и формы страдательнаго залога. Онѣ образуются соединеніемъ формы причастія прош. времени страдательнаго залога и формы соотвѣтствующаго времени и наклоненія вспомогательнаго глагола је̏сам: ја̑ сам чу̏ван (наст. вр.), бих (bȉch) чу̏ван (аористъ), би̏јах (bȉjach) чу̏ван (имперфектъ), би̏ћу чу̏ван (будущ. вр.), био сам чу̏ван (перфектъ), бу̏ди чу̏ван (повел. накл.) и т. п.

§ 120. 6. Къ числу сложныхъ формъ относятся формы повел. наклоненія, образованныя помощью частицъ нȅка и да (ср. выше, § 114).

Формы причастія.

§ 121. Изъ формъ причастій сербскій языкъ потерялъ причастіе наст. времени страдательнаго залога; причастія наст. времени дѣй-

ствительнаго залога и прош. времени дѣйствительнаго залога склоняемое, какъ и въ русскомъ языкѣ, потеряли склоненіе, превратившись въ дѣепричастія. Причастіе прош. времени несклоняемое на -lъ и причастіе прош. времени страдательнаго залога сохранились безъ измѣненія. Дѣепричастіе наст. времени оканчивается на -ӯћи или -ӯћ: плѐтуħи или плѐтуħ, грѐбуħи или грѐбуħ, чу̏јуħи или чу̏јуħ и т. п. (то̀нӯħи, у̀мејӯħи, но̀сеħи, чу̀вајуħи, ка̀јуħи, купујуħи).

Суффиксъ -ӯћ—соотвѣтствуетъ др.-ц.-словянскому -ѫшт—и русскому -уч—(плетучи, идучи и т. п.); вся же форма на -и (і), какъ и въ русскомъ языкѣ, скорѣе всего представляетъ им. мн. ч. съ замѣной стараго окончанія -е новымъ -і подъ вліяніемъ именного склоненія; форма на -ућ, вѣроятно, представляетъ результатъ сокращенія формы на -ући,—съ отпаденіемъ конечнаго -і.

§ 122. Дѣепричастіе прошедшаго времени оканчивается на -в или -вши: клѐв—клѐвши (клѐти=клясть—др.-ц.-сл. клѧти), чу̑в—чу̑вши (чу̏ти), то̀нӯв—то̀нувши, у̀мēв—у̀мēвши, но̀сӣв—но̀сивши, пѝса̄в—пѝса̄вши, бра̑в—бра̑вши (бра̏ти=брать), ка̀ја̄в—ка̀ја̄вши и т. д.

Глаголы съ основой инфинитива на согласный потеряли свои старыя формы съ суффиксомъ -ъꙋ (ср. др.-ц.-сл. несъ—несъши ж. р.) и приняли окончаніе *-ав, -авши* отъ глаголовъ съ основой инфинитива на *-а*; по аналогіи бра̑в—бра̑вши и т. п. явились формы: плѐта̄в—плѐта̄вши, грѐба̄в—грѐба̄вши, пѐка̄в—пѐка̄вши (отъ плѐсти, грѐпсти, пѐћи), что наблюдается уже въ XVI—XVII в. (Ист. обл. 383 с.).

Форма на -в является формой муж. рода, форма на -вши употребляется для всѣхъ родовъ; по происхожденію первая является, дѣйствительно, формой им. п. ед. ч. муж. р. (др.-ц.-сл. читавъ, моливъ муж. рода), вторая—им. мн. ч. съ окончаніемъ именнымъ -і вмѣсто стараго -е.

§ 123. Потеря причастіемъ наст. вр. и прош. вр. дѣйств. залога склоненія наблюдается уже въ др.-сербскомъ языкѣ. Др.-сербскіе памятники знаютъ форму им. п. ед. ч. муж. р. на -є (=др.-ц.-сл. ѧ, прасл. ę), причемъ аналогія переноситъ (какъ и въ русскомъ) это -е въ глаголы I класса: могє (ср. др.-ц.-сл. могꙑ) въ грам. 1189 г., вꙋдє въ грам. 1234—1240 г. Однако, форма эта употребляется и въ значеніи им. ед. ч. жен. р., им. мн. ч., вин. ед. ч. уже съ конца XIV в.: а ми (=мы) хотє харни бити (харни=благодарные) въ грам. 1399 г. и т. п. (ср. Ист. обл. 350 с.). Форма им. мн. ч. муж. р. на -є уже съ первой половины XIV вѣка имѣетъ варіантъ съ окончаніемъ -и: исходєки (=др.-ц.-сл. исходѧштє) въ грам. 1327 г., іходєки ibid., хотєћи въ грам. 1387 г. и т. п. Въ томъ же XIV в. наблюдается употребленіе этой

формы на -и въ знач. им. ед. ч. м... хотеки въ грам. 1385 г., мислеки въ грам. 1387 г. Такъ какъ обѣ формы: на -е и на -уħи употреблялись въ однихъ и тѣхъ же значеніяхъ, то возникла форма контаминаціонная: (н)щеки въ грам. 1368 г. изъ ще и щуки (к = ħ), будеки въ грам. 1387 г. изъ буде и будуħи.

Такимъ образомъ, уже къ XIV в. относится начало процесса превращенія причастія наст. времени въ дѣепричастіе.

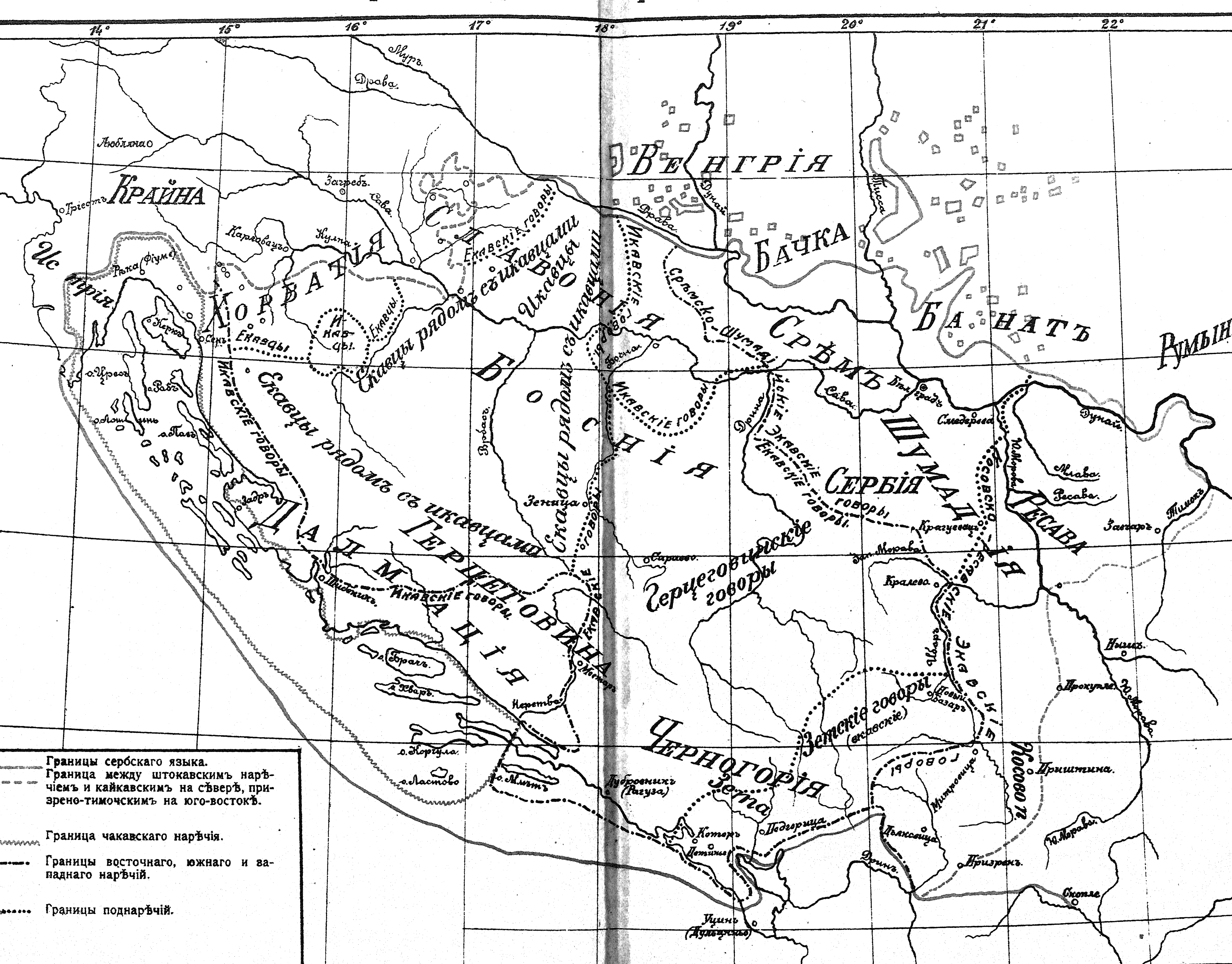
Примѣчаніе. Въ др.-сербскомъ языкѣ нерѣдко встрѣчаются также примѣры замѣны окончанія -еħи въ глаголахъ, гдѣ этотъ суффиксъ правильно соотвѣтствуетъ праславянскому -ętj,—суффиксомъ -уħи (по аналогіи могуħи и т. п.): хотуħи, видуħи и т. п. (Ист. обл. 367 с.).

Дѣепричастіе прош. времени формировалось въ ту же эпоху, что и дѣепричастіе наст. времени: формы на -и являются въ XIV вѣкѣ (платившии въ грамотѣ 1385 г. и т. п.); формы эти употребляются не только въ значеніи им. мн. ч. муж. р., но и въ значеніи другихъ падежей: въ значеніи им. ед. ч. ср. рода въ XIV вѣкѣ, въ значеніи им. ед. ч. муж. и жен. рода и вин. мн. ч. муж. рода въ XV в., въ значеніи вин. ед. ч. жен. рода въ XVI в. (см. Ист. обл. 379 с.).

§ 124. Форма причастія прош. на -lъ съ фонетическимъ измѣненіемъ lъ въ *о* не требуетъ примѣчаній (плȅо—плѐла—плѐло, клȅо—кле́ла—кле́ло, чу̏о—чу̏ла—чу̏ло и т. п.).

§ 125. Также не требуетъ особыхъ примѣчаній форма причастія прош. времени страдательнаго залога (плѐтен—плетѐна—плетѐно; такъ же вѐзен,—а,—о; пѐчен,—а,—о; клȇт—клȇта—клȇто,—ср. русск. *-клятъ*; чу̀-в-ен,—а,—о; но̏шен,—а,—о; писан,—а,—о и т. п.).

Первоначальныя границы употребленія суффиксовъ -tъ и -nъ въ говорахъ не всегда соблюдаются: встрѣчаются, напримѣръ, формы съ суффиксомъ -tъ отъ глаголовъ IV класса (въ сѣверной Босніи и Бѣловарскомъ комитатѣ): ўстановит, за̀палит и т. п. (D. štok. Dial., 201 с.). Такія формы находимъ уже въ древне-сербскомъ языкѣ (ср. Ист. обл. 398 с.).

14°
15°
16°
17°
18°
19°
20°
21°
22°
Муръ
Драва
Любляна
Загребъ
Сава
Тріестъ
КРАЙНА
Карловацъ
Купа
Истрія
Рѣка (Фіуме)
ХОРВАТІЯ
СЛАВОНІЯ
ВЕНГРІЯ
Дунай
Драва
БАЧКА
Тисса
БАНАТЪ
Румын
Крк
о. Сень
Екавцы
Икавцы
Екавцы
Екавцы рядомъ съ икавцами
Екавскіе говоры
Икавцы
Икавскіе
о. Цресъ
о. Рабъ
о. Лошинь
о. Пагъ
Икавскіе говоры
Екавцы рядомъ съ икавцами
БОСНІЯ
Врбасъ
Босна
Икавскіе говоры
Сремско-шумадіскіе
СРѢМЪ
Сава
Бѣлградъ
Смедерево
Дунай
ШУМАДІЯ
Дрина
Экавскіе
Екавскіе говоры
Косовско-ресавскіе
Ю. Морава
Млава
Ресава
РЕСАВА
СЕРБІЯ
говоры
Крагуевацъ
Тимокъ
Заечаръ
Задръ
ДАЛМАЦІЯ
ГЕРЦЕГОВИНА
Екавцы рядомъ съ икавцами
Зеница
Сараево
Герцеговинскіе говоры
Зап. Морава
Кралево
Шибеникъ
Икавскіе говоры
Ибаръ
Экавскіе
Нишъ
о. Брачъ
о. Хваръ
Мостаръ
Неретва
Прокупле
Ю. Морава
Новый Базаръ
Зетскіе говоры
(екавскіе)
ЧЕРНОГОРІЯ
Зета
о. Корчула
о. Ластово
о. Млѣтъ
Дубровникъ (Рагуза)
Косово
Приштина
Митровица
Которъ
Подгорица
Цетинье
Пекъ
Ипекъ
Дринъ
Призренъ
Скопле
Улцинь (Дульциньо)
Ю. Морава
Границы сербскаго языка.
Граница между штокавскимъ нарѣчіемъ и кайкавскимъ на сѣверѣ, призрено-тимочскимъ на юго-востокѣ.
Граница чакавскаго нарѣчія.
Границы восточнаго, южнаго и западнаго нарѣчій.
Границы поднарѣчій.